

Дом детского творчества им. В.Дубинина

А.П. Бородовский

ИСТОРИЯ СОЛЯНОГО ПРОМЫСЛА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

**Учебное пособие
по краеведению**

Новосибирск

2022

УДК

ББК

Б

Ответственный редактор: кандидат исторических наук О. А. Митько

Рецензенты:

доктор исторических наук А. И. Соловьев

кандидат исторических наук Д.М. Михайлов

кандидат исторических наук Е.Е. Тихомирова

Б 833 А. П. Бородовский История соляного дела Западной Сибири. Учебное пособие по краеведению.
125 с.

ISBN

В учебном пособии использован обширный список отечественных и зарубежных публикаций, посвященных итогам изучения истории соляного дела. Издание проиллюстрировано оригинальными изображениями, отражающими историю соляного промысла, а также результаты его изучения. Учебное пособие адресовано широкому кругу читателей — археологам, этнографам, историкам, краеведам, музейным работникам, преподавателям и студентам исторических факультетов вузов, учителям школ и учащимся.

ББК

ISBN

© Бородовский А. П., 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	
ЗНАЧЕНИЕ СОЛИ.....	
ДОБЫЧА СОЛИ В ДРЕВНОСТИ ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАНЫМ.....	
СОЛЬ И МЕТАЛЛУРГИЯ.....	
ПЕРВЫЕ РУССКИЕ ЭКСПЕДИЦИИ ЗА СОЛЬЮ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ.....	
ИСТОРИЯ СОЛЯНОГО ДЕЛА В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ТРУДАХ Г.Ф. МИЛЛЕРА И ЕГО ПОСЛЕДОВАТЕЛЕЙ.....	
ДОБЫЧА СОЛИ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ.....	
ДОБЫЧА СОЛИ В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И КОНТАКТОВ НА ЮГЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ.....	
ДОРОГИ НА ЮГЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ.....	
СОЛЯНОЙ КРИЗИС XIX в. В РОССИИ И СИБИРИ.....	
СОЛЯНАЯ МОНОПОЛИЯ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА.....	
СОЛЬ В ТОПОНИМИКЕ.....	

ПРИЛОЖЕНИЯ.....

Приложение 1

Вопросы к текстам хрестоматии.....

Приложение 2

Пословицы, поговорки, загадки о соли.....

Приложение 3

Библиография по соляному делу Сибири и сопредельных территорий...

ВВЕДЕНИЕ

Представленное учебное издание составлено на основании обширного списка отечественных и зарубежных публикаций, посвященных современным итогам изучения соляного промысла. В связи с этим необходимо подчеркнуть, что актуальность хрестоматии по соляному делу Западной Сибири обусловлена целым рядом факторов. Среди них, наличие значительных естественных ресурсов этого минерала в регионе (Рис. 1; Илл. 1); существование историографической традиции, связанной с добычей соли в Сибири (рис. 6); значение соляных путей для возникновения и исчезновения русских фортификационных сооружений (острогов, редутов, форпостов, крепостей) в Западной Сибири (Рис. 2,9, Илл. 24); присутствие такой универсалии как «соляная» топонимика в регионе (Рис. 7); значительная роль соли в экономической сфере и влияние особенностей ее естественных ресурсов на специфику хозяйственного уклада; актуальность археологического изучения проблематики связанной с солью в формате обмена, путей коммуникаций, связей с металлургией, а так же предметным комплексом (рис. 10). Кроме того, следует заметить, «скудость» в прошлом историографии вопроса о соляном промысле на территории Западной Сибири. В качестве наглядного примера можно привести практически полное отсутствие упоминаний о начале сибирского соляного промысла в хронологическом перечне важнейших событий из истории Сибири за 1032-1882 гг., составленный И.В. Щегловым в конце XIX в. [Щеглов, 1993].

Необходимо отметить, что проблемы изучения сибирского соляного промысла находятся еще в самой начальной стадии своей разработки. В частности, на археологическом материале вопросы способов добычи, транспортировки, использования соли участия этого продукта в обмене и формировании древнего транспортного сообщения Западной Сибири вообще еще в серьез не рассматривались. Именно, поэтому в учебном пособии представлены публикации по Прикарпатскому региону (Германия, Польша, Румыния, Венгрия, Словакия, Западная Украина), где «соляная проблематика» разрабатывается давно и очень успешно [Burchard, 1957; Burchard, 1959:

Burchard, 1959; Kostrzewski, 1968; Jodłowski, 1969; Jodłowski, 1972; Jodłowski, 1976; Kadrow, Nowak-Włodarczak, 2003; Przybyła, 2010; Dziegielewski, Szczerba, Chudzińska, 2011; Каврук, Георгие, 2011а; 2011б]. Следует подчеркнуть, что на археологических материалах Центральной Европы соляной промысел удается проследить как минимум с эпохи поздней бронзы (рис. 1). В этот период сложилась одна из первых глобальных «мир-систем» Евразии по Иммануилу Валлерстайну [Валлерстайн,1998], где соль наряду с металлами их «ингредиентами» (оловом) являлась «драйвером» глобальной палеоэкономики Евразии.

Важность проработки на археологическом материале Западной Сибири «соляной» проблематики очевидна. Поскольку без учета этого фактора вряд ли можно объективно разрабатывать историко-культурные и палеоэкономические реконструкции для этого ключевого региона Евразии. Например, особенности развития и распространения металлургии (Илл. 3), а также ее продукции на юге Западной Сибири не могли быть не связаны с добычей соли. Поскольку два этих промысла и производства всегда не только интегрировались, но и мотивировали в транспортно-логистическую систему целого ряда территорий в мире. Тем более, что соляной промысел, в зависимости от естественных особенностей и доступности исходных ресурсов (каменная соль, рассолы, самосадочная озерная соль) имел так же и свои существенные региональные отличия. В частности, в Евразии существует целый ряд территорий, для которых характерно как сочетание различных ресурсов соли, так и существование преимущественно одного источника этого ценного сырья. При этом, юг Западной Сибири относится к региону (Рис. 2, Илл. 1,2), где находится только одна разновидность ресурсов в виде самосадочной соли озер (Бурлинское, Коряковское, Боровое, Большое и Малое Мармышанское,) Кулундинской степи, и Барабинской лесостепи (Вишневое, Карасукское озера). В целом, количество соленых озер возрастает с севера на юг [Западная Сибирь, 1963, с. 134]. Следует подчеркнуть, что «озерный» характер территории юга Западной Сибири во многом определил социально-

экономическую специфику этого региона. Рыболовство всегда являлось здесь одной из ведущих отраслей промысловой деятельности. Вокруг территории озер местным населением, например тобобльскими татарами еще в эпоху этнографического времени (XVIII-XX вв.) велась титаническая работа по расчисте протоков у озер для поддержания эффективности в них рыболовного промысла [Косарев, 1981, с. 231]. Однако, в отношении использования и добычи самосадочной соли из западносибирских озерных источников этнографические и археологические исследования пока не «представляют» никаких данных. Проблемой так же является и древность использования соли в традиционном рыболовецком промысле юга Западной Сибири. При этом достаточно хорошо археологически изучены ямы для квашения рыбы, которые зафиксированы еще в эпоху каменного века. В частности, такие объекты выявлены на плейстоценовом памятнике Венгерово-5 [Деревянко, Молодин, 1974; Зенин, 2003]. Аналогичные сооружения в грунте обнаружены и на стоянках раннего неолита Тартас-1 и Усть-Тартас-1 [Молодин и др., 2020]. Об этом способе сохранения рыбы в связи с возможностью использования соли из этнографических источников известны следующие факты. Прежде всего, такой способ консервации и длительного хранения рыбы был характерен для населения проживающего близ рек и озер. В начале лета, выкапывалась яма, глубиной от метра и более, дно которой обкладывалось корой хвойных деревьев (например лиственницы). Свежепойманную рыбу чистили от чешуи и внутренностей, а затем варили. Затем, чуть не доварив сливали бульон, а рыбу высушивали и закапывали в яму, накрывая ее хвойной корой для длительного хранения. Зимой этот консервированный рыбный продукт добавляли в уху, чтобы сделать это блюдо более сытным. Любопытно, что об использовании соли в этих этнографических свидетельствах не упоминается, хотя в настоящее время в рецептуру квашения рыбы соль входит. Следует так же заметить, что вероятно в лесостепной зоне Западной Сибири для квашения рыбы в земляных ямах в древности могла

использоваться березовая кора, однако данных об использовании соли пока также нет.

Тем не менее, уже для эпохи палометалла на юге Западной Сибири уже существуют косвенные данные о возможном активном участии самосадочной соли с озер в обменном процессе с населением сопредельных территорий (Илл. 2). В связи с этим, необходимо отметить, что значительное количество «случайных» находок вислообушных топоров эпохи развитой бронзы в Барабинской лесостепи обнаружено около озер (Майдан, Урюм) (Рис. 3, Илл. 4). Более того, сам способ насадки этих многофункциональных инструментов аналогичен киркам (Илл. 5), использующимся в горнорудном деле. Поэтому не исключено, что кроме предмета обмена, поступавшего с юга на север, бронзовые вислообушные топоры с таким насадом и искривленным как у кирки лезвием могли использоваться при добыче самосадочной соли на озерах юга Западной Сибири. Другим инструментом, возможно использующимся для добычи самосадочной соли в озерах на юге Западной Сибири, являются бронзовые втульчатые пешни. Размеры этого инструмента составляют от 12 до 20 см. В основном эти орудия получают распространение в эпоху поздней бронзы [Черных, Кузьминых, 1989, С. 242, Рис. 108, 1]. Впоследствии именно такой тип инструментов не только широко был распространён на среднем Енисее в тагарское время, но и достаточно часто входил в комплектацию целого ряда кладов различных периодов эпохи раннего железа этого региона. Пешней называется лом деревянной ручкой для создания прорубей. В основном пешня применяется в зимнем рыболовстве. Пешней можно проверять прочность льда. Обычно, если лед выдерживает удар пешни, то он выдерживает и человека. Производительность труда при работе пешней зависит от угла заточки наконечника. Для льда угол заточки составляет 11–17°. Такие характеристики присущи и для древних бронзовых изделий. Обобщая данные по возможному инструментарию, который сопутствовал добыче самосадочной соли на юге Западной Сибири следует подчеркнуть его общие и специфические черты в сравнении с другими «соледобывающими»

территориями. Дело в том, что особенности комплекта этих орудий напрямую связаны с особенностями месторождений соляного промысла. В случае с югом Западной Сибири мы имеем дело с открытым способом добычи. Поэтому, набор инструментов и приспособлений для добычи соли будет явно отличаться своей полнотой от, например, извлечения соли при помощи сооружения соляных шахт. Если же соль добывается из рассолов, то здесь так же будут присутствовать приспособления (деревянные трубы и корыта с отверстиями, металлические сковороды), совершенно бесполезные в случае с самосадочной солью. Хотя в целом, набор инструментов соледобычи и горного дела, связанного с рудным сырьем, имеет значительное сходство. К ним относятся металлические и роговые кирки, пешни, каменные молоты, а также колотушки, лопаты и корыта, изготовленные из дерева [Гришин, 1981; Каврук, Георгие, 2011а; 2011б]. Причиной таких аналогий функционально близкого инструментария является их задействование в процессе извлечения ресурсов, в котором использовались универсальные орудия. Следует так же сказать, что соль, наряду с пушшиной являлась одним из естественных ресурсов юга Западной Сибири. Поэтому, не случайно, в окрестностях озер, которые воспроизводили самосадную соль, фиксируются находки еще импортных предметов. В частности, у ныне высохшего озера Поста́й в Каргатском районе НСО было обнаружено одно из самых больших «китайских» зеркал Барабинской лесостепи, изготовленное в эпоху средневековья (Илл. 11). Любопытно, что на карте С.У. Ремезова Барабы XVII века в районе места находки зеркала (Терениские юрты – современное с. Теренино Каргатского района НСО) отмечено месторождение соли [Бородовский, Тишкин, 2016]. Еще один обломок «китайского» зеркала так же найден у бывших Шагирских юрт, расположенный на озере Чемодан [Бородовский, Тишкин, 2015] (Рис. 4).

Естественный характер источников высококачественной соли во многом предопределил встраивание ее промысла в присваивающую, экстенсивную экономику на юге Западной Сибири. Следует подчеркнуть, что добыча и

транспортировка самосадной соли этого региона велась в формате такого хозяйственного уклада как собирательство [Материальная культура, 1989. С. 165-171]. В понятие «Собирательство» входит не только сам процесс сбора тех или иных природных ресурсов, но их транспортирование, приемы вторичной обработки и дальнейшего использования в самых различных целях. Однако, у этого хозяйственного уклада далеко не всегда имеются явные следы его археологизации (сохранение следов в виде характерных артефактов). Исключением из этого скорее всего может быть сбор моллюсков на морском побережье, который, однако, некоторыми исследователями рассматривается в формате «аквакультуры» с возможным ухаживанием и даже выращиванием за продукцией дикой природы. Такие прецеденты по данным этнографии действительно имеют место и в других промыслах. Тем не менее, собирание моллюсков любопытно тем, что оставляет после себя особый вид объектов археологического наследия – «раковинные кучи», а также формирует особый вид орудий – скребки для соскребания моллюсков с поверхности скал. Собирательство, как одна из наиболее ранних форм человеческой деятельности развивалась на протяжении многих тысячелетий и именно в ее «недрах» формировались основы производящей экономики [Материальная культура, 1989. С. 167]. На территории юга Западной Сибири с эпохи развитой бронзы и раннего железа сложился достаточно устойчивый и эффективный хозяйственный уклад в виде комплексного хозяйства гибко сочетающего все преимущества как эффективного собирательства, так и производящей экономики.

Поэтому, уже в эпоху средневековья на юге Западной Сибири уже существовало несколько хозяйственно-культурных типов (ХКТ). В частности, у племен кимако-кыпчакского объединения в конце I н.э. на территории равнин и предгорий Алтайской горной страны было представлено три разновидности хозяйственно-культурного типа. Одним из них являлось специализированное коневодство (Илл. 13). Для степных или опустыненных территорий был характерен другой ХКТ, представленный полукочевым

скотоводством, с эпизодическим включением верблюдоводства. Наряду с такими хозяйственными занятиями активно развивалась и охотничья деятельность. Еще одним ХКТ являлось подсобное мотыжное земледелие. В западносибирской лесостепи, традиционно являющейся зоной комплексного многоотраслевого хозяйства, с эпохи раннего средневековья сформировались две области, отличающиеся друг от друга ролью земледелия в хозяйстве. Одной из них являлось Нижнее и Среднее Прииртышье, где велась наиболее интенсивная хозяйственная деятельность, основанная на широком распространении мотыжного земледелия, а также пастушеского скотоводства, охоты и рыболовства.

Однако, при заготовке рыбы впрок, качество самосадной соли в зависимости от ее происхождения существенно отличалось от в зависимости от принадлежности к конкретному озеру. В частности, в полном географическом описании России (Западная Сибирь), изданной в 1907 г., отмечалось, что качество соли, добываемой в Коряковском озере не отличалось высоким качеством, что портило рыбу при ее засолке. Соль из этого источника была грязной, крупномолотой и по своему составу была мало пригодна для соления [Россия, 1907, с. 312]. Именно поэтому среди всего разнообразия соленых озер Барабинской лесостепи особенно ценилась соль из озер (Бурлинского, Коряковского, Борового, Большого и Малого Мармышанского) Кулундинской степи и сопредельной территории Казахстана (Ямышевское озеро). В XVIII столетии академик Г.Ф. Миллер отмечал, что у ямышевской соли «преимущество состоит в белости, чистоте и общей доброте соли, которую она самой лучшей испанской и французской соли не уступает» [Миллер, 1750].

Такая существенная разница в ресурсах соли во многом обусловила пограничный характер как Барабы, так и Среднего Прииртышья. Это во многом способствовало интенсивным обменно-транзитным отношениям и культурным влияниям. Наличие соли в целом ряде озер (Большое и Малое Мармышанские), расположенных в зоне ленточных боров Верхнего Приобья

[Россия, 1907, с. 343], где проходит граница южного распространения комплексов кулайской археологической культуры (IV-III вв. до н. э.) эпохи раннего железа, позволяет выявить еще один стимул глубокого проникновения выходцев из «северной», таежной среды далеко на юг (Илл. 9,10). Поскольку, для обоснования мотивации такой миграции ранее в основном приводились аргументы связанные исключительно с металлургией [Могильников, 1995, с. 77; Бородовский 2015]. Однако, соль, как показывают исследования в карпатском регионе [Каврук, Георгие, 2011а: 2011б], так же достаточно тесно связана с распространением и перемещением ресурсов необходимых для цветной металлообработки. Поэтому, юг Западной Сибири вполне может входить в группу территорий (Пиренеи, Альпы, Карпаты) где существовала длительная и устойчивая связь транзита сопутствующих «ингредиентов» цветной металлургии, ее продукции и соли. Это в свою очередь приводило к формированию на юге Западносибирского региона системы транспортного сообщения. В связи с этим следует заметить, что для этой территории на примере распространения предметов бронзолитейного комплекса сейминско-турбинского транскультурного феномена давно выявлено несколько устойчивых путей, по которым распространялись такие артефакты (копья с пламевидным лезвием, кельты с декором, кинжалы). Один из них располагался в лесостепном Обь-Иртышском междуречье [Бородовский, Оборин 2020]. Следует так же подчеркнуть, что для распространения сейминско-турбинской культурной традиции на территории Евразии были характерны две фазы - быстрого перемещения и стабильного обитания на определенной территории [Черных, Кузьминых, 1989, с. 261]. Именно в этот период производственный инвентарь («комплект литейщика») становится частью погребального инвентаря элитарных захоронений [Молодин, 1983] (Рис. 5, Илл. 3). Однако, позднее, в эпоху раннего железа, когда в степной зоне Евразии появились широкие возможности (вооруженные столкновения) приобретения богатств престиж производства и производственного инвентаря существенно снизился (Илл. 7,8). По

свидетельству «отца» истории Геродота Галикарнасского скифы в Северном Причерноморье считали зазорным все ремесленные занятия в сравнении с войной. Действительно, начиная с эпохи раннего железа и вплоть до средневековья военная деятельность была наиболее эффективной сферой присвоения и перераспределения кем-то накопленных богатств. Отчасти, именно этот фактор уже к началу первой четверти II тыс. н.э. несмотря на все значительные достижения производящей экономики на территории Сибири и других регионов явно наметилась тенденция к деградации производящей экономики по сравнению с присваивающей. Причинами такого процесса был целый комплекс внутренних и внешних факторов, во многом окончательно переориентировавший традиционную экономику западносибирского региона на сырьевые поставки и активный импорт высокотехнологичных изделий. Следствием этих негативных экономических явлений стало почти повсеместное исчезновение керамического производства к XVI-XVII вв. и серьезная деградация металлообработки на фоне значительной активизации промысловой деятельности. Добыча и транспортировка соли озерного происхождения являлось одним из достаточно эффективных экономических занятий (Илл. 14,23,25). Оно правда периодически осложнялось непредсказуемостью природных факторов. По русским письменным источникам начала XVII-XVIII вв. неоднократно отмечалось, что соль на озерах в местах ее заготовки неоднократно «не урождалась по божьему повелению». Однако, уже в эпоху просвещения и энциклопедизма в XVIII столетии появляются и естественнонаучные объяснения этого процесса. «Так как в тамошних местах существует несколько соляных озер, где летом от солнечного зноя соль в виде кристаллов осаждается на дно» [Миллер, 1941, с. 93; Миллер, 2000, с. 108].

Важно подчеркнуть, что фактор непредсказуемости характерен так же еще для некоторых разновидностей промыслов. Например охоту, в осмыслении причинно-следственных связей которой с глубокой древности формировались магические представления. Именно поэтому во введении хрестоматии

приведены реферированные тексты по символическому отношению к соли в культуре [Каврук, Георгие, 2011].

При освоении территории Западной Сибири в XVI-XVIII вв. соль наряду с пушниной являлась важным ресурсным фактором. Первое свидетельство о необходимости снарядить соляную экспедицию к озеру относится к 1594 г. и содержится в царском наказе основателю Тары князю А.В. Елецкому, поход не состоялся, так как А.В. Елецкий вскоре был отозван в Москву. В XVIII столетии Г.Ф. Миллер, разбирая хозяйственные аспекты наказа, данного в 1594 г. князю А.В. Елецкому, отправлявшемуся вверх по Иртышу для строительства города Тары, не случайно уделил особое внимание выражению «соль устроить». В немецком издании 1762 г. это словосочетание было напечатано даже на русском языке. Пояснение в тексте было следующим: «...из тамошних мест в казну соль ставить велено Сибирским служилым людям на жалованье, знатно что с обыкновенных в степях соляных озер, где соль от солнечного жару сама садится, и оную без дальних трудов брать и употреблять можно» [Миллер, 1750, с. 277-278].

Однако, первая подтверждаемая документами экспедиция, которую осуществили силами тарского гарнизона, датируется 1608 г., что, конечно не исключает того, что экспедиции могли совершаться и раньше [Васьков, 2019]. Начиная с первой четверти XVII столетия хождение из русских острогов и первых городов на «полуденную» (южную сторону) за солью становится более или менее регулярным. В частности, Г.Ф. Миллер упоминает об экспедиции Остафея Харламова 1621 г., на неизвестное озеро с «самосадной солью» [Миллер, 1941, с. 93; Миллер, 2000, с. 108]. Следует заметить, что вокруг р. Иртыша судя по письменным документам XVII «таких соляных во многих местех самосадных озер много, безчисленно» [Титов, 1890]. Однако, другие подходящие соленые озера могли использоваться только в случае, если в Ямышевском озере соль по каким-то причинам могла «не сесть», т. е. не

народиться в достаточном количестве для формирования соляного пласта [Паллас, 1786, с. 163].

Упоминание о самом первом процессе добычи самосадочной соли русскими в Сибири содержится, пожалуй, в «Описании новых земель, сиречь Сибирского царства» (1683 г.). «Служилые люди сибирцы соль-бузу из того озера ломают рычагами емлют и возят тележками на себе, на лошадях и на велбудах и струги грузят» [Титов, 1890, с. 76]. Более подробные описания добычи соли были оставлены академиком П.С. Палласом уже в конце XVIII столетия [Васьков, 2019;2020] (рис. 6). Таким образом, специфика соляного промысла в Западной Сибири заключалась в добыче самосадочной соли из находившихся на юге края соленых озер. Во-первых, озеро Ямыш (ныне Тузкала), располагалось всего в 5–6 верстах от Иртыша, что существенно упрощало возможности транспортировки. Проще всего добраться до озера можно было, отправившись вверх по Иртышу на судах из Тобольска мимо Тарского города (Рис. 10; Илл. 14).

Значение соли как продукта было достаточно многообразным. Помимо самой добычи и погрузки соли в суда, служилые люди занимались обустройством фортификационных укреплений (Илл. 19,24). Например, в грамоте из Москвы к тарскому воеводе И. В. Кольцову-Мосальскому от 27 февраля 1608 г. есть такие слова: «А у солёных де озер вверх по Иртышу без острожку и без крепости быти нельзя для колмацких людей укрепленья» [Русско-монгольские..., 1959, с. 25]. Таким образом, наличие соли или путей ее транспортировки во многом определяло место возведения различных русских оборонительных пунктов (острогов, редутов, форпостов, крепостей) в Сибири. Эти оборонительные пункты являлись основой региона сначала Московским царством, а потом и Российской империи (Илл. 21,22,23,24). При этом, если со временем «соляные» транспортные приоритеты менялись, то это влияло на дальнейшую судьбу этих фортификационных объектов. Простота добычи должна была делать самосадочную соль на юге Западной Сибири значительно

дешевле по сравнению с солью, вываренной из подземных рассолов с Урала и тем более из Европейской части России [Гефке, 2014]. Однако дешевизна примитивной технологии «съедалась» дороговизной транспортировки такой соли в Сибири. Например, путь на дощаниках вверх по течению Иртыша от Тобольска до Ямышевского озера занимал примерно полтора месяца, обратный путь – еще пять недель. Кроме того, организация этих экспедиций требовала мобилизации значительных сил и средств. Поэтому в первые десять лет регулярных экспедиций в XVII века соль привозили с Ямышевского озера в количестве, которого едва хватало для выплаты соляного жалованья сибирским служилым людям (Илл. 15,19,20). Однако, уже в конце первой четверти XVII столетия, каждый рядовой участник экспедиции за солью на Ямышевское озеро получил за свои труды 5 пудов ($16,3 \text{ кг} \times 5 = 81,5 \text{ кг}$) этого ценного продукта («соль-бузу»). Поэтому, к концу XVII это позволило не только полностью обеспечить соляные оклады всем служилым людям, но и организовать в сибирских городах выгодную для казны продажу оставшейся соли всем желающим. Более того, ежегодная добыча ямышевской соли позволяла полностью обеспечивать потребности населения Сибири в этом стратегически важном продукте. Таким образом, с середины 20-х гг. XVII в. регион стал полностью обеспечивать себя солью за счет собственных ресурсов. При этом, потребности всей Сибири в соли с лихвой удовлетворялись за счет только одного Ямышевского месторождения. В начале XVIII в. в Петровское время, в отношении соляного промысла на Ямышевском озере стали проявляться две тенденции, которые как бы противоречили друг другу. С одной стороны, по указу Петра I (Илл. 21) от 9 сентября 1701 г. предполагалось «для пополнения денежной казны» значительно увеличить соледобычу, «чтоб возможно той соли на всякой год от Ямышева озера вывозить в Тоболеск и на Тару тысяч по сту и болши пудов». С другой стороны, «В 707 году прислана с Москвы в Тоболеск великого государя грамота, к Ямышу озеру по соль дощаниками ходить не велено. По всей видимости, необходимость в таких походах, требовавших

привлечения больших сил и средств, отпала по мере отодвигания русской границы в Сибири к югу во втором десятилетии XVIII в. С 1716 г. началось строительство Иртышской укрепленной линии (Рис. 7; Илл. 23).

Еще одним обстоятельством, которое привело к существенным изменениям в соляных промыслах не только в Сибири, но и во всей России, стали преобразования Петровской эпохи (Илл. 21). В 1705 г. в России была учреждена государственная монополия на продажу соли, что привело к ее удорожанию, поскольку цена, по которой подрядчик сдавал соль государству. Еще в 1722 г. вышел императорский указ о введении подрядов в соляном деле: «Ежели кто похочет подрядом ставить соль годную в продажу с озер, кому откуда будет удобнее, в казну его императорского величества для удовольствия на продажу в города и в дистрикты, и тем людям давать торг при фискале с записью». Согласно этому указу, деятельность откупщиков-подрядчиков жестко контролировалась. Тем не менее, такие государственные меры регулирования уже к середине XIX в. привели к соляному кризису в Сибири [Волчек, 2006], который в региональных газетных изданиях продолжал обсуждаться вплоть до начала XX вв [Z, 1908; Букейханов, 1908; Л.К., 1909]. В связи с этим хотелось бы подчеркнуть два существенных момента. Во-первых, интерес к добыче соли в Сибири, судя по материалам местной прессы («Сибирские вопросы», «Природа и люди») был в центре внимания специалистов, корреспондентов и общественности, вплоть до последних лет существования Российской империи [Мур-ский, 1909; Васильев, 1912]. Во-вторых, кризисная ситуация с соледобычей на юге Западной Сибири отражала не только особенности государственной политики в этом вопросе, но и специфику организации соляного производства, а также доступность наряду с непредсказуемостью наличия естественных природных ресурсов. Все это в целом отражало как дискретность исторического и экономического развития территории Сибири, так и определенные экономические циклы существования определенных производств. Кризисные явления в экономике, столь характерные для современности с той или иной периодичностью случались

всегда, включая и далекое прошлое. Например, в эпоху раннего средневековья на территории Западной Сибири в полной мере отразился серебряный кризис, случившийся в мусульманском Востоке в XI-XII вв. Это привело не только к существенному сокращению сасанидского серебра, поступавшего через посредников в Сибирь для обмена на пушнину, но и на самом качестве драгоценного металла импортной утвари из этого металла, поступавшей в регион. В частности, рентгенофлюорисцентный анализ состава серебра в иранском (Нильдинском) блюде позволил выявить обильные включения меди [Бородовский и др., 2005]. Это было явно связано с тем, что в отличие от предшествующего периода иранские блюда стали изготавливаться из «серебряных» монет чистота металла которых в кризисные времена, существенно испортилась. Аналогичные процессы можно наблюдать и в еще более ранний период на примере качества серебра престижных сосудов (Илл. 12) древних тюрок с территории Горного Алтая [Бородовский, 2014].

На рубеже XVII-XVIII столетий произошел еще один кризис – на определенное время иссяк поток «могильного золота» из курганов юга Западной Сибири (Илл. 17,18). Участники многих академических экспедиций в Сибирь – Д.Г. Мессершмидт, И.Г. Гмелин, П.С. Паллас неоднократно отмечали, что уже в XVIII веке «бугровым» промыслом (разраблением древних могил) на юге Западной Сибири уже мало кто занимался. Поскольку все курганы были разграблены и находить в них что-то ценное уже не удавалось.

Таким образом, на кризисную ситуацию в любом виде промыслов (Илл. 16) и производств влияет целый комплекс факторов (природных, экономических, политических), что в полной мере представлено в длительной истории развития соляного дела на юге Западной Сибири. В конечном итоге, все эти знаковые процессы со временем «кристаллизовались» в «соляной» топонимике, которой посвящен отдельный раздел в представленном учебном пособии. Основной мотивацией употребления слов, связанных с солью в

качестве топоэлемента или производящей основы является то, что в протяжении всей истории она являлась фундаментом экономики. В Европе это достаточно наглядно представлено в названиях многих австрийских, голландских, итальянских, немецких, русских, швейцарских и других городов и населенных пунктов, где была добыча, очистка и продажа соли. Этот факт нашел свое непосредственное отражение в семантической структуре многих топонимов: разноязычная и разноструктурная «соль» была составной частью их значения; к топонимам, в которых читаются «соляные» следы, можно отнести значительное количество названий населенных пунктов [Гаттаулин, Фатыхова, 2018, с. 543-545]. В частности, само название Hallstatt, по результатам исследований, содержит значение «соль»: «соляное место» или «соляной город». Так же лингвистических исследованиях по топонимике было принято считать, что компонент Hal (Hall, Halla, Holl) в названиях населенных пунктов означает «соль» или «солончаковый овраг». При этом, специфика процессов, протекающих в семантической структуре топонима, обусловлена специфическим набором сем (начальная часть сложных слов, вносящая значение слов) в сравнении со структурой значения имени нарицательного или другого *онима* (слово, словосочетание или предложение, которое служит для выделения именуемого им объекта среди других объектов, его индивидуализации и идентификации), ср.: Уктус (Уктуска, Уктусска) – река в Екатеринбурге, в прошлом, Уктус – поселок (тат. тоз, тус – соль), холм Тузтюбя («соленая» вершина), холм Актюба «белая вершина». В учебном пособии приведены материалы, посвященные «соляной» топонимике [Гаттаулин, Фатыхова, 2018]. В них содержится достаточно много примеров таких названий (городов, урочищ, гор). Однако, этот перечень далеко не полный, что означает наличие достаточно широких перспектив в исторические и лингвистические изыскания в этой области. Следует так же отметить, что кроме добычи, очистке и продаже соли, отраженных в топонимах, обойдет вниманием такой важный логистический процесс, как транспортировка и доставка соли. В качестве

такого примера можно привести прежнее название с. Соляного Черлакского района Омской области – «Соляной Поворот». Этот топоним достаточно любопытен. Во-первых, он достаточно единичен на той территории, где он локализован. Во-вторых, налицо трансформация со временем самого названия населенного пункта, которое отражает историческую динамику транспортировки и заготовки самосадочной соли на юге Западной Сибири. В-третьих, сама интерпретация действительно смысла такого топонима не однозначна. В этой связи последней особенности следует уделить особое внимание. Прежде всего, необходимо подчеркнуть, что с географической и исторической точки зрения река Иртыш в своем среднем и верхнем течении является естественной границей юга Западной Сибири. Исходя из этого не случайно, что именно на этой территории в течении всего XVIII стала формироваться «Сибирская граница» (Иртышская линия) [Муратова, 2013], которая просуществовала более полутора столетий. Другим не менее важным обстоятельством была транспортировка по р. Иртыш самосадочной соли (бузы) с Ямышевского озера (Илл. 14,15). Наличие такой «соляной» логистики в Среднем Прииртышье во многом и обусловило появление топонима «Соляной Поворот» (станции, редута, станицы) [Бородовский, Чибышев, 2021]. Однако, смысловая интерпретация такого топонима до сих пор не однозначна. В частности академик П.С. Паллас, во время своего продолжительного научного путешествия 1771 г. по Западной Сибири отмечал следующее: «станция Соляной Поворот, называется потому, что в сей стране посылаемые за солью повозки обыкновенно от Иртыша в кось в Барабинскую степь к соляным озерам Вишневому и Карасукскому....поворачивают» [Паллас, 1770, с. 125] (рис. 8). Однако, эта характеристика не так однозначна, как кажется на первый взгляд. Прежде всего, следует подчеркнуть, что Петр Симон Паллас является одним из немногих авторов XVIII века, который в своих работах приводит наиболее развернутое описание соляного промысла на юге Западной Сибири [Васьков, 2019;2020]. Это означает, что он достаточно глубоко вник в детали соляного дела на региональном уровне и все его замечания крайне важны не

только для характеристики организации этого производства, но и логистике конечной продукции. Сам топоним «Соляной Поворот» безусловно, относится к широко распространённой группе названий населенных пунктов, стоящих на так называемых «соляных» дорогах. Они известны во многих странах Евразии (Испания, Франция, Германия, Польша и Россия). Однако, в характеристике происхождения топонима Соляной Поворот есть важное указание. Эта дорога, обслуживала не самое главное соляное месторождение того времени – Ямышевское озеро, доставка соли с которого велась по Иртышу, а другие соленые озера Барабы Вишневое и Карасукское (Карассуцких озера) [Паллас, 1770, с. 142-145]. В соответствии с достаточно подробной локализацией Палласом располагались в 50 верстах к востоку от Иртыша [1770, с.143]. Соль на этих озерах была очень высокого качества, но залегала на их дне слоями, мощностью до одного локтя. Эта мера соответствует 48 см. [Шостьин, 1975, с. 256]. В настоящее время эти гидронимы упомянутые П.С. Палласом [1770, с. 125, 142-145] локализуются следующим образом. Среди озер юга Обь-Иртышского междуречья только одно озеро на границе Барабинской лесостепи и Кулундинской степи имеет созвучное название – Красновишневое [Киприянова, 2020, с. 50, рис. 1, 57]. Скорее всего, именно оно соответствует одному из Карасукских (Карассуцких) озер, описанных П.С.Палласом [1770, с.145] (Рис. 1,6).

Однако, это месторождение для добычи соли явно было далеко не основным. Поэтому нельзя утверждать, что такая дорога за солью была приоритетной, поскольку ее основная перевозка осуществлялась водным путем по р. Иртыш (рис. 9, Илл. 14, 23). Во-первых, озеро Ямыш (ныне Тузкала), располагалось всего в 5–6 верстах от Иртыша. Это существенно упрощало возможности транспортировки соли. Проще всего добраться до озера можно было, отправившись вверх по Иртышу на судах из Тобольска мимо Тарского города. Также водный путь обеспечивал лучшую безопасность от часто непредсказуемых кочевников. Во-вторых, соль именно из этого озера отличалась высоким качеством. Тем, не менее, высококачественная соль на

Ямышевском озере периодически не «урождалась», что требовало вероятно задействования других, менее качественных месторождений соли в Барабе. Фактически это был тот «резервный» вариант, который возможно имел свое эпизодическое проявление, что отразилось в единичности топонима Соляной Поворот для той местности (страны по П.С. Палласу), где он локализован (Рис. 8,10).

Поскольку, для долговременных «соляных» дорог характерна в определенной степени серийность такой топонимике. Косвенно эту версию, подтверждает географическая характеристика озер, где возможна добыча соли, приведенная в издании, посвященного Западной Сибири, которое вышло в начале прошлого века [Россия, 1907, с. 343]. Отметим, что в этом издании упоминания об этих озерах (Вишневое и Карасукское) отсутствовало.

По нашему мнению, это лишний раз подчеркивает историческую ситуативность возникновения такого топонима как «Соляной Поворот», которая была связана не с долговременным существованием определенной соляной дороги, а лишь с определенным эпизодом соляной логистики на юге Западной Сибири. В конечном итоге, этот топоним так же отражает не только технологию соляного производства в древности, но и его масштабы, которые были временно зафиксированы и отразились в сибирской топонимике. Не менее важно и то, что даже в публикации П.С. Палласа отражена изменчивость трактовки топонима, связанного с солью в Среднем Прииртышье. Если в начале своего описания этого населенного пункта, он оперирует названием «Соляной Поворот» [Паллас, 1770, с.125]. То впоследствии встречаются такие наименования «Соляной поворот», «Соляное» [Паллас, 1770, с.126]. Именно эта «усеченная» версия топонима сохранилась вплоть до настоящего времени, окончательно утратив связь с соляной дорогой в Барабинскую лесостепь и Кулунду, функционировавшую в XVIII столетии. Не менее важно и то, что наличие соляной топонимике в Среднем Прииртышье является одним из косвенных признаков наличие на этой территории археологических

объектов связанных с добычей, хранением и использованием соли [Burchard, 1957]. В свою очередь, соляная ресурсная база в целом ряде случаев обуславливает высокую плотность археологических памятников. Для этого участка Среднего Прииртышья такая особенность уже отмечалась еще в конце XVIII века [Паллас, 1770, с.126]. В настоящее время, весь Черлакский район Омской области (Рис. 10) и окрестности села Соляное (бывший Соляной Поворот) характеризуются достаточно значительным количеством разнообразных и разновременных археологических памятников (объектов археологического наследия).

В связи с этим следует заметить, что в рамках исследования соляной проблематики с привлечением археологии еще в середине прошлого столетия сложился определенный алгоритм. Первым этапом таких работ являлся сбор и обобщение данных средневековых письменных источников, топономанистических данных, а также картографирование местностей, где предлагалась расположение в прошлом солеварен. Следующий этап заключался в локализация солеварен на территории конкретных местностей, на основании архивных данных и рекогносцировочных археологических исследований. Третьем заключительным этапом исследования соляного дела в прошлом является проведение целенаправленных широкомасштабных археологических исследований на выявленных ранее наиболее перспективных территориях имеющих целый ряд признаков. Среди них: наличие письменных исторических источников о соледобыче или ее транспортировке; геологические данные о соляных месторождениях и их типе; присутствие археологического материала, связанного с соляным делом [Burchard, 1957, s. 186]. Исходя из этих признаков, необходимо отметить, что целый ряд территорий юга Западной Сибири крайне перспективен для проведения таких комплексных исследований истории соляного дела в этом регионе.

В целом, такие особенности, как уже упоминалось ранее, достаточно актуальны в современной археологии, благодаря которой появляется возможность объективной реконструкции особенностей палеоэкономики юга

Западной Сибири. К ним, безусловно, следует отнести добычу самосадочной соли. Этот промысел, формировавшийся первоначально в рамках собирательства в конечном итоге привел к формированию добывающей промышленности на территории Сибири.

В приложении учебного пособия приведены вопросы к цитируемым текстам по соляному делу. В соответствии с методикой составления контрольных вопросов они представлены тремя их разновидностями. В а) воспроизведение фактического материала; б) раскрытие причинно-следственных, временных и других связей; в) обобщение и систематизация знаний. При этом величина обобщаемого отрывка текста является существенным показателем сложности вопроса. Для ответа на вопрос из извлеченного фрагмента текста хрестоматии следует уделить особое внимание на выделение главного, а также проведение сравнения, обобщения, доказательств и конкретизации. Каждый из вопросов является независимым и однозначным, ориентированным на конкретные фрагменты текста хрестоматии. Актуализация вопросов, составленных для текстов, приведенных в хрестоматии дополнительно подчеркнута, роль соли в русских пословицах, поговорках и загадках, отражающих весь исторической и культурный спектр значения соли как ценного продукта и мерила многих человеческих качеств.

Библиография

Бородовский А.П. К вопросу о составе серебра основных категорий престижного предметного комплекса древнетюркского времени Южной Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии. № 3(59) 2014. – С. 97 – 99.

Бородовский А.П., Тишкин А.А. Металлическое зеркало из Барабы // Теория и практика археологических исследований № 4(16), 2016, С. 24-35.

Бородовский А.П., Тишкин А.А. Обломок китайского зеркала из Шагирских юрт в Барабинской лесостепи // Теория и практика археологических исследований. – 2015. № 3 (11), Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2015. - С. 87-93.

Бородовский А.П., Чибышев П.В. Соляной Поворот станция, редут станица Иртышской оборонительной линии XVIII - XIX вв. Омск-Новосибирск: Изд-во «Апостроф», 2021. – 128 с.

Букейханов А. Соляная монополия в Западной Сибири // Сибирские вопросы – 1908 - № 26 – С. 35-38.

Валлерстайн И. Мирово-системный анализ // Время мира. Альманах современных исследований по теоретической истории, макросоциологии, геополитике, анализу мировых систем и цивилизаций. Новосибирск, 1998. — Выпуск 1. — С. 105—123.

Васильев В.Н. По спорной земле // Природа и люди – 1912 - № 27 – С. 401-405; № 28 – С.432-435.

Васьков Д. А. Первые русские экспедиции к солёному озеру Ямыш (первая четверть XVII в.) // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2019. № 1 (21). С. 53–60

Васьков Д.А. Соледобыча в Западной Сибири в XVII–XVIII вв. // Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Екатеринбург: 2020, Изд-во УМЦ УПИ, С. 77-85.

Волчек В.А. Кризис политики правительства в соляной отрасли и попытки его преодоления в первой половине и начале XIX в. // Вестник Кузбасского государственного технического университета Исторические науки, 2006, № 3(54) - С. 155 – 159.

Волчек В.А. Кризис политики правительства в соляной отрасли и попытки его преодоления в первой половине и начале XIX в. // Вестник Кузбасского государственного технического университета Исторические науки, 2006, № 3(54) - С. 155 – 159.

Гатауллин Р. Г., Фатыхова Л. А. «Соленые топонимы» и их особенности // Вестник Башкирского университета. 2018. Т. 23. №2 -С. 543-550.

Гефке Н.А. История соляного дела в Западной Сибири в трудах Г.Ф. Миллера и его последователей в XVIII в. // Вестник РУДН. Серия История России. 2014. № 1. С. 5–16.

Гришин Ю.С. Древняя добыча меди и олова. М.: «Наука», 1980, - 136 с.

Деревянко А. П., Молодин В. И. Исследование памятников Барабинской лесостепи // АО 1973 года. М., 1974. С. 196–197.

Зайцева Л.Г., Бобров Д.С. Дороги и пути сообщения на юге Западной Сибири в XVIII в. в освещении отечественной историографии. // Известия Алтайского госуниверситета. Историческая наука, археология, 2020 № 5(115) С. 25-31.

Западная Сибирь. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963 – 488 с.

Зенин В. Н. Поздний палеолит Западно-Сибирской равнины: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2003. 59 с.

Каврук В., Георгие С. Олово и соль в Карпатском бассейне в эпоху бронзы (часть первая) // REVISTA ARHEOLOGICĂ, 2011 № 1-2 – р. 5-46.

Каврук В., Георгие С. Олово и соль в Карпатском бассейне в эпоху бронзы (часть вторая) // REVISTA ARHEOLOGICĂ, 2012 – р. 16 -38.

Каменецкий И. П., Резун Д. Я. Озеро Ямыш как зона политического и хозяйственного взаимодействия народов в XVII в. // Гуманитарные науки в Сибири. – 2010. – № 2. – С. 32–35.

Киприянова Л.М. К типологии озер юга Обь-Иртышского междуречья по составу водной и прибрежной водной растительности // Известия АО РГО, 2020 №3 (58). С. 48-67.

Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М.: «Наука», 1981. - 282 с.

Кузьминых С.В. Сейминско-турбинская проблема. Новые материалы. КСИА, вып. 225, 2011. С. 240-263.

Л.К. Очерки сибирской жизни // Сибирские вопросы. – 1909. - № 44 С. 18-15.

Материальная культура. Свод этнографических терминов. М.: «Наука», 1989 – 222 с.

Методические рекомендации по планированию и оформлению рукописей учебной и научной литературы. – 3-е изд., перераб. и доп. / сост.: Колесникова Е. О., Осинцева Ю. Н. – Комсомольск-на-Амуре: ФГБОУ ВПО «КНАГТУ», 2012. – 87 с.

Миллер Г.Ф. История Сибири. – М., 2000. – Т. 2. – 630 с.

Миллер Г.Ф. История Сибири. – М.–Л., 1941. – Т. 2. – 796 с.

Могильников В.А. О миграциях кулайского населения на юг // Известия лаборатории археологии. - № 1. – Горно-Алтайск: [Б.и], 1995. – С. 76-86.

Молодин В. И. Погребение литейщика из могильника Сопка-2 // Древние горняки и металлурги Сибири. Барнаул, 1983. – С. 96—109.

Молодин В. И., Мильникова Л. Н., Нестерова М. С., Кобелева Л. С., Ненахов Д. А. Барабинская культура раннего неолита // Вестник НГУ. Серия История, филология, 2020, № 7. Археология, этнография – С. 69-92.

Молодин В.И., Нескоров А.В. Коллекция сейминскотурбинских бронз из Прииртышья (трагедия уникального памятника – последствия бугровщичества XXI века) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2010. – № 3. С. 58–71.

Муратова С.Р. Географическое описание Иртышской линии // Вестник Томского государственного университета. – 2013 - № 373. – С. 108-114.

Мур-ский П. Зачем мы ищем // Сибирские вопросы. – 1909 - № 45. – С. 35-37.

Основные виды и аппарат: метод. указания по определению вида издания и его соответствия содержанию / сост. Н. П. Лиханская, Г. В. Фисенко, Н. С. Ляшко, А. А. Багинская. – Краснодар: КубГАУ, 2015. – 31 с.

Паллас П.С. Путешествие по разным местам Российского государства по велению Санкт-Петербургской императорской Академии наук. 1770 г. СПб., 1786. Ч. 2. Кн. 1, 2.

Русско-монгольские отношения. 1607–1636: сб. док. / сост. М. И. Гольман, Г. И. Слесарчук – М.: Восточная литература, 1959. – 352 с.

Титов А. Сибирь в XVII в. Сборник старинных русских статей о Сибири и прилежащих к ней землях. М., 1890. – 256 с.

Требования, предъявляемые к учебным изданиям ГОСТ 7.60-2003. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Издания. Основные виды. Термины и определения

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). – М.: Наука, 1989. 320 с.

Шостьин Н.А. Очерки истории русской метрологии. XI – начало XX века, М.: Изд-во стандартов. 1975. – 272 с.

Щеглов И.В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири 1032-1882 г. – Сургут: «Северный дом», 1993. – 458 с.

Z. К вопросу о соляной монополии // Сибирские вопросы – 1908 -№ 31/32. – С. 76-78.

Burchard H. Z badań nad początkami eksploatacji soli w Polsce (w:) Sprawozdania Archeologiczne, T. 4, 1957, s.180-186

Burchard H., Eksploatacja soli w Polsce od XIII wieku, „Slavia Antiqua”, t. 6, 1959, s. 396–412.

Burchard H., O początkach solnictwa w Karpatach polskich, *Acta Archaeologica Carpathica*, t. V, 1963, s. 47

Dzięgielewski K., Szczerba R., Chudzińska B., Osadnictwo z wczesnej epoki brązu, okresu halsztackiego i starszego okresu przedrzymskiego oraz ślady działalności człowieka w czasach średniowiecznych i nowożytnych na stanowisku 17 w Podłężu, pow. wielicki (w:) *Raport 2005–2006*, S. Kadrow (red.), Warszawa, 2011, s. 315–348.

Jodłowski A., Problem eksploatacji soli w okolicach Krakowa w starożytności i we wczesnym średniowieczu, „*Archeologia Polski*”, t. XIV, Wrocław–Warszawa–Kraków, 1969, s. 137–165.

Jodłowski A., Z metodyki badań archeologicznych nad produkcją soli na ziemiach polskich do połowy XII wieku (w:) *Kwartalnik Historii Kultury Materialnej*, T. 20, N. 4, 1972, s. 611–621.

Jodłowski A., Technika produkcji soli na terenie Europy w pradziejach i we wczesnym średniowieczu, „*Studia i Materiały do Dziejów Żup Solnych w Polsce*”, t. V, Wieliczka, 1976, s. 1–257.

Kadrow S., Nowak-Włodarczak E., Osada kultury łużyckiej na stan. 27 w Krakowie-Bieżanowie – organizacja warzelnictwa soli (w:) *Epoka brązu i wczesna epoka żelaza w Karpatach polskich*, J. Garncarski (red.), Krosno, 2003, s. 549–567

Kostrzewski J., Dziesięć tomów i dziesięć lat istnienia „*Acta Archeologica Carpathica*”, T.5, 1968,

Przybyła M. M., Kilka uwag na temat możliwości produkcji soli przez ludność kultury trzcinieckiej w zachodniej Polsce (w:) *Mente et rutro. Studia archeologia Johanni Machnik viro doctissimo octogesimo vitae anno ab amicis, colleges et discipulis oblata*, S. Czopek, S. Kadrow (red.), Rzeszów (Mitel), 2010, s. 407.

ЗНАЧЕНИЕ СОЛИ

Соль (хлорид натрия, NaCl) является одним из минералов, без которого жизнь была бы невозможна. Натрий и хлор в жидких средах животных организмов обеспечивает кислотно-щелочное равновесие, водно-солевой обмен, а также величину биоэлектрических потенциалов. Положительные ионы натрия способствуют образованию целого ряда ферментов, а отрицательные ионы хлора играют важную роль в образовании в желудке хлороводородной кислоты. Последняя играет важную роль в переваривании и усвоении белков, а также способствует образованию гормонов, стимулирующих деятельность поджелудочной железы. Кроме того, она способствует переходу пищи из

желудка в двенадцатиперстную кишку и обезвреживанию микробов. Хлорид натрия входит в тканевые жидкости и в состав крови, а при его недостатке организм отдает его из крови и тканей. Недостаток соли в организме вызывает целый ряд функциональных и органических расстройств: спазмы гладкой мускулатуры, поражение центров нервной системы, мышечную слабость, утомляемость, потерю аппетита, повышенное чувство жажды. В экстремальных случаях недостаток соли в организме может привести даже к летальному исходу. Считается, что в среднем взрослому человеку необходимо около 6 г соли в сутки, крупному рогатому скоту 25–30 г, лошади около 40 г, а мелкому рогатому скоту 5–15 г. Однако, в зависимости от образа жизни, возраста, питания, климатических условий и физической нагрузки эта величина может колебаться. Так, в условиях жаркого климата, а также при интенсивной физической деятельности суточная потребность человека в соли может достичь

30 г. Точно также значительно повышается необходимость в соли у дойных и тягловых животных. Это связано с тем, что повышенная температура, физическая нагрузка и интенсивная деятельность молочных и половых желез сопровождается обильным выделением соли из организма [Каврук, Георгие, 2011].

Человеку соль необходима не только для поддержания жизни собственного организма, но также для решения целого ряда насущных хозяйственных задач. Одной из наиболее важных сфер использования соли является скотоводство. Для обеспечения здоровья, плодовитости, силы и высокого удоя скота, люди повсеместно заботятся о том, чтобы корм домашних животных содержал соль сверх того, что имеется в обычной растительной пище. Неслучайно поэтому древнейшие свидетельства систематической и целенаправленной эксплуатации соли относятся к неолиту [Nenquin 1961, s. 11, 158; Weller 2004; Weller 2010]. Соль является одним из наиболее эффективных средств консервирования пищевых продуктов. Она незаменима

при изготовлении сыра – этого „дешёвого белка” [Бродель 1986, с. 228] – одного из наиболее ценных пищевых продуктов. Сыр, по сравнению с молоком, имеет два существенных преимущества: сохраняется длительное время, а также легко усваивается [Sherratt 1997, s. 174-180]. По мере того, как изготовление сыра становилось широко распространённой и устойчивой практикой (в Европе начиная, видимо, с энеолита-эпохи бронзы), необходимость в соли должна была возрасть. Соль также широко использовалась при дублении шкур. Она была эффективным дезинфектором и медикаментом: её используют при лечении целого ряда заболеваний (различных форм ревматизма, кожных ран, бронхита, лёгочной недостаточности, зубной боли, некоторых желудочных, гинекологических и простудных заболеваний). Неравномерное распространение доступных источников соли, с одной стороны, и высокая потребность в этом минерале – с другой, сделали её одним из наиболее важных предметов обмена. При этом обмену подлежит не только соль как таковая, но и засоленные скоропортящиеся продукты [Nenquin 1961, s. 146-154; Бродель 1986, с. 226-227]. Благодаря своей высокой потребительной стоимости, неравномерности распространения и устойчивости по отношению к внешним факторам, соль нередко использовалась в качестве примитивных денег [Nenquin 1961, s. 137]. Например, в Древнем Риме часть жалования выдавалась солдатам в виде соли, после чего был введён соляной эквивалент – *salarium* [Словарь Античности 1989, с. 538]. Отсюда: *salary* (англ.), *salariu* (рум.) – заработная плата. Аборигены Папуа – Новой Гвинеи поныне используют слитки соли в качестве примитивных денег [Pétrequin et al. s. 2001]. Соль была деньгами в „королевствах” бассейнов Верхнего Сенегала и Верхнего Нигера и в Эфиопии, где по словам автора 1620 г., кубы соли распиливали наподобие горного хрусталя: на кусочки в палец длиной”, и они служили в равной мере и деньгами и пищей...” [Бродель 1986, с. 470].

В то же время соль обладает рядом вредных для живых организмов свойств. Потребляемая в избыточном количестве, соль является причиной многих

заболеваний (наиболее распространённое из них – гипертония) и даже смерти. Избыток соли делает почву бесплодной. Она также оказывает сильное коррозионное воздействие на многие материалы неорганического происхождения. Высокая потребительная стоимость и символическая значимость соли способствовали тому, что она становится символом престижа и власти [Moga 2009, s. 180].

Соль в мифологии

Путём расширительной интерпретации реальных физико-химических свойств соли и её воздействия на живую и мёртвую материю, в архаических обществах она наделяется целым рядом сверхъестественных качеств и высокой символической значимостью [Каврук, Георгие, 2011, с. 17]. Так, высокая потребительная стоимость соли, в совокупности с ограниченной доступностью, сделали её символом богатства; важность соли для жизни и здоровья, а также способность предотвращать разложение органических веществ, сделали её символом вечности, бессмертия, постоянства, силы и здоровья [Nenquin 1961, s.10; Bonte, Izard 1999, s. 603-604], а её дезинфекционное действие послужило тому, что она стала символом чистоты [Bonte, Izard 1999, s. 603-604]. По той же логике, соль наделяется сверхъестественными вредными свойствами [Moga 2009, s. 175; Bonte, Izard 1999, s. 603-604]. Очень широко распространено представление о её божественном происхождении. Так, например, аборигены Папуа Новой Гвинеи верят, что вода солёных источников – это *моча подземной богини* [Pétrequin et al. 2001], а в современных деревнях румынской Молдовы крестьяне, развозящие по сёлам солёную воду, не берут за это денег, так как, по их убеждениям, «соль от Бога» [Alexianu et al. 2007, s. 131]. Соль используют в магических, религиозных и погребальных ритуалах [Nenquin 1961, s.145-146; Словарь Античности, 1989, с. 538; Dăncuș 2006, s.147-148; Monah 2008, s.117-131], а доступ к её источникам нередко сопровождается ограничениями символического порядка [Pétrequin et al. 2001].

Вокруг этого минерала возникает сложная система социальных, экономических и политических отношений, связанных с доступом к его источникам, добыче и обмену. Повсеместное стремление, с одной стороны, установить и удержать, а с другой – нарушить и захватить *монополию* на источники соли, были постоянным источником конфликтов, в том числе военных [Moga 2009, s. 181].

Библиография:

- Бродель Ф.** Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV—XVIII вв. М., 1986.
- Словарь античности** М.: Прогресс, 1989.-. 704 с
- Alexianu et al. 2007:** M. Alexianu, O. Weller, R. Brigand, Izvoarele de apă sărată din Moldova subcarpatică. and settlement in the Bronze Age of south-eastern Europe: a pilot study from western Serbia. *Antiquity*, 085, 327
- Archeologiae et Historiae Ion Niculiță, anno septuagesimo aetatis suae, dedicator (Chișinău 2009), 21-36.**
- Bonte, Izard 1999:** P. Bonte, M. Izard, Dicționar de etnologie și antropologie (Iași, 1999).
- Dăncuș 2006:** M. Dăncuș, Sarea – fragmentarium etnologicum, In: V. Cavruc, A. Chiricescu (eds.), Sarea, Timpulși Omul (Sfântu Gheorghe 2006), 147-148.
- Moga 2009:** Iu. Moga, Salt Extraction and Imagery in the Ancient Near East. *JIRRS* 4, 2009, 175-213.
- Monah 2008:** D. Monah, O confi rmare etnografică a versetului Iezechiel 16/4. Sărarea noilor născuți. In: Gh. Dumitroaia, D. Monah (ed.), Sarea, de la present la trecut (Piatra Neamț 2008), 117-131.
- Mountains): some new evidence. OJA** 8, 2, 1989, 203-212,
- Nenquin 1961:** J. Nenquin, Salt. A study in economic prehistory (Brugge 1961).
- Pétrequin et al. 2001:** P. Pétrequin, O. Weller, E. Gauthier, A. Dufraisse, Salt springs exploitations without pottery during Prehistory. From New Guinea to the French Jura. In: P. Pétrequin, S. Beyries (eds.), *Ethnoarchaeology and its transfer. Proceedings of the 5th meeting of the European Association of Archaeologists*, Bournemouth, England, 1999. BAR International Series 983 (Oxford 2001), 37-65.
- Sherratt 1997:** A. Sherratt, *Economy and Society in Prehistoric Europe* (Princeton 1997).
- Weller 2004:** O. Weller, Los orígenes de la producción de sal: evidencias, funciones, y valor en el Neolítico europeo, *Pyrenae. JWMPA* 35, 1, 2004, 93-116.
- Weller 2010:** O. Weller, Gh. Dumitroaia, D. Sordoillet, A. Dufraisse, E-. Gauthier, R. Munteanu, Lunca-Poiana Slatinei (jud. Neamț): cel mai vechi sit de exploatare a sării din preistoria europeană. *AM XXXII* 2009 (București 2010), 21-39.

ДОБЫЧА СОЛИ В ДРЕВНОСТИ ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ

Для того чтобы оценить характер, масштабы и цели соледобычи в позднем бронзовом веке в Карпатском бассейне, следует ответить на следующие вопросы: - Что было исходным материалом (каменная соль, солёная вода,

иные источники), из которого получали соль в бронзовом веке на вышеописанных памятниках? - Какого типа была добыча соли и насколько развитым был её технический уровень? - Подвергалась ли добытая соль обработке? Если да, в чём она состояла? Как выглядел конечный продукт соледобычи? - Как местоположение памятников соледобычи соотносилось с местоположением поселений того же времени? - Как соотносятся памятники соледобычи с одновременными им археологическими культурами в Трансильвании и Марамуреше? - Как местоположение памятников соледобычи соотносилось с естественными коммуникационными путями, обеспечивавшими доступ к территориям, где нет естественных источников соли?

Тип эксплуатации соли и её технический уровень. На рассматриваемых памятниках было найдено много орудий и всякого рода приспособлений: массивные каменные молоты, деревянные корыта-желоба, лестницы, молоты, лопаты и совки, массивные клинья, канат и проч. Неоднократно эти изделия были найдены в соляных коях или шахтах, что не оставляет сомнения в том, что они использовались для добычи каменной соли. При этом в одних случаях (Валя Флорилор, Тисолово, Солотвино, Окна Деж) имело место глубинная добыча соли, а в других (Кайла, Бэиле Фига и Сэсарм) соль добывалась на относительно малой глубине. В Бэиле Фига обращают на себя внимание многочисленные деревянные сооружения. Среди них выделяются остатки сооружения прямоугольной формы, стены которого состояли из вертикально воткнутых в землю дубовых досок высотой до 3,3 м, упирившихся нижними концами в соляную породу. Эти стенки ограничивали пространство площадью более чем 12 x 4 м. Предположительно, внутри этого сооружения добывалась каменная соль. Назначение дубовых стенок, по всей вероятности, было связано с предотвращением оползневых явлений, в результате которых земля могла бы попасть в соляные копи. Снаружи к этому сооружению примыкали два ряда плетневых ограждений с вделанными в них рогатинами, которые, судя по всему, служили опорными балками для перекрытия ограниченных

этими плетнями пространств. По всей вероятности, эти постройки служили для временного хранения добытой соли. Наиболее комплексными изделиями, найденными на большинстве памятников, были деревянные *корыта-желоба* (Валя Флорилор, Тисолово, Солотвино, Окна Дежулуй, Бэиле Фига, Кайла). Как было уже показано, эти изделия использовались, скорее всего, для пробуривания в залежах каменной соли отверстий, в которые затем, с целью откалывания кусков соли заданной формы и размеров, вбивались деревянные колья. Неоднократно среди предметов, найденных на рассматриваемых памятниках (Валя Флорилор, Тисолово, Солотвино, Окна Дежулуй), встречались деревянные долблёные желоба. Эти желоба использовались для направления воды в резервуары, корыта-желоба и проч. Так, вода из глубинных источников могла просачиваться через стенки соляных копей и препятствовать работе. Её необходимо было направлять с помощью таких желобов в специально выкопанные для этого ямы-отстойники. Кроме того, с помощью тех же желобов направлялась в корыта-желоба пресная вода, струи которой использовались для пробуривания отверстий в соляной породе. Неясно пока назначение V-образных предметов с боковыми прямоугольными сквозными отверстиями. Необычны также арковидные предметы с круглыми и прямоугольными сквозными отверстиями, расположенными симметрично, а также связанная с ними деревянная втулка. В свою очередь, к втулке – через прямоугольное отверстие, с помощью стопора – фиксировалась другая, скорее всего тоже деревянная, деталь. Хотя назначение этих предметов пока неясно, едва ли можно сомневаться в том, что они были составными деталями каких-то весьма сложных механизмов. Едва ли приходится сомневаться в том, что налицо свидетельства *относительно высокого технического зовавшихся при добыче соли*. Все эти орудия, приспособления и сооружения, судя по всему, были частью некоей комплексной системы, обеспечивавшей высокую эффективность добычи, обработки и хранения каменной соли. Они, свидетельствуют об *относительно высоком уровне сложности процесса эксплуатации соли*. В Бэиле Фига, да

и во многих других местах, залежи каменной соли отличаются высокой твёрдостью. Она настолько тверда, что не поддаётся обычным железным орудиям труда (топорам, киркам и т.п.).

Местные жители, специализирующиеся в незаконной добыче соли, используют для этого топоры, клинья и молоты, изготовленные из калёной стали [Deák 2008]. Какими же орудиями пользовались соледобытчики бронзового века? Во всяком случае, наиболее прочными и тяжёлыми из орудий, найденных в Бэиле Фига – каменными молотами – едва ли было возможно откалывать от породы более или менее крупные куски каменной соли. Самое большее, что можно было сделать с помощью этих молотов – это разбивать уже отколотые крупные куски каменной соли. Сначала было необходимо проделать в породе достаточно глубокие отверстия и/или трещины, а затем, подобно тому, как древние горняки раскалывали металлоносную породу, в эти трещины следовало вбивать как можно глубже мощные дубовые клинья. Несколько таких клиньев было найдено в Бэиле Фига. Если древние рудокопы использовали для получения в породе трещин огонь, соледобытчики использовали для этого, скорее всего, воду. Исследователи неоднократно обращались к вопросу о функциональном назначении деревянных корыт-желобов [Chintăuan 2005; Căvruc 2008; Căvruc, Harding 2008; Harding 2009; Căvruc, Harding 2011]. Недавно А. Хардинг подверг анализу гипотезы, выдвигавшиеся на этот счёт [Harding 2009]. Ещё в 1877 г., при публикации находок из Тисолово (*Királyvölgy/Valea Regilor*) Прайсиг выдвинул гипотезу, согласно которой корыта-желоба использовались для пробурывания соляной породы с помощью струй пресной воды [Preisig 1877]. Впоследствии многие авторы приняли это мнение на веру [Wollmann, Ciugudean 2005, s. 99; Iaroslavschi 1997; Căvruc 2008; Căvruc 2010]. Мощность струй, согласно этой гипотезе, регулировалась посредством уменьшения и увеличения отверстий в затычках, через которые вода вытекала из корыт-желобов на массив каменной соли. После того как отверстия, пробурываемые в массиве каменной соли с помощью водяных струй, становились достаточно

глубокими, в них вбивались с помощью молотов деревянные колья, что приводило к откалыванию кусков каменной соли заданной формы и размеров. В то же время, в последние годы была выдвинута гипотеза, согласно которой эти приспособления использовались для выпаривания солёной воды [Chintăuan 2005]. Летом 2010 г. гипотеза Прайсига была проверена экспериментально [Cavruc 2010; Vuzea 2010]. Эксперимент, проведённый в северной части раскопа III, показал, что тонкие струи пресной воды, стекающие из корыт-желобов через отверстия в затычках по плетеным шнуркам, создают не только углубления в соляной породе, но и достаточно большие трещины. После этого, в создавшиеся трещины и отверстия с лёгкостью были вбиты колья, с помощью чего, от массива каменной соли были отколоты достаточно крупные куски каменной соли.

Кроме того, заслуживает внимания тот факт, что у некоторых корыт-желобов закрыты оба конца, а у других – только один. Это обстоятельство свидетельствует, видимо, о том, что они использовались как взаимно сообщающиеся сосуды; при этом последними в цепи находились, видимо, корыта-желоба с обоими закрытыми краями [Cavruc 2008]. Если так, то это значит, что одновременно, с помощью нескольких таких изделий пробуравливались более 30 отверстий. В таком случае – при условии, что вышеприведённые выводы о функциональном назначении корыт-желобов верны – есть основания предполагать, что добыча соли с использованием этих приспособлений, а вместе с ними и других орудий, была ориентирована на добычу соли в большом объёме (намного больше, чем требовалось для собственного потребления) и в относительно краткие сроки. Ещё далеко до понимания всех аспектов добычи соли на памятниках типа Бэие Фига. Тем не менее, всё более явно вырисовывается тот факт, что процесс соледобычи был многосложным и комплексным, высокотехнологичным и высокоэффективным и требовал высокого мастерства и достаточно сложной организации. Если к этому добавить дренажные устройства, а также постройки

для хранения добытой соли, становится очевидным тот факт, что количество добываемой соли значительно превосходило нужды местного потребления. Едва ли можно сомневаться в том, что соль, добываемая в Бэие Фига, была предназначена для территорий, где нет естественных источников соли, или их недостаточно.

Обработка добытой соли

Большинство орудий и приспособлений, найденных на памятниках соледобычи бронзового века в Трансильвании и Марамуреше, были предназначены для дренажных работ, добычи и хранения каменной соли. Из всех найденных до сих пор орудий, только каменные молоты могли использоваться для грубой обработки отколотых от массива кусков соли. С помощью этих орудий можно было разбивать особенно крупные куски соли, которыми из-за больших размеров и веса, трудно было перемещать. Для их более тонкой обработки могли использоваться бронзовые топоры-кельты (в Бэиле Фига была найдена деревянная рукоять кельта). Деревянные лопаты и корыта, подобные тем, что были найдены в Бэиле Фига, Валя Флорилор и Тисолово, могли использоваться для собирания мелких кусков соли и соляной щепы. Всё это свидетельствует о том, что обработка добытой соли была минимальной. Она, видимо, сводилась к тому, что массе соли придавались подходящие размеры и форма, наиболее удобные при её погрузке и транспортировке.

Конечный продукт соледобычи: качество и форма

В Бэиле Фига, в тех местах, где можно было наблюдать залежи каменной соли, преобладает белая, качественная, с малым количеством примесей, очень плотная и твёрдая соль. Едва ли можно сомневаться в том, что не было необходимости в её очистке. Даже если по каким-то причинам возникла бы необходимость в более чистой соли, этого можно было достичь путём выпаривания солёной воды. Свидетельств того, что на рассматриваемых в настоящей работе памятниках выпаривалась соль, не было обнаружено. Конечный продукт соледобычи был связан исключительно с каменной солью.

Библиография:

- Buzea 2010:** D. Buzea, Experimentul „Troaca”. Angustia 14, 2010, 245-256.
- Cavruc 2008:** V. Cavruc. The Present Stage of the Researches regarding Prehistoric Salt Production in the.
- Cavruc 2010:** Valeriu Cavruc, Considerații privind schimbul cu sare în milenii VI-II î. Hr. în spațiul carpato-dunărean, Tyragetia, s.n., vol. IV [XIX], nr. 1, 2010, 7-34.
- Cavruc, Harding 2008:** V. Cavruc, A. Harding. Noi cercetări arheologice privind exploatarea sării în nord-estul
- Cavruc, Harding 2011:** V. Cavruc, A. Harding. New Archaeological Researches concerning Saltworking in
- Chintăuan 2005:** I. Chintăuan, Pan used for salt extraction from brines. SCGG 10, 2005, 75-78.
- Deák 2008:** Andrea (Chiricescu) Deák, Mineritul tradițional al sării – o ocupație demult dispărută? Angustia 12, 2008, 237-250.
- Harding 2009:** A.F. Harding, Producing salt in wooden troughs: the technology of Bronze Age salt production in Transylvania. In: G. Bodi (ed.), In medias res praeistoriae. Miscellanea in honorem annos LXV peragentis
- Iaroslavski 1997:** E. Iaroslavski, Tehnica la dacii BMN XV (Cluj-Napoca 1997).
- Preisig 1877:** E. Preisig, Geschichte des Máramaroser Bergbaues. ÖZBH 25, H. 28, 1877, 301.
- Wollmann, Ciugudean 2005:** Noi cercetări privind mineritul antic în Transilvania (I). Apulum 42, 2005, 95-116.
- Wollmann, Ciugudean 2005:** V. Wollmann, H. Ciugudean, Noi cercetări privind mineritul antic în Transilvania (I). Apulum 42, 2005, 95-116.

СОЛЬ И МЕТАЛЛУРГИЯ

Из приведённых выше данных следует, что гипотеза, согласно которой в бронзовом веке на территории Карпат имело место регулярный обмен соли, добывавшейся в Трансильвании и Марамуреше, на олово, добывавшееся в Богемии и Саксонии, в целом справедлива, однако выглядит чересчур однозначной и упрощённой по сравнению с многовекторностью и высокой вариативностью культурных процессов в карпатском регионе. В то же время, некоторые аспекты этой гипотезы, особенно предположение о том, что во внутрикарпатской котловине на протяжении бронзового века имела место широкомасштабная, высокоорганизованная добыча соли, ориентированная главным образом на внешнего потребителя, сегодня выглядит намного более убедительно, чем тогда, когда она была впервые сформулирована. Основными потребителями и «заказчиками» трансильванско-марамурешской соли были высокоорганизованные сообщества, населявшие в бронзовом веке территории между Средним Дунаем на западе, горами Апусень на востоке, Западными Карпатами на севере и Балканами на юге. Кроме того, нельзя исключать и то, что соль из Карпатского региона поступала также на Балканский полуостров. Судя по всему, в Среднем Подунавье и Потисье, находившихся на одном из путей наиболее интенсивной циркуляции различных товаров, циркулировали также олово и соль. Олово попадало в этот коридор, видимо, из разных источников, в то время как соль поступала сюда главным образом из

внутрикарпатского региона. При этом нельзя исключать, что в западную и северную части Карпатского бассейна и на северо-запад Балканского полуострова соль могла поступать и из иных центров соледобычи²⁴. Наиболее убедительные данные на этот счёт относятся к середине II – началу I тыс. до н.э. В первой половине этого временного интервала (около 1500–1250 гг. до н.э.) главным «заказчиком» трансильванской соли были сообщества культуры Кручень-Белегиш (региональный вариант курганной культуры). Эти сообщества – вне всяких сомнений, наиболее высокоразвитые в регионе – судя по всему, не только «потребляли» поступавшую к ним из Трансильвании соль, но и контролировали её дальнейшее распределение на значительной части региона, в том числе на северо-запад Балканского полуострова. Основным «поставщиком» трансильванской соли в тот период были, видимо, сообщества культуры Витенберг и Сучиу де Сус-Лэпуш. На следующем этапе (примерно 1250–900 гг. до н.э.) преемники культур Кручень-Белегиш и Лэпуш – носители культуры Гава – устанавливают господство над большей частью Карпатского бассейна и «монополию» на добычу и распределение соли. Едва ли правомерно рассматривать циркуляцию соли в эпоху бронзы как составную часть обмена, основанного на принципах сугубо экономической целесообразности и эквивалентности. Есть основания полагать, что добыча и циркуляция соли находились под контролем местных элит, которые получали взамен соли от своих более развитых «партнёров» политическую поддержку, некие привилегии и подарки в виде престижных атрибутов власти (парадное вооружение, доспехи, колесницы, боевых коней и проч.). Что же касается олова, то оно поступало в Карпатский бассейн, видимо, по многим каналам и порой – вне прямой зависимости от производства и циркуляции соли. Более того, едва ли оно поступало из единого источника. Дунайско-Тисское междуречье было одним из важнейших коридоров, по которому от Средиземноморья до Скандинавии и от Причерноморья до Центральной Европы циркулировали многочисленные товары самого разного происхожде-

ния. Можно допустить, что именно из этого региона олово, наряду с иными импортами, проникало во все участки Карпатского бассейна. Обилие свидетельств, указывающих на связи между Эгейским миром и Карпатским бассейном (украшения, орнаменты, мечи микенского типа и проч.) может быть связано с циркуляцией трансильванской соли по Дунайско-Тисскому и Вардарско-Моравскому коридорам. Значительное совпадение ритмов развития соледобывающего производства и распространения и использования олова представляется в высшей степени симптоматичным. Является ли это совпадение следствием обмена соли на олово, или же оно было отражением общих ритмов культурно-экономического развития в регионе, остаётся неясным. В основе этого совпадения лежали, судя по всему, также тесные взаимосвязи между элитами Средиземноморья, Центральной, Юго-Восточной и Восточной Европы.

Цитируется по:

ПЕРВЫЕ РУССКИЕ ЭКСПЕДИЦИИ ЗА СОЛЬЮ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

По мере продвижения русских людей в Сибирь в конце XVI – начале XVII в. и основания там первых городов и острогов остро встал вопрос о снабжении местных гарнизонов различными припасами и, в том числе, – солью. Доставлять этот продукт из европейской части страны было накладно, поэтому московское правительство помимо решения других вопросов было также озабочено и организацией поиска источников соледобычи в самой Сибири. С давних времен соль, как известно, использовалась в качестве универсального консерванта, являясь продуктом стратегической важности. Все без исключения категории населения Российского государства XVI– XVII вв. приобретали соль в больших количествах. Добыча соли и торговля ею были прибыльным делом. Сама соль нередко выступала в качестве универсального менового товара, с успехом заменяя деньги. Солью часто выплачивали

жалованье служилым людям, которую они использовали как для собственных нужд, так и для продажи либо обмена. Кроме того, в сибирских условиях соль в больших количествах требовалась также для кожевенного производства и обработки звериных шкур. Среди многочисленных «служб» и «посылок» сибирских служилых людей в XVII в. особое место занимают ежегодные экспедиции за солью к солёному озеру Ямыш (ныне это озеро Тузкала на северо-востоке современного Казахстана примерно в 45 км к югу от г. Павлодара вверх по течению Иртыша). Озеро Ямыш было не единственным, из которого можно было добывать самосадочную соль, поскольку подходящих озёр в степных районах Среднего Прииртышья более чем достаточно. Некоторые из них сухим путём находились даже ближе к Таре и другим городам юга Западной Сибири. Как отмечал академик Г. Ф. Миллер, озеру Ямыш было отдано предпочтение по двум причинам. Во-первых, оно находилось всего в 5–6 вёрстах от Иртыша, что более отвечало требованиям безопасности от кочевников и существенно упрощало транспортную логистику. Удобнее всего добираться до озера было водным путём из Тобольска, минуя Тару, вверх по Иртышу на дощаниках, стругах и ладьях. Во-вторых, соль именно из этого озера отличалась своим отменным качеством [1, с. 41]. Как утверждают И. П. Каменецкий и Д. Я. Резун, о соляных месторождениях в степных районах Среднего Прииртышья русские знали ещё с середины XVI в., т. е. задолго до появления в Сибири первых русских городов [2, с. 32]. По всей видимости, самое первое достоверное упоминание о необходимости отправки служилых людей к озеру Ямыш относится к 1594 г. и содержится в наказе основателю и первому воеводе Тары князю А. В. Елецкому. В царском наказе А. В. Елецкому в числе прочих поручений предписывалось также послать «татар и стрельцов на озеро на Ямыш, и велети соли привести в стругах, и давать в расход служивым людем» [3, с. 285, 352]. Впрочем, есть все основания утверждать, что эта экспедиция так и не состоялась, поскольку князь вскоре был отозван в Москву. В историографии относительно времени начала походов русских к озеру Ямыш существует

некоторая путаница по причине скудости сведений. Среди исследователей, касавшихся этой темы, нет единого мнения о точной дате первой экспедиции и начале регулярных походов за солью. Так, Г. Ф. Миллер предполагал, что озеро Ямыш было открыто русскими в 1613 г. и впоследствии стало снабжать солью сибирские города [1, с. 41]. Известный советский сибиревед А. И. Андреев, основываясь на данных сибирского летописания, первый поход относил к 1601 г., а к 1615 г., по его мнению, «эти посылки проводились, видимо, регулярно» [1, с. 663]. Исследователь социально-экономической истории Сибири конца XVI – начала XVIII в. О. Н. Вилков, не указывая даты первой экспедиции, считал, что регулярные поездки за солью из Тобольска к Ямышуозеру «наладились к 20-м годам XVII в. и стали совершаться ежегодно» [4, с. 194]. Новосибирский историк Д. Я. Резун полагал, что походы за солью к озеру начались с 1608 г. [5, с. 244]. При этом исследователь не указывал источник информации. Как было отмечено, А. И. Андреев относил первую экспедицию к озеру Ямыш к 1601 г., при этом он ссылался на «Записки к истории Сибири служащие» – памятник, восходящий к несохранившейся рукописи и изданный Н. И. Новиковым в 1774–1775 и в 1788 гг. [6, с. 104–288]. В свою очередь «Записки», по всей видимости, представляют собой несколько «олитературенный» в соответствии с нормами русского языка второй половины XVIII в. текст так называемой «Книги записной», созданной не ранее 1687 г. и считающейся ранней редакцией Сибирского летописного свода (далее – СЛС). Представляется целесообразным привести оба фрагмента интересующей нас записи о походе к озеру Ямыш (см. табл.). Как видно, оба фрагмента практически идентичны по содержанию, если не считать упоминания в «Записках» о строительстве в Тобольске церкви в честь Николая Чудотворца. Тем не менее, очевидно, что текст «Книги записной» всё-таки ближе по времени к рассматриваемым событиям. В пользу этого говорит хотя бы тот факт, что в «Записках» все даты переведены на Юлианский календарь, в котором счёт лет ведётся от Рождества Христова, а не от сотворения мира, как было принято в XVII в. Таким образом, текст «Записок» следует

рассматривать как вторичный по отношению к сведениям «Книги записной»* [1]. В любом случае, это самое первое известное упоминание в источниках о реальном походе служилых людей к озеру Ямыш, судя по всему, закончившееся неудачей.

**«Книга Записная» (1687 г.) «Записки к сибирской истории служащие» (по изданию 1788 г.) «А во 109-м и во 110-м годах были в Тоболску воеводы Феодор Иванович Шереметев да Остафей Михайлович Пушкин, да диак Тимофей Кудрин, головы писмяные Григорей Образцов да Обросим Милюков. Остафей Пушкин в Тоболску умре. В тех же годах Тобольскаго розряду в городех воеводы. На Таре князь Иван Володимировичь Масалской-Колцов, товарищи с ним головы писмяные Григорей Григорьевич Желябовской да Алексей Петрович Поленов. Они за Кучумом царем и в поход ходили в поле. Алексей Поленов ходил по соль к Ямышу озеру и не ведая обычая калмытских людей, а за гордость у сибирцов не спрошался, и многих татар побил, а соли не взяв со стыдом возвратился» [7, с. 141]. «В 1601 и в 1602 годах, были в Тобольску воеводы, Феодоръ Ивановичъ Шереметевъ, да Евстафій Михайловичъ Пушкинъ, да дьяк Тимофей Кудринъ; головы письменные, Григорій Образцовъ, да Обросимъ Милюковъ, и Евстафій Пушкинъ в Тобольске умре. При сих воеводахъ воздвигнута в Тобольску церковь Святителя Христова Николая Чудотворца, на горе, на взвозе Пермскомъ. В тех же годах, Тобольскаго розряду, в городехъ воеводы: В Таре, князь Иван Володимировичъ Кольцовъ Мосальской, и товарищи с ним, головы письменные, Григорий Григорьевич Желябовский, да Алексій Петрович Поленовъ; они за Кучумом царем и в поход ходили въ поле. Алексій Поленовъ ходилъ по соль къ Ямышеву озеру, и не ведая обычаев Калмыцкихъ людей, за гордость у Сибирцовъ не спрошался, и многихъ Русскихъ и Татаръ погубилъ, и соли не взявъ, со стыдом возвратился» [6, с. 116–11].*

Это упоминание о походе к озеру Ямыш является уникальным, поскольку оно отсутствует в более поздних редакциях СЛС [2]. Не находим его и в документах приказного делопроизводства – самого информативного вида источников по истории Сибири конца XVI–XVII вв. С одной стороны, это объясняется тем, что, в отличие от других редакций, «Книга записная» характеризуется как раз большим количеством разнообразных сведений о сибирской жизни XVII в. Это обстоятельство делает её важным источником по ранней истории Сибири. В то же время исследователи неоднократно отмечали, что этот памятник содержит порой ошибочные сведения (см., напр.: [8, с. 95]). Не является исключением и рассматриваемый фрагмент о походе А. Поленова к озеру Ямыш. Во-первых, составитель «Книги записной» всё сильно запутал, отнеся к одному времени воеводство в Тобольске Ф. И. Шереметева и Е. М. Пушкина и воеводство в Таре И. В. Кольцова-

Мосальского. По достоверным данным Е. В. Вершинина, воеводство указанных лиц в Тобольске действительно приходится на 1601–1603 гг., а вот нахождение на тарском воеводстве И. В. Кольцова-Мосальского относится к 1608–1611 гг. [9, с. 168, 170]. Это подтверждается документами приказного делопроизводства начала XVII в. Судя по всему, А. И. Андреева ввела в заблуждение фраза «в тех же годех», которую составитель «Книги записной» использовал по отношению к воеводству в Таре И. В. Кольцова-Мосальского. Причём эта ошибка впоследствии перекочевала в Головинскую, Нарышкинскую и Шлёцеровскую редакции СЛС. Самые ранние достоверные упоминания о тарском письменном голове А. Поленове также относятся только к 1608 г. [10, с. 24, 26, 28]. При этом в приказной документации, в отличие от «Книги записной», он указывается с отчеством не Петрович, а Федорович [3]. Смущает и упоминание о походе письменных голов Г. Г. Желябовского и А. Ф. Поленова против хана Кучума, поскольку это известие также не подтверждается никакими другими данными. Как известно, разгром последнего русскими произошёл несколько раньше – в августе 1598 г. И лавры окончательной победы над Кучумом принадлежат отряду под командованием тарского письменного головы А. М. Воейкова. Представляется, что сение первой экспедиции к озеру на основании данных «Книги записной» к 1601 г. следует признать ошибочным. В таком случае возникают вопросы: когда же начались экспедиции к озеру, и в каком году состоялась экспедиция под руководством письменного головы А. Ф. Поленова? К сожалению, ответы на них не так просто дать по причине крайней скудости сведений. Практически нет свидетельств о походах к озеру в первые годы XVII в. А. И. Андреев, ссылаясь на архивные данные, упоминал, что в 1604 г. в числе служб аялыных татар была обязанность «по соль ходить» [1, с. 663]. В грамоте из Москвы к тарскому воеводе И. В. Кольцову-Мосальскому от 27 февраля 1608 г. есть такие слова: «А у солёных де озер вверх по Иртишу без острожку и без крепости быти нельзя для колмацких людей укрепленья» [10, с. 25]. По этим свидетельствам трудно судить, идёт ли здесь речь о реальных походах или только о

намерениях их совершить. Первые упоминания о тарском письменном голове А. Ф. Поленове также находим в царской грамоте на Тару от февраля 1608 г. Ему была поставлена задача отправиться с ратными людьми из Тарского города на реки Омь или Камышлов, чтобы поставить там острожек для приведения к шерти на верность русскому царю мелких калмыцких тайшей вместе с их улусными людьми [10, с. 26]. Также А. Ф. Поленову было наказано «досмотреть» место для строительства острога «у солёного озера или на Оми реке по конец наших ясачных волостей» [10, с. 28]. Однако неизвестно, удалось ли ему выполнить эти поручения. Первое прямое упоминание о реальном походе русских из Тарского города к озеру содержится в царской грамоте тарскому воеводе от 20 августа 1609 г. [10, с. 36]. Здесь прямо говорится, что в 1608 г. из Тары «на Емаш озеро по соль» посылались ротмистр Воин Волконовский и атаман Васька Тюменец с отрядом из 239 человек, состоявшем из русских служилых людей, юртовских и волостных татар. В 1609 г. поездка, по всей видимости, также состоялась и прошла благополучно. В пользу этого само за себя говорит указание в царской грамоте от 15 июня 1610 г. тарскому воеводе И. В. Кольцову-Мосальскому: «А солью с Ямыша озера на жалованье служивым людям промышляти попережнему» [10, с. 40]. Всё это явно свидетельствует о том, что походы с Тары к солёному озеру стали совершаться регулярно с 1608 г. Перерыв в поставках соли в сибирские города был только в 1610, 1611 и, возможно, в 1612 г. Он был вызван ухудшением отношений с ойрат-калмыками, прикочевавшими в 1605–1606 гг. непосредственно к границам русских владений в Западной Сибири. В отписке тобольского воеводы князя И. М. Катyreва-Ростовского в Тюмень, датированной концом 1611 г., говорится: «А с Тары соль по два года не присылывана для того, что калмыки озера отняли» [1, с. 40, 259; 11, с. 22]. Одним из проявлений враждебности калмыков, помимо их нападений на подвластное русским ясачное население и покровительство царевичам Кучумовичам, было занятие ими района солёных озёр. Это и привело к перебою в снабжении сибирских городов солью в 1610 и 1611 гг. Основываясь

на имеющихся очень скудных сведениях можно предположить, что в 1610 г. русскими была предпринята попытка добраться до озера. По всей видимости, командовал этой экспедицией письменный голова А. Ф. Поленов. В царской грамоте от 15 июня 1610 г. есть упоминание, что на весну этого года А. Ф. Поленов собирался прибыть «к соляным озерам или на Омь» с царским «жалованьем» для калмыцких тайшей [10, с. 38]. Возможно, что что-то пошло не так, вместо мирных переговоров произошли столкновения с калмыками, закончившиеся не в пользу русских служилых людей. Видимо, именно это и имел в виду автор «Книги записной», когда сообщал, что А. Ф. Поленов «соли не взяв со стыдом возвратился». При этом очевидно, что автор «Книги записной» использовал какие-то не дошедшие до нас сведения. Единственной же его ошибкой, получается, была неверная датировка этого события, которое он отнёс к 1601–1602 гг., а не к 1610 г. Следует отметить одно обстоятельство, на которое исследователи не обращают ключительно на гарнизон Тарского города. Однако вскоре в Москве, видимо, поняли, что по причине столкновений в районе озера с крупными силами калмыков служилых людей одного города для успешной реализации столь важного для всей Западной Сибири дела будет недостаточно. Поэтому организация экспедиций и формирование караванов в дальнейшем были возложены на главного в Сибири тобольского воеводу с привлечением со временем сил всех основных городов Тобольского разряда. Нам неизвестно, был ли поход к озеру в 1612 г., поскольку никаких сведений об этом не сохранилось. Первое достоверное свидетельство о формировании экспедиции в Тобольске относится к следующему 1613 г. [1, с. 41, 294]. В этом году к озеру Ямыш была отправлена экспедиция под командованием тобольского ротмистра литовского списка Бартоша Станиславова (Илл. 19), который разведал озеро и, самое главное, благополучно доставил в Тобольск соль. Успех, по всей видимости, был подкреплён удачными действиями против калмыков. Из Тары к озеру Ямыш были также отправлены атаман Третьяк Кутуков и голова Богдан Петров, «а с ними тарских служивых людей – литву и немец, и казаков, и стрельцов». 15

июля 1613 г. у этого отряда в районе озера «было дело с колмацкими людьми», которых служилые люди благополучно «побили, а сами от колмацких людей отошли здорово» [10, с. 42]. По всей видимости, успех экспедиции Б. Станиславова predetermined приоритет Тобольска в организации и проведении всех последующих походов к озеру. По более поздним данным известно, что основу двигавшегося за солью отряда составляли контингенты служилых людей из Тобольска, Тюмени и Тары, обычно насчитывавшие свыше сотни человек из каждого из этих городов. К формируемому в Тобольске отряду как правило присоединялись отряды несколько меньшей численности (от десяти до нескольких десятков человек) из Верхотурья, Туринска, Березова, Сургута, Пельма и, возможно, других городов и острогов. Столь крупные по сибирским меркам силы были необходимы на случай возможного столкновения с калмыками. Общее командование отныне стал осуществлять представитель тобольского гарнизона, который за редкими исключениями относился к старшему командному составу. Это было обусловлено как исключительной важностью стоявших перед ним задач, так и большим количеством служилых людей в его подчинении. Обычно это был письменный голова, голова конных или пеших казаков, иногда служилый человек в чине тобольского сына боярского или тобольского дворянина. Этот командир получал статус караванного головы, на которого ложилась вся ответственность на время похода. Именно с 1613 г., а не с 1620-х гг., как полагал О. Н. Вилков, экспедиции стали совершаться регулярно. К такому заключению можно прийти на основании косвенных свидетельств. Так, по данным Н. Н. Оглоблина, в 1614 г. был поход «под калмыцкие улусы, к Ямыш озеру по соль», поскольку есть упоминание об участии в нём служилых людей из Сургута [12, с. 216]. В 1615 г. известно, что к озеру также была экспедиция «по соль», так как есть упоминание об участии в ней тарских служилых людей под командованием атамана Еремея Пружинкина [10, с. 43]. Состоялась экспедиция и в следующем 1616 г. Причём известно, что в этом году численность отряда насчитывала 700 человек (500 русских служилых людей и

200 татар). Об этом поведал людям сибирского царевича Ишима пойманный ими на зверовье и позже отпущенный ясачный татарин Махметка [1, с. 274]. За 1617–1620 гг. сведений об экспедициях нет, но это совсем не означает, что их не было. Дело в том, что в имеющихся в распоряжении исследователей скудных и разрозненных источниках никаких сведений не сохранилось. Историкам-сибироведам хорошо известно, что по первым десятилетиям XVII в. сибирской истории источниковая база весьма скудна по причине ных городов, но и служилых людей разных категорий. Здесь были стрельцы, городовые казаки, служилые татары и почти всегда ссыльные «литовцы», «черкасы» и «немцы», несшие в Сибири «государеву службу» наравне с остальными служилыми. В то время, когда караван дощаников как обычно двигался вверх по Иртышу к озеру, часть иноземцев в составе отряда решили «изменить» и подняли бунт. Это событие не оставил без внимания составитель «Книги записной»: «В том же 129-м году ходил по соль к Ямышу озеру литовскаго списку и литовский ротмистр Бартош Станиславов [5] с тобольских и всех городов служилыми людьми караваном. И в те поры учинилась измена от литовских и от немецких людей: хотели русских и всяких людей посечь и в поле убежать на Яик реку. Того году и соли не взяли. Прибежал в Тобольск. Сыскивали про то дело сын боярской Максим Трубчанин да подьячей Стефан Полутов в 133-м году» [7, с. 147]. Это известие подтверждается материалами Г. Ф. Миллера с той лишь разницей, что в царской грамоте на Тюмень от 10 ноября 1623 г. говорится об измене не «литовских» и «немецких» людей, а «черкасов» (что в целом не особо меняет суть дела), часть из которых «бежали в Колмаки» [1, с. 109, 358]. Яик, видимо, был их конечной целью. По мнению П. Н. Буцинского, «эти беглецы, вероятно, принадлежали к той партии черкас, которые в 1619 г. сосланы в Сибирь из Алатыря» [15, с. 196]. По нашему мнению, фраза «того году и соли не взяли» в очередной раз косвенно подтверждает тезис, что к этому времени экспедиции за солью уже далеко не первый год носили регулярный характер. За 1622 и 1623 гг. также прямых сведений об экспедициях не сохранилось. Зато

известно, что в 1624 г. походом за солью руководили казачьи головы Гроза Иванов и Дмитрий Черкасов [16, стб. 354–355, 426]. Первый из них, как известно, был одним из легендарных соратников Ермака. Экспедиция прошла успешно, так как в этом году русским удалось договориться с прикочевавшими в район озера калмыками, которые «государевым служилым людям дали соль грести, и верблюдов, на чем тое соль возити в суды, давали многие». При этом, что важно, «задоров от колмацких людей к государевым людям никаких не было» в отличие от некоторых экспедиций в предыдущие годы. Благодаря этому «соли привезли болши прежних годов», что позволило часть её выделить для свободной продажи. Помимо этого, служилые люди разведали в районе озера Ямыш месторождение слюды, образцы которой также доставили в Тобольск. Все эти успехи связали с деятельностью тобольского воеводы боярина князя Ю. Я. Сулешева, по наказу которого караванные головы договорились с калмыками. Тем самым было признано, что тобольский воевода «учинил государю многую прибыль». Совсем иначе прошла экспедиция в следующем 1625 г. В этот раз ею руководили тобольский сын боярский Савва Француженин и атаман Третьяк Юрлов [17, с. 70–71]. О том, как прошла экспедиция, узнаём из челобитной атамана тюменских конных казаков Ивана Войнова, принимавшего участие в походе [16, стб. 514–515]. В этот раз калмыки по непонятным причинам повели себя совсем недружелюбно и вместо родов. Главное же заключалось в том, что решалась основная задача по добыче соли из озера и её доставки в Тобольск, Тару и другие сибирские города, и остроги. Поэтому за редкими исключениями большая часть экспедиций заканчивалась успешно. Причём с годами количество добываемой соли обычно только увеличивалось, что позволяло не только раздавать её в качестве жалованья служилым людям, но и организовывать её продажу для других категорий населения сибирских городов с выгодой для казны.

ПРИМЕЧАНИЯ

Как установила в своё время Н. А. Дворецкая, текст «Записок» представляет собой соединение сведений «Книги записной» и Нарышкинской редакции СЛС [8, с. 24, 111]. 2 В Головинской (1689 г.), Нарышкинской (1694 г.) и её Томском виде (1707 г.), Шлёцеровской (не ранее 1730 г.) редакции СЛС известие о походе А. Поленова к озеру отсутствует. При этом, как и в «Книге записной», параллельно с тобольскими воеводами Ф. И. Шереметевым и Е. М. Пушкиным упоминается тарский воевода И. В. Кольцов-Мосальский вместе с тарскими письменными головами [7, с. 191, 259, 316, 346]. В самой поздней Академической редакции СЛС (середина XVIII в.) упомянуты только тобольские воеводы, а о тарских администраторах сведения отсутствуют вовсе [7, с. 369–370]. 3 В Головинской редакции А. Поленов указан с правильным отчеством Фёдорович. В Нарышкинской и Шлёцеровской редакциях он упоминается без указания отчества. В Академической редакции сведения об А. Поленове отсутствуют. 4 Предполагалось, что «большие» тайши для принятия шерти придут непосредственно в Тарский город. Однако, судя по дальнейшим событиям, эта шерть так и не состоялась. 5 И. П. Каменецкий почему-то считает, что руководителем экспедиции в 1621 г. был тобольский сын боярский Богдан Аршинский [13, с. 83]. Этот весьма известный представитель служилого мира Тобольска XVII в., о котором немало написано, действительно возглавлял походы за солью в 1636 и 1638 гг. (см.: [1, с. 128–129, 527–528; 14, с. 26, 28]). Однако ничего неизвестно о его командовании отрядом в 1621 г. В данном случае остается только согласиться с автором «Книги записной», что этой экспедицией руководил Б. Станиславов.

Библиография:

1. Миллер Г. Ф. История Сибири. – 2-е изд., доп. – М.: Восточная литература, 2000. – Т. 2. – 796 с.
2. Каменецкий И. П., Резун Д. Я. Озеро Ямыш как зона политического и хозяйственного взаимодействия народов в XVII в. // Гуманитарные науки в Сибири. – 2010. – № 2. – С. 32–35.
3. Миллер Г. Ф. История Сибири. – 3-е изд. – М.: Восточная литература, 2005. – Т. 1. – 630 с.
4. Вилков О. Н. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII веке. – М.: Наука, 1967. – 324 с.
5. Резун Д. Я., Васильевский Р. С. Летопись сибирских городов. – Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1989. – 304 с.
6. Записки к сибирской истории служащие // Древняя российская вивлиофика. – 2-е изд. – М., 1788. – С. 104–288.
7. Полное собрание русских летописей. Т. 36. Сибирские летописи. Ч. 1. Группа Есиповской летописи / отв. ред. А. П. Окладников, Б. А. Рыбаков. – М.: Наука, 1987. – 384 с.
8. Дворецкая Н. А. Сибирский летописный свод (вторая половина XVII в.). – Новосибирск: Наука, 1984. – 136 с.
9. Вершинин Е. В. Воеводское управление в Сибири (XVII век). – Екатеринбург: Развивающее обучение, 1998. – 204 с.
10. Русско-монгольские отношения. 1607–1636: сб. док. / сост. М. И. Гольман, Г. И. Слесарчук; отв. ред. И. Я. Златкин, Н. В. Устюгов. – М.: Восточная литература, 1959. – 352 с.
11. Чимитдоржиев Ш. Б. Взаимоотношения Монголии и России в XVII–XVIII вв. – М.: Наука, 1978. – 214 с.
12. Оглоблин Н. Н. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.). Ч. 3. Документы по сношениям местного управления с центральным. – М., 1900. – 394 с.
13. Каменецкий И. П. «Белорусцы» Аршинские на службе в Сибири в XVII веке // Гуманитарные проблемы военного дела. – 2015. – № 3 (4). – С. 83–87.
14. Русско-монгольские отношения. 1636–1654: сб. док. / сост. М. И. Гольман, Г. И. Слесарчук; отв. ред. И. Я. Златкин, Н. В. Устюгов. – М.: Восточная литература, 1974. – 472 с.

15. Буцинский П. Н. Заселение Сибири и быт первых её насельников. – М. : Вече, 2012. – 320 с.
16. Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. – СПб., 1884. – Т. 8. – 700 с.
17. Международные отношения в Центральной Азии XVII–XVIII вв.: док. и материалы. – М.: Наука, Глав. ред. вост. лит., 1989. – Кн. 1. – 375 с.

ИСТОРИЯ СОЛЯНОГО ДЕЛА В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ТРУДАХ Г.Ф. МИЛЛЕРА И ЕГО ПОСЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Зарождение и становление соляного дела было неотъемлемой частью истории Сибири, именно поэтому первые исследователи далекого края не могли обойти стороной эту тему. Описание процесса добычи минеральных солей на озерах Западной Сибири на русском, латинском и немецком языках можно найти в трудах многих ученых XVII–XVIII столетий: Н.Г. Спафария, И.К. Кирилова, Г.Ф. де-Геннина, В.Н. Татищева, И.Г. Гмелина, П.С. Палласа, Э.Г. Лаксмана. Работы перечисленных авторов достойны особого изучения, но в рамках данной статьи они не будут рассматриваться, поскольку относятся к естественнонаучным, а не историческим изысканиям. «Отцом сибирской истории» в целом и истории соляного дела за Уралом, в частности, стал российский историограф немецкого происхождения Герард Фридрих Миллер (1705–1783 гг.). На страницах его сочинений можно найти разнообразные сведения о добыче и поставке соли в города Западной Сибири с конца XVI до начала XVIII в. Затронутые им сюжеты получили свое дальнейшее развитие в трудах последующих поколений историков. В XIX–XX вв. было опубликовано большое количество исследований об исторических, географических и этнографических трудах Г.Ф. Миллера. Однако его роль как историка сибирской соли пока еще не получила своего освещения в отечественной

историографии. Живой интерес Г.Ф. Миллера как руководителя Академического отряда Второй Камчатской экспедиции к истории развития соляных промыслов проявился, прежде всего, в сборе обширного количества источников по данной теме. По его распоряжению в сибирских архивах были скопированы грамоты царя Алексея Михайловича о повышении пошлины на соль в 1646 г. и его отмене в 1648 г. Заинтересовали ученого и указ Петра I от 27 января 1715 г. о ведении соляного дела в Сибири в Поместном приказе, распоряжение о переходе Соляного правления к Камер-коллегии в 1719 г., а также указ Тобольской земской конторы от 22 сентября 1722 г. об организации поставок соли частными подрядчиками [1]. Эти источники мы выделили из множества других копий документов. Их оригиналы не встречаются в фондах Сибирского приказа, местных приказных изб и воеводских канцелярий, поэтому они до сих пор остаются малоизученными и практически не используются в исторических работах. Другая категория документов была создана самим автором. В анкетах, разосланных им в 1730-х – начале 1740-х гг. по населенным пунктам Западной и Восточной Сибири, практически всегда задавался вопрос о состоянии соляной операции. Присланные ответы в основном ограничивались перечислением мест, из которых привозилась соль, указанием продажных цен и количества полученной за последние два–три года выручки [2]. Благодаря собранным сведениям историк получил представление о современном для него состоянии соляной операции в Сибири. Он знал расположение основных месторождений и способы добычи солей, будь-то выломка самосадки из озер или выварка ее из рассолов. Свои рассуждения о наиболее рациональных способах получения ценного продукта он позднее включил в исторические изыскания. Впервые о наличии соляных месторождений в Западной Сибири Г.Ф. Миллер упомянул при рассказе об основании города Тары в четвертой главе «Истории Сибири». Написана она была автором еще в 1743 г., а затем претерпела ряд изменений. В первом варианте главы сюжет о соли входил в текст 63 параграфа из опубликованной в 1750 г. книги «Описание Сибирского царства и всех произошедших в нем

дел от начала, а особливо от покорения его Российской державе, по сии времена» [3]. Во втором варианте этот фрагмент содержится в 56 параграфе. Впервые его представили публике на немецком языке в 1762 г. в сборнике «Sammlung russischer Geschichte». Именно этот текст был переведен на русский язык и издан коллективом советских ученых во главе с А.И. Андреевым и С.В. Бахрушиным в 1937 г. Впоследствии его переиздания делались в 1999 и 2005 г. [4]. Разбирая хозяйственные аспекты наказа, данного в 1594 г. князю А.В. Елецкому, отправлявшемуся вверх по Иртышу для строительства города Тары, Г.Ф. Миллер уделил особое внимание выражению «соль устроить». Примечательно, что в немецком издании 1762 г. это словосочетание напечатано на русском языке. Пояснение было следующим: «...Из тамошних мест в казну соль ставить велено Сибирским служилым людям на жалованье, знатно что с обыкновенных в степях соляных озер, где соль от солнечного жару сама садится, и оную без дальних трудов брать и употреблять можно» [5]. Из этого фрагмента зародились две проблемы для последующих исследований историков. Речь идет о поставке соли в города Западной Сибири и о выдаче соляного жалования служилым людям. К ним Миллер вернулся в 83 параграфе шестой главы, которая впервые была опубликована в 1763 г. на немецком языке в сборнике «Sammlung russischer Geschichte». В этом же году вышел ее краткий пересказ в журнале «Ежемесячные сочинения и известия об ученых делах», где в 1764 г. напечатали и полную русскую версию (6). В первой половине XX в. текст главы был значительно переработан и включен в состав второго тома «Истории Сибири», вышедшего в 1941 г. и переизданного в 2000 г. [7]. Историк указывал: «По оное время (1610 г.) город Тара без всякого сопротивления довольствовал солью Тобольск и протчие Сибирские города, из находящихся в соседственной степи соляных озер». И в следующей фразе он пунктирно наметил третью тему – становление государственной соляной монополии: «Хотя тогда не было еще казенной продажи соли, однако надлежало всегда иметь оную в готовности для раздачи казакам на жалованье»

[8]. Еще во время написания первых глав «Истории Сибири» члены Академии наук признали их излишне пространными и пришли к решению о создании сокращенной версии. Переработка текста была поручена Иоганну Эрбергарду Фишеру (1697–1771 гг.), который в годы Второй Камчатской экспедиции продолжил работу Г.Ф. Миллера и считался вторым крупным специалистом по истории Сибири. В 1768 г. вышла двухтомная работа на немецком языке И.Э. Фишера «Sibirische Geschichte». В 1774 г., через три года после смерти историка, она была переведена на русский язык и издана под названием «Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли Российским оружием» [9]. Хотя многие историографы считали этот труд компиляторским и не придавали ему особого научного значения [10], тем не менее, само по себе издание в дальнейшем привлекало внимание ученых. Во-первых, на него ссылались те авторы, для которых печатные издания глав «Истории Сибири» были по каким-то причинам недоступны. Во-вторых, повествование в книге было доведено до 1660-х гг., что было гораздо более поздним временем, чем в напечатанных в XVIII в. работах Г.Ф. Миллера [11]. И.Э. Фишер не мог оставить без внимания первые три темы по истории сибирской соли и пересказал их своими словами в одном параграфе: «Тарские жители по то время брали себе соль из находившихся в степи реки Иртыша соляных озер, и довольствовались оною всю землю, и козаки некоторую часть жалованья получали солью. Чего ради воеводам в городах велено было стараться о том, чтоб никогда не было недостатку в соли; ибо тогда соляной торг был еще свободен» [12]. Четвертой темой, поднятой Г.Ф. Миллером, стало открытие Ямышевского соляного озера. На ее примере мы столкнулись с разночтениями в русскоязычных печатных изданиях. В упомянутом выше 63 параграфе четвертой главы издания 1750 г. видим утверждение: «Тогда уже и о Ямышевском соляном озере по Татарским изустным объявлениям известно было, как-то по приложенной при наказе росписи имянно явствует» [13]. В 56 параграфе изданий 1937, 1999 и 2005 г. эта фраза звучит как предположение: «Может быть, уже тогда, на основании рассказов татар, имелись сведения об

Ямышевском соленом озере» [14]. Далее в 84 параграфе шестой главы Г.Ф. Миллер рассказывает об экспедиции 1613 г. ротмистра Бартоши Становлавова вверх по Иртышу, где ему удалось найти неизвестное соляное озеро. В издании 1764 г. автор после некоторых рассуждений делает вывод: «По моему мнению, говорится здесь о Ямышевском соленом озере, из коего в следующие времена большая часть Сибири солью снабдена, и ныне еще снабдевается» [15]. В изданиях 1941 и 2000 г. мы вновь видим предположительную форму: «Можно думать [выделено нами], что здесь идет речь об открытии соляного озера Ямыша...» [16]. На первый взгляд, расхождения эти малозначимы, но их наличие мешает определению точки зрения историка на дату открытия крупнейшего месторождения поваренной соли в Прииртышье. Объяснить несовпадения можно двумя способами. Во-первых, Г.Ф. Миллер работал над «Историей Сибири» более тридцати лет. За это время он неоднократно возвращался к тексту работы, вносил правки и изменения. Поэтому вполне логично, что тексты в изданиях 1750 и 1937 г. не совпадают, ведь это разные редакции. Но после переработки, сделанной в 1763 г., Миллер больше не возвращался к сибирской тематике. Поэтому различия в печатных текстах 1764 и 1941 г. наводят на мысль, что причина заключается несколько в другом. Более вероятной представляется вторая версия. Историк писал свою работу на немецком языке. В 1740-х гг. ее переводили И.И. Голубцов и В.И. Лебедев, частично редактировал М.В. Ломоносов и ряд других членов Академии наук. В первой половине XX в. был сделан новый перевод с добавлением многочисленных справок. Вероятно, редакторами были внесены некоторые поправки. Обширное примечание к 84 параграфу шестой главы свидетельствует о том, что «виновником» несоответствия стал А.И. Андреев [17]. По летописным сведениям, и документам Сибирского приказа он установил, что первый поход к Ямышу был организован не позднее 1601 г. Может быть, введением предположительной формы историограф решил смягчить сделанную Г.Ф. Миллером ошибку? Позицию самого историка нам демонстрирует краткое издание шестой главы 1763 г., где четко написано, что

«Ямышевское соляное озеро найдено в 1613 г.» [18]. В свою очередь, И.Э. Фишер при разборе наказа князю А.В. Елецкому вообще не затрагивает тему соли. А в сюжете 1613 г. он уверенно указывает, что «ротмистр Барташ» был специально направлен властями на поиски «славного соляного озера Ямиша» [19]. Пятой, наиболее актуальной для XVIII в. темой, стали перебои в снабжении сибирских городов солью, вызванные обострением отношений с кочевыми народами. Г.Ф. Миллер описывает несколько случаев, когда соляные озера становятся недоступными для переселенцев из центральной России. Чаще всего в научных работах упоминается первый случай, приведенный Г.Ф. Миллером в 83 параграфе шестой главы: «В 1610 году присвоили Калмыки себе владение семи соляными озерами, и не хотели посланных из Тары Козаков допускать брать соль из оных. От того произошел общей в соли недостаток, и в 1611 году Тобольским, Тюменским и других городов Козакам выдано было только в полы против прежняго» [20]. Далее историк говорит о походе за солью с «вооруженною рукою». И.Э. Фишер переписывает этот сюжет практически слово в слово: «Но в 1610 и 1611 годах Калмыки присвоили себе право над семи соляными озерами, и присланным из Тары козакам не хотели более дозволить, чтоб они брали оттуда соль. От сего произошел недостаток, для которого давали уже козакам половину токмо обыкновеннаго количества соли» [21]. Второй случай у Миллера описывается в 8 параграфе девятой главы, которая в XVIII в. публиковалась только на немецком языке в сборнике «Sammlung russischer Geschichte». Ее первое русское издание вышло в 1941 г. в составе второго тома «Истории Сибири», а затем только в 2000 г. [22] Автор отмечал: «Недостаток соли в Томске из-за прекращения подвоза из Тобольска вызвал необходимость поисков в приобских степях новых соляных озер, что и привело к более близкому знакомству с калмыками». Далее Миллер описывает экспедицию Остафея Харламова 1621 г., итогом которой было открытие неизвестного озера. Исследователь не смог определить, о каком именно месторождении шла речь, «так как в тамошних местах существует несколько соляных озер, где летом от

солнечного зноя соль в виде кристаллов осаждается на дно» [23]. В книге И.Э. Фишера упоминаний об этом мы не нашли. Может быть, он посчитал излишним сообщение о походе вглубь степи, не имевшем фактических результатов. Третий случай Г.Ф. Миллер связал с набегами калмыков на Тару. Найти его можно в 61 параграфе той же девятой главы: «Предвестием нападения было то, что когда летом 7142 (1634) г. дети боярские Михаил Ушаков и Иван Астраханцов прибыли по обыкновению из Тобольска водным путем за солью к соляному Ямышеву озеру, они встретили со стороны калмыков необычное сопротивление. Со дня их приезда... никто из них не смел двинуться с места» [24]. Здесь автор наметил шестую тему – возникновение Ямышевской крепости: «В строившемся ежегодно на берегу Иртыша остроге нужно было думать, прежде всего, о собственной безопасности. Неподалеку стояли многие калмыцкие тайши, на первом месте тайша Куйша с 2000 панцырников, они выжидали ухода русских в степь, чтобы там на них напасть». У Фишера этот момент звучал следующим образом: «Началом неприятельских действий служило сие, что Калмыки не хотели более терпеть, чтоб Россияне брали соль из озера Ямышева. Они в 1634 г., собравшись до 2000 человек, расположились в окрестности онаго, и Россияне принуждены были искать убежище в близлежащем остроге у Иртыша, где сидели, запершись целые шесть недель» [25]. И, наконец, большое внимание Г.Ф. Миллер уделил четвертому случаю, связанному с поездкой за солью летом 1638 г., о котором автор писал в 78 параграфе девятой главы. Тогда на переговоры с казачьим головой Богданом Аршинским у Ямышевского озера собралось несколько калмыцких тайшей. Они дали шерть (так называлась клятва или присяга, которую давали степные народы) русскому царю и «не только мирно и дружественно обращались с русскими, пока те там стояли, но и привезли к судам на своих верблюдах и лошадях достаточное количество соли» [26]. И.Э. Фишер писал об этом так: «...И, хотя прежде не допускали они Россиян брать соль из озера, но теперь не токмо что

не наносили в том никакого препятствия, но и добровольно на собственных своих лошадях и верблюдах ставили соль на Российския суда» [27].

В 1785 г. свет увидела первая книга третьего тома «Исторического описания российской коммерции». Составлена она была М.Д. Чулковым – известным русским издателем, историком и литератором последней трети XVIII в. Для ее написания автор использовал практически всю доступную ему отечественную и иностранную литературу. Среди всего прочего историк уделил особое внимание рассказу о торгах в Западной Сибири, который начал с упомянутого нами сюжета о переговорах 1638 г. При этом М.Д. Чулков без малейших дополнений и изменений скопировал текст из «Сибирской истории» И.Э. Фишера, не указав источник [28]. О добыче соли на Ямышевском озере в 1630–1650 гг. Г.Ф. Миллер упоминал впоследствии в нескольких параграфах десятой главы (параграф 8, 10, 16, 20, 24, 41, 67, 68). В XVIII в. ее текст публиковался только на немецком языке в сборнике «Sammlung russischer Geschichte» [29]. В XX в. А.И. Анд реев и С.В. Бахрушин подготовили ее к печати в составе третьего тома «Истории Сибири», который увидел свет только в 2005 г. [30] Приведенные в ней примеры не получили своего продолжения ни у И.Э. Фишера, ни в работах последующих авторов. Они еще ждут своего исследователя. В них подробным образом освещен процесс становления русско-джунгарских отношений, а также показан путь постепенного формирования на Ямышевском озере крупного торгового центра, в дальнейшем привлекавшего камлыцких, китайских и бухарских купцов. О столкновениях с калмыками из-за добычи соли Миллер упоминал еще в одной работе. Впервые она вышла на русском языке в 1760 г. в журнале «Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащих» под названием «Известие о песошном золоте в Бухарии, о чиненных для оногo отправлениях и о строении крепостей при реке Иртыше, которым имена: Омская, Железенская, Ямышевская, Семипалатная и Усть-Каменогорская» [31]. М.Д. Чулков в своей работе о российской коммерции целиком перепечатал статью Г.Ф. Миллера без внесения каких-либо изменений [32]. В 2005 г. ее переиздали

в качестве приложения к третьему тому «Истории Сибири» [33]. Кроме того, что автор подробнейшим образом описал историю основания Ямышевской крепости, он также привел некоторые исторические сведения о добыче на нем соли: «Еще в то время, когда в около лежащих местах калмыки кочевали, посылаемы туда были суда из Тобольска для привозу соли, и временем случались за то с калмыками немалые сшибки. Но по большей части позволяли калмыки бесспорно брать соль, потому что им от того не было убытка, а напротив того, они с россиянами, которые всякими товарами запасались, торговали». Не менее интересный, но самый малоизученный в историографии вопрос Г.Ф. Миллер поднял в 21 и 22 параграфах шестой главы, где рассказал о попытке организовать соляные варницы в Верхотурском уезде в 1600–1605 гг. на реках Покчинке и Нагре (Нагле) [34]. После подробного описания открытия месторождений и постройки варницы историк выделил основные причины провала мероприятия: «Главный недостаток был здесь в людях для подготовки больших запасов дров. К этому прибавилась еще нехватка железа для починки поврежденных цренов, а также угрозы со стороны окрестных вогулов» [35]. Первоначально этот сюжет был расписан подробнее. Но в 1751 г. рукопись «Истории Сибири» редактировал М.В. Ломоносов. Он посчитал, что включенный в текст рассказ о «худых поступках» пушкаря Ворошилки, посланного на Наглу «для пробования росолу», является «излишним». Как выразился сам ученый, «по сему примеру всех в Сибири бывших подлых бездельников описывать было бы должно, что весьма неприлично, когда сочиитель довольно других знатных дел и приключений иметь может» [36]. В результате Г.Ф. Миллер убрал отмеченный М.В. Ломоносовым сюжет, который в последующем редакторы так и не включили ни в одно из печатных изданий. Но целиком отказаться от сюжета о добыче соли он не захотел, поэтому сделал вводное предложение: «Еще упомянуть должно о соловарне... для доказательства, что во все времена сыскали средства к общенародной пользе, хотя не всегда желаемого конца достигали» [37]. Ценнейшими являются упоминания автора, сделанные им в 22 параграфе относительно

попыток строительства варниц на том же соляном источнике в первой трети XVIII в. Они были дополнены подробным географическим описанием местности. Подводя итог истории с организацией соляных варниц в Западной Сибири, Г.Ф. Миллер сделал заключение о том, что здесь следовало бы применять особый способ сгущения слабых рассолов – градирование. Но русские промышленники, по сообщению автора, с ним знакомы не были. И.Э. Фишер, в свою очередь, нашел эту историю вполне приемлемой и пересказал ее достаточно подробно, выбросив только ссылки на источники и географические описания [38]. Таким образом, в XVIII в. в трудах Г.Ф. Миллера зародилась тема истории соляного дела в Западной Сибири. Его первыми последователями стали И.Э. Фишер и М.Д. Чулков, которые, хоть и не внесли своего видения, но использовали собранные Миллером материалы в сочинениях. Их работы послужили основой для исследований многих поколений историков.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). – Ф. 199. – Оп. (1) – Портф. 133. – Ч. 3. – Л. 114, 119 об.–121; Там же. – Ч. 5. – Л. 36–37; Там же. – Л. 79–79 об.; Там же. – Портф. 477. – Ч. 1. – Д. 1. – Л. 190–195.
2. Там же. – Оп. 2. – Портф. 481. – Ч. 2. – Л. 1 об.–2 об., 103 об.–104, 144 об.–145; 165, 229 об.–230, 237 об., 242, 273 об.; Там же. – Ч. 3. – Л. 9, 23 об., 40 об.–41, 67, 102 об., 129 об.; Там же. – Ч. 4. – Л. 133–134; Там же. – Ч. 5. – Л. 12–12 об.; Там же. – Ч. 7. – Л. 44 об.–45, 106–106 об., 338.
3. Миллер Г.Ф. Описание Сибирского царства и всех произошедших в нем дел от начала, а особливо от покорения его Российской державе, по сии времена. – СПб., 1750. – С. 277–278.
4. Müller G.F. *Sibirische Geschichte // Sammlung russischer Geschichte*. – St.-Peterburg, 1762. – Bd. 6. – St. 5. – S. 462; Миллер Г.Ф. История Сибири. – М.–Л., 1937. – Т. 1. – С. 290–291; Миллер Г.Ф. История Сибири. – М., 1999. – Т. 1. – С. 285; Миллер Г.Ф. История Сибири. – М., 2005. – Т. 1. – С. 285.
5. Миллер Г.Ф. Описание Сибирского царства... – С. 277–278.
6. Müller G.F. *Sibirische Geschichte // Sammlung russischer Geschichte*. – St.-Peterburg, 1763. – Bd. 8. – St. 1. – S. 82–83; Миллер Г.Ф. Краткой перечень Сибирской истории // Ежемесячные сочинения и известия об ученых делах. – СПб., 1763. – Сент. – С. 361; Миллер Г.Ф. Продолжение Сибирской истории // Ежемесячные сочинения и известия об ученых делах. – СПб., 1764. – Февр. – С. 127.
7. Миллер Г.Ф. История Сибири. – М.–Л., 1941. – Т. 2. – С. 34; Миллер Г.Ф. История Сибири. – М., 2000. – Т. 2. – С. 40–41.
8. Миллер Г.Ф. Продолжение Сибирской истории... – СПб., 1764. – Февр. – С. 127.
9. Fischer I.E. *Sibirische Geschichte*. – St.-Peterburg, 1768. – Bd. 1. – 536 s.; Bd. 2. – 325 s.; Фишер И.Э. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли Российским оружием. – СПб., 1774.
10. Бахрушин С.В. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. – М., 1927. – С. 38; Андреев А.И. Очерки по источниковедению Сибири. – XVIII век (первая половина). – М.–Л., 1965. – Вып. 2. – С. 115–116.
11. Чулков М.Д. Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах от древних времен до ныне настоящего, и всех преимущественных узаконений по оной государя императора Петра Великого и ныне благополучно царствующей государыни императрицы Екатерины Великия. – Т. III. – Кн. 1. – М., 1785. – С. 51; Андриевич В.К. История Сибири. – Ч. 1. – СПб., 1889. – С. 172–173.
12. Fischer I.E. *Sibirische Geschichte...* Bd. 1. – S. 357–358; Фишер И.Э. Сибирская история с самого открытия Сибири... С. 246–247.
13. Миллер Г.Ф. Описание Сибирского царства... – СПб., 1750. – С. 278.

14. Миллер Г.Ф. История Сибири. – М.–Л., 1937. – Т. 1. – С. 291; Миллер Г.Ф. История Сибири. – М., 1999. – Т. 1. – С. 285.
15. Миллер Г.Ф. Продолжение Сибирской истории... – СПб., 1764. – Февр. – С. 128.
16. Миллер Г.Ф. История Сибири. – М.–Л., 1941. – Т. 2. – С. 34; Миллер Г.Ф. История Сибири. – М., 2000. – Т. 2. – С. 40–41.
17. Миллер Г.Ф. История Сибири. – М.–Л., 1941. – Т. 2. – С. 559–560; Миллер Г.Ф. История Сибири. – М., 2000. – Т. 2. – С. 663.
18. Миллер Г.Ф. Краткой перечень Сибирской истории... – С. 361.
19. Fischer I.E. Sibirische Geschichte... Bd. 1. – S. 357–358; Фишер И.Э. Сибирская история с самого открытия Сибири... – С. 247.
20. Миллер Г.Ф. Продолжение Сибирской истории... – СПб., 1764. – Февр. – С. 127–128.
21. Fischer I.E. Sibirische Geschichte... Bd. 1. – S. 357–358; Фишер И.Э. Сибирская история с самого открытия Сибири... – С. 247.
22. Müller G.F. Sibirische Geschichte // Sammlung russischer Geschichte. – St.-Peterburg, 1763. – Bd. 8. – St. 4. – S. 282–283; Миллер Г.Ф. История Сибири. – М.–Л., 1941. – Т. 2. – С. 93; Миллер Г.Ф. История Сибири. – Т. 2. – М., 2000. – С. 108.
23. Миллер Г.Ф. История Сибири. – М.–Л., 1941. – Т. 2. – С. 93; Миллер Г.Ф. История Сибири. – М., 2000. – Т. 2. – С. 108.
24. Миллер Г.Ф. История Сибири. – М.–Л., 1941. – Т. 2. – С. 106; Миллер Г.Ф. История Сибири. – М., 2000. – Т. 2. – С. 123–124.
25. Fischer I.E. Sibirische Geschichte... – Bd. 2. – S. 568–570; Фишер И.Э. Сибирская история с самого открытия Сибири... – С. 413.
26. Миллер Г.Ф. История Сибири. – М.–Л., 1941. – Т. 2. – С. 110–111; Миллер Г.Ф. История Сибири. – М., 2000. – Т. 2. – С. 128–129.
27. Fischer I.E. Sibirische Geschichte... – Bd. 2. – S. 573; Фишер И.Э. Сибирская история с самого открытия Сибири... – С. 417.
28. Чулков М.Д. Историческое описание российской коммерции... – С. 51.
29. Müller G.F. Sibirische Geschichte // Sammlung russischer Geschichte. – St.-Peterburg, 1763. – Bd. 8. – St. 5. – S. 375–376, 377–378, 385–386, 388–389, 392–393, 416, 450, 450–451.
30. Миллер Г.Ф. История Сибири. – М., 2005. – Т. 3. – С. 10–11, 15–17, 23, 35.
31. Миллер Г.Ф. Известие о песошном золоте... // Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащих. – СПб., 1760. – Янв. – С. 3–54; Февр. – С. 99–136.
32. Чулков М.Д. Историческое описание российской коммерции... – С. 410–478.
33. Миллер Г.Ф. История Сибири. – М., 2005. – Т. 3. – С. 472–507.
34. Миллер Г.Ф. Краткой перечень Сибирской истории... С. 360–361; Миллер Г.Ф. Продолжение Сибирской истории... // Ежемесячные сочинения и известия об ученых делах. – СПб., 1764. – Янв. – С. 18–19; Миллер Г.Ф. История Сибири. – М.; Ленинград, 1941. – Т. 2. – С. 16–17; Миллер Г.Ф. История Сибири. – Т. 2. – М., 2000. – С. 20–21.
35. Миллер Г.Ф. История Сибири. – М.–Л., 1941. – Т. 2. – С. 17; Миллер Г.Ф. История Сибири. – М., 2000. – Т. 2. – С. 21.
36. Андреев А.И. Очерки по источниковедению Сибири... – М.–Л., 1965. – С. 113; Андреев А.И. Труды Г.Ф. Миллера о Сибири // История Сибири. – 1999. – Т. 1. – С. 100.
37. Миллер Г.Ф. Продолжение Сибирской истории... – СПб., 1764. – Янв. – С. 18–19.
38. Fischer I.E. Sibirische Geschichte. – Bd. 1. – S. 335–336; Фишер И.Э. Сибирская история с самого открытия Сибири... – С. 229–230, 249.

ДОБЫЧА СОЛИ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

В Российском государстве XVI–XVII вв. добыча соли занимала особое место в структуре производства, что было связано с без преувеличения стратегической значимостью этого продукта, использовавшегося в больших количествах как универсальный консервант. Основными районами соледобычи на севере страны в этот период были промыслы на Кольском

полуострове и побережье Белого моря. На северо-западе России главным центром соляного промысла была Старая Русса, а в Центральной России – Балахна и Нижний Новгород. Крупнейшими солепромышленниками были Строгановы, в чьих обширных вотчинах было организовано крупнейшее в России производство соли. Здесь на солеваренном промысле специализировались: Тотьма, Соль-Галицкая, Соль-Вычегодская, Яренск, а в Прикамье – Соль-Камская. На рубеж XVI–XVII вв. приходится зарождение соляного промысла в Сибири. Инициатором быстрого налаживания в этом крае соледобычи выступило правительство, что было связано с необходимостью скорейшего перевода жителей сибирских городов и острогов на своего рода «самообеспечение», так как возить грузы из европейской части страны по «Чрезкаменному» пути было долго и накладно. Поэтому в Москве с самого начала были обеспокоены необходимостью снабжения Сибири хлебом, солью и другими продуктами жизненной необходимости за счет местных ресурсов. И если хлебом Сибирь стала сама себя обеспечивать только к концу XVII в., то проблему снабжения солью благополучно решили раньше. Кроме того, в специфически сибирских условиях соль в большом количестве требовалась для уплаты служилым людям, у которых она составляла наряду с денежным и хлебным окладами треть жалованья. Также много соли требовалось для возникшего в Тобольске кожевенного производства. Наконец, соль в больших количествах использовалась для сохранения главного богатства Сибири в то время – «мягкой рухляди». Шкуры пушных зверей для лучшей сохранности при транспортировке и хранении обильно засыпались солью. Все это обуславливало первостепенную значимость большого количества соли для Сибири. Что касается технологий добычи и производства соли, то в допетровской России были известны следующие основные способы: выпаривание соли из морской воды; выпаривание из рассолов, добываемых из-под земли; ломка каменной соли на месторождениях; добыча самосадочной соли из соленых озер. Первый способ был известен еще с XI в. в Причерноморье и Приазовье. Соль добывалась здесь из морской воды, как

правило, естественным путём, т.е. благодаря испарению воды под воздействием солнца. Добычу соли из морской воды, которую так и называли «морянской», практиковали в России XVI–XVII вв. только на Русском Севере – на Кольском полуострове и побережье Белого моря. При этом по причине холодного климата морскую воду здесь особым образом вываривали в специальных сковородах. Второй способ добычи соли распространился в России гораздо шире и по меркам того времени был самым высокотехнологичным и при этом трудозатратным [2]. Он практиковался, например, в поморских и пермских вотчинах Строгановых. Выпаривание соли производилось из соляных рассолов, добываемых из подземных скважин, что требовало применения сразу нескольких видов сложного высококвалифицированного труда с четко выраженным разделением технологических операций. (Последнее обстоятельство с учетом того, что в солеварном деле использовался наемный труд, позволяет считать его организованным уже в XVI в. по типу мануфактурного производства.) Первым делом соляной мастер должен был найти особое «россольное место», что требовало от него геологоразведочных знаний и навыков, поскольку ошибка с определением такого места обходилась дорого. После этого начиналось бурение скважины для установки специальной рассололивной трубы. Обычная глубина скважины в Сольвычегодске и пермских вотчинах составляла в среднем от 40 до 75 сажен и более, а сам процесс бурения при имеющихся в то время технологиях обычно составлял от 2 до 5 лет. Параллельно с буровыми работами в скважину постепенно монтировалась рассольная труба, из которой в дальнейшем качали на поверхность соляной рассол. Скорость бурения зависела от твердости проходимого грунта и встречающейся в нем породы, а также часто могла останавливаться из-за поломок бурильного инвентаря, обломки которого извлекались из скважины с большим трудом. Когда самая трудозатратная и дорогостоящая работа по установке рассольной трубы подходила к концу, начиналась установка деревянных соляных варниц (на одну трубу их строили 4–6) и сборка специальных железных жаровен –

циренов (цренов, чренов) – для выварки рассола. Варница представляла собой деревянный сруб, в котором выкапывалось углубление для очага, над которым устанавливался цирен. Сбоку варницы пристраивался специальный герметичный ларь для хранения рассола. В процессе варки соли рассол ведрами носили в цирен, под которым постоянно горел огонь. Сам процесс варки был достаточно сложным и требовал усилий нескольких человек, которыми руководил специалист-солевар – «соляной повар». По подсчетам А.А. Введенского, в пермских вотчинах Строгановых каждая варница давала в среднем в год 20–25 пудов соли. А все их действующие варницы в сутки давали примерно 150–210 пудов соли [3]. При этом следует учитывать, что продуктивность варниц сильно зависела от времени года. Лучшим сезоном для солеварения считалось лето. Наконец, последний способ соледобычи технологически был значительно проще и заключался в добыче самосадочной соли из соленых озер. В воде таких обычно очень неглубоких озер соль, содержащаяся в бьющих на дне соляных ключах, естественным образом выпадала в осадок, образуя соляные пласты, собственно, которые и являлись объектом промысла. Так называемый соляной «череп» на дне озера сначала ломали, после чего соль выгребали на берег, иногда заранее просушивали на солнце либо сразу грузили в тележки или на вьючных животных и везли до «соляного пристанища» для погрузки на суда. Такой способ получил распространение в степных районах Южного Урала и Западной Сибири, поскольку в этих местах, которые были дном когда-то существовавшего здесь древнего моря, не было недостатка в водоемах подобного рода. При примитивной технологии основной трудностью в таком случае оказывались проблемы с транспортной логистикой, так как до соленых озер, расположенных далеко в степи и зачастую на большом расстоянии от русских населенных пунктов, еще следовало добраться, а потом с грузом добытой соли вернуться назад. Кроме того, в степных районах всегда надо было быть начеку в связи с опасностью от кочевников – калмыков и казахов. Первое описание самого процесса добычи самосадочной соли содержится, пожалуй, в

«Описании новых земель, сиречь Сибирского царства» (1683 г.): «служилые люди сибирцы соль-бузу из того озера ломают рычагами емлют и возят тележками на себе, на лошадях и на велбудах и струги грузят» [4]. Более подробные описания были оставлены академиком П.С. Палласом. Вот как он описывает добычу соли из Корьяковского озера: «Находящийся на дне череп колют ломами и вывозят соль из озера лошадьми на телегах; лошадей же оных потом обмывают в ямах нарочно на берегу выкопанных, в кои стекает вонючая, но несколько соленая вода, дабы острота оной соленой воды им не вредила» [5]. А вот его описание добычи соли из озера Ямыш во второй половине XVIII в.: «Ради рухлости садившагося черепа, выгребают соль весьма легко, и на берег большими скирдами сваливают, где она лежит до тех пор, пока можно будет ее отвезти в крепость; потом сваливают ее на возвышенныя места и сие огромныя скирды рагожами и парусиною покрывают, пока можно будет ее перевозить по реке» [6]. Таким образом, специфика соляного промысла в Западной Сибири заключалась в добыче самосадочной соли из находившихся на юге края соленых озер. Самым известным было уже упомянутое озеро Ямыш (ныне Тузкала), расположенное на северо-востоке современного Казахстана в 50 км к юго-востоку от г. Павлодара. Именно оно было основным источником соли почти для всей Сибири в XVII – первой половине XVIII в. Как отмечал академик Г.Ф. Миллер, озеру Ямыш по сравнению с другими было отдано предпочтение по двум причинам. Во-первых, оно располагалось всего в 5–6 верстах от Иртыша, что существенно упрощало возможности транспортировки. Проще всего добраться до озера можно было, отправившись вверх по Иртышу на судах из Тобольска мимо Тарского города. Также водный путь обеспечивал лучшую безопасность от часто непредсказуемых кочевников. Во-вторых, соль именно из этого озера отличалась высоким качеством. Как писал неизвестный автор «Описания новые земли...» о качестве ямышевской соли: «Соль же та зело чиста, аки снег или лед ясец, солка велми же и сладка» [7]. Г.Ф. Миллер отмечал, что у ямышевской соли «преимущество состоит в белости, чистоте и

общей доброте соли, которую она самой лучшей шпанской и французской соли не уступает» [8]. Академик П.С. Паллас писал, что в озере Ямыш «соляные черепы очень белы и чисты, и состоят из небольших кубических хрусталей, кои легко разпадаются» [9]. Точно неизвестно, когда русские власти узнали о Ямышевском соляном месторождении, но произошло это еще на самом раннем этапе русской колонизации Сибири. Первое упоминание о необходимости снарядить соляную экспедицию к озеру относится к 1594 г. и содержится в царском наказе основателю г. Тары князю А.В. Елецкому, в котором ему предписывалось, помимо всего прочего, послать «татар и стрельцов на озеро на Ямыш, и велети соли привести в стругах, и давать в расход служивым людям» [10]. Однако есть все основания считать, что тогда поход не состоялся, так как А.В. Елецкий вскоре был отозван в Москву. Первая подтверждаемая документами экспедиция, которую осуществили силами тарского гарнизона, датируется 1608 г., что, однако, не исключает того, что экспедиции могли совершаться и раньше [11]. С 1613 г. начались регулярные походы соляных караванов из Тобольска с привлечением контингентов служилых людей из других городов и острогов Западной Сибири. Основу экспедиции обычно составляли служилые люди Тобольска, Тюмени и Тары, к которым присоединялись отряды меньшей численности из Верхотурья, Туринска, Березова, Сургута и Пельыма. Если экспедиция 1608 г. насчитывала 239 чел., то в дальнейшем численность участников существенно возросла. Уже в 1620-е гг. она составляла 400–600 чел. и более, с середины 1630-х гг. – свыше 700 чел. При этом не исключено, что численность отряда могла достигать и 1000 чел. В общей сложности в этих ежегодных экспедициях могло быть задействовано от 15 до 25 % всех служилых людей Тобольского разряда. Чаще всего караван дощаников уходил из Тобольска в конце мая – начале июня и отправлялся назад в конце августа начале – сентября [12]. Больше половины этого времени требовалось только для того, чтобы достичь озера и вернуться обратно. Следует отметить, что озеро Ямыш было не единственным, из которого можно было добывать соль. Неизвестный автор уже упоминавшегося

«Описания новые земли...» писал: «И кругом тех мест около Иртиша реки таких соляных во многих местех самосадных озер много бесчисленно» [13]. Некоторые из них были достаточно подробно описаны академиком П.С. Палласом во время его экспедиции по Сибири в 1770–1774 гг. Тем не менее в XVII в. предпочтение отдавалось Ямышевскому месторождению. Другие подходящие соленые озера могли использоваться только в случае, если в Ямышевском озере соль по каким-то причинам могла «не сесть», т. е. не народиться в достаточном количестве для формирования соляного пласта. Это могло быть связано как с ежегодной добычей соли из озера, приводившей к постепенному истощению соляных ключей, так и с нарушением по тем или иным причинам естественного температурного режима и химического состава рассолов этих ключей на дне озера, из-за чего соль могла не выпасть в осадок. Изредка такое случалось. В частности, упоминание об одном таком случае относится к 1660 г. Так, в наказе тобольскому дворянину Ф.Н. Феофилову, который должен был возглавить экспедицию 1699 г., указывалось: «А буде, изволением Божиим, на Ямыше озере соль не сядет: и ему Федору, высмотря, с служилыми людьми потому ж идти к другому соляному озеру, из которого озера имал соль полковник Дмитрий Полуехтов в 168 году, а пришед к тому соляному озеру, потому ж от реки и до озера поставить острожки и около острожков надолбы, и всякими крепостми укрепить, и в острожках людей посадить, и солью промышлять по сему наказу, сколько милосердый Бог помочи подаст» [14]. По всей видимости, полковник Д. Полуехтов столкнулся с тем, что в озере Ямыш соль «не села», из-за чего пришлось воспользоваться запасным вариантом. В XVIII в. такое тоже случалось. В частности, П.С. Паллас, побывавший у озера Ямыш летом 1771 г., отмечал: «Прежде сего садилась соль претолстым черепом, но по неизвестным причинам целыя 13 лет сие изобилие упало, пока за 4 года соль начала опять садиться. Суеверие родило разныя сему причины, но естественнейшая, думаю я, есть сия, что существеннейшия озера частицы от продолжавшейся многие годы соляной ломки изтощились, что были мокрые годы и упомянутые пресные ключи

умножились. Ныне садится обыкновенно соленой череп не более как на три пальца, исключая западного озера залива, где оной на целую ладонь находят, и следственно, где самой тучнейший озера сего ключ без сумнения быть должен» [15]. В результате временного истощения Ямышевского месторождения соль стали брать из Корьяковского озера (ныне озеро Корьяковка в 17 км к северо-востоку от Павлодара). «Когда несколько лет в Ямышевском озере было весьма мало соли, то в Екатеринбургской, Тобольской и Томской уезды доставляли соль токмо из одного сего озера, так что ежегодно отсюда вывозили 300 000 пуд соли (здесь, видимо, в тексте опечатка, так как должно быть 30 000 пудов – Д.В.), а в недавно прошедших годах еще сверх сего развозили отселе же в Исетскую провинцию и на Уйскую линию по 15 000 пуд» [16]. Что касается количества добываемой соли в озере Ямыш, то можно констатировать, что в первые десять лет регулярных экспедиций ее привозили в количестве, которого едва хватало для выплаты соляного жалованья сибирским служилым людям. Таким образом, привозимой соли хватало далеко не всегда на выплату соответствующего оклада, из-за чего некоторым служилым приходилось выдавать «денги из государевы казны по дорогой цене» [17]. Так, по данным С.В. Бахрушина, экспедиция 1623 г. привезла 6753 с половиной пуда соли. Однако новый тобольский воевода боярин князь Ю.Я. Сулешев добился того, что уже в следующем 1624 г. соли добыли уже 12619 пудов, а в 1625 г. чуть меньше – 10784 пуда с половиной [18]. По другим данным, экспедиция 1625 г. под командованием тобольского сына боярского Саввы Французенина и атамана Третьяка Юрлова доставила в Тобольск даже больше соли – «12205 пуд с полупудом». Экспедиция следующего 1626 г., которой командовали голова тобольских конных казаков Гроза Иванов и сын боярский Дмитрий Черкасов, насчитывавшая 604 чел., разместившихся на 16 дощаниках и 7 ладьях, превысила рекорд предыдущего года в два с лишним раза, доставив 27 503 пуда с четью [19]. Если учесть, что в этом году каждый рядовой участник экспедиции получил за свои труды 5 пудов соли, а также без учета соли, взятой

в виде десятой пошлины в размере 1035 пудов у торговых людей, которые вместе с государственным караваном также ходили за солью, то остается «чистых» 26 468 пудов с четью. Это позволило не только полностью обеспечить соляные оклады всем служилым людям, но и организовать в сибирских городах выгодную для казны продажу оставшейся соли всем желающим. В дальнейшем, по всей видимости, количество добываемой каждый год соли держалось в среднем на уровне 1626 г. В пользу этого говорит тот факт, что, за редкими исключениями, соляные экспедиции отныне обычно насчитывали не менее 600 участников, что позволяло привлекать больше рабочей силы в ходе соляного промысла. В частности, по данным известного французского исследователя П. Паскаля, экспедиция 1663 г., насчитывавшая 659 чел. на 21 дощанике вместе с «вольными купцами», двигавшимися на своих судах, доставила в Тобольск 12954 пуда «государственной» соли и еще примерно 15000 пудов от «вольных купцов». Последним еще пришлось десятую часть добытой ими соли отдать в виде налога в «государеву казну» [20]. Ежегодная добыча ямышевской соли позволяла полностью обеспечивать потребности населения Сибири в этом стратегически важном продукте. Таким образом, с середины 20-х гг. XVII в. регион стал полностью обеспечивать себя солью за счет собственных ресурсов. Необходимости в поставках из европейской части страны теперь не было. Еще в XVIII в. академик Г.Ф. Миллер, характеризуя озеро Ямыш, отмечал: «Количество соли там столь велико, что можно было достать оттуда больше, нежели бы во всей Сибири исходило» [21]. Таким образом, потребности всей Сибири в соли с лихвой удовлетворялись за счет только одного Ямышевского месторождения. Однако неожиданно появлялась другая проблема. По мере продвижения русских людей далее на восток возникали сложности уже с транспортировкой западносибирской соли. В этой связи актуальной становилась задача поиска источников соледобычи в Средней и Восточной Сибири. По мнению Н.И. Никитина, ямышевская соль поставлялась в Восточную Сибирь до 40-х гг. XVII в., когда в этом отпала

необходимость в связи с развитием местных солеварных промыслов [22]. Основными центрами солеварения стали Енисейский и Якутский уезды, с 1670-х гг. – Ангарское усолье под Иркутском, а в конце столетия варницы появились в Забайкалье, под Селенгинском. Необходимость организации солеварного промысла наподобие того, как это было в строгановских вотчинах, удорожало себестоимость восточносибирской соли. Однако это все же было лучше, чем транспортировка ямышевской соли. Одно только месторождение в районе устья р. Куты в Якутском уезде могло давать до 8000 пудов соли в год [23]. При этом правительство поощряло и поиск самосадочных озер на юге Восточной Сибири. Например, тарский литвин Митька Коршунов, перечисляя свои служебные заслуги, в том числе отмечал такое: «в прошлом во 172-м году послан был с Тары в Даурскую землю и служил в Даурах девять лет и в Даурах соляное озеро он сыскал» [24]. Таким образом, Восточная Сибирь примерно с середины XVII в. сама обеспечивала свои потребности в соли. Справедливости ради, следует отметить, что в самом начале XVII в. в Верхотурском уезде была предпринята попытка завести соляную варницу по типу того, как они были организованы в строгановских вотчинах. В 1600 г. на р. Негле был найден соляной ключ с рассолом приемлемого качества. В Москве это известие было воспринято с энтузиазмом, поскольку добыча из озера Ямыш в это время еще не началась, а организация к нему экспедиций была связана с большими ходами и множеством рисков. В результате последовало распоряжение о необходимости завести на р. Негле варницу. Однако опыт оказался неудачным, поскольку не хватало людей для заготовки дров, необходимых в большом количестве для солеварения, а также возникли трудности с обеспечением варницы железом, требовавшимся для починки испорченных циренов. Выяснилось, что расходы на варницу превосходят получаемую от нее выгоду, и в 1605 г. из Москвы последовал указ о закрытии в Верхотурском уезде солеваренного производства. Еще позже выяснилось, что получаемая из местного рассола соль не отличается высоким качеством [25]. Таким образом,

в рассматриваемый период в Западной Сибири соль добывалась исключительно из самосадочных озер, находившихся на юге региона. Что касается вопроса о том, когда прекратились ежегодные походы служилых людей из Тобольска к озеру Ямыш, то дата последней экспедиции нам неизвестна. «Расцвет» экспедиций пришелся на рубеж XVII–XVIII вв. Еще по указу Петра I от 9 сентября 1701 г. предполагалось «для пополнения денежной казны» значительно увеличить соледобычу, «чтоб возможно той соли на всякой год от Ямышева озера вывозить в Тоболеск и на Тару тысяч по сту и болши пудов» [26]. Однако уже вскоре обозначилась новая тенденция. Так, в Нарышкинской и Шлецеровской редакциях Сибирского летописного свода говорится: «В 707 году прислана с Москвы в Тоболеск великого государя грамота, к Ямышу озеру по соль дощаниками ходить не велено. И по той великого государя грамоте к Ямышу озеру по соль в 707 году отпуску не было» [27]. К сожалению, текст самого указа пока обнаружить не удалось, поэтому не совсем понятно, с чем было связано такое решение. Однако известно, что соляные караваны в обычном формате какое-то время еще организовывались и после 1707 г. Например, еще в 1719 г. из Тобольска отправилась экспедиция численностью 1370 чел. на 40 дощаниках [28]. Тем не менее, можно определенно утверждать, что уже в 1730-х гг. типичные для XVII в. многолюдные экспедиции за ямышевской солью не осуществлялись. Так, одной из своих работ, написанной по итогам путешествия по Иртышу летом 1734 г., Г.Ф. Миллер при описании туралинских захребетных татар отмечал, что «раньше их использовали подобно служилым людям для работы на соляных дощаниках до Ямышева озера, что сейчас, однако, уже не происходит» [29]. По всей видимости, необходимость в таких походах, требовавших привлечения больших сил и средств, отпала по мере отодвигания русской границы в Сибири к югу во втором десятилетии XVIII в. С 1716 г. началось строительство Иртышской укрепленной линии. В 1716 г. были основаны Омская и Ямышевская крепости, годом позже между ними появилась Железинская крепость. В 1718 г. основана Семипалатинская

крепость, а в 1720 г. – Коряковский форпост (на месте нынешнего Павлодара) и Усть-Каменогорская крепость. Таким образом, по правому берегу Иртыша на юг протянулась цепочка русских крепостей, и государственная граница России существенно отодвинулась в глубь казахских степей. Ямышевское соляное месторождение и многие другие близкие к нему соленые озера отныне стали внутренним районом в составе Российской империи. Несмотря на то, что строительство этих крепостей и форпостов нередко сопровождалось ожесточенными столкновениями с джунгарами и казахами, и даже значительно позже этот край из-за кочевников оставался крайне беспокойным, вблизи соленых озер теперь имелись русские укрепленные пункты с находящимися там гарнизонами. Это обстоятельство со временем исключило необходимость организации многочисленных и дорогих экспедиций за солью из Тобольска. Также это дало возможность относительно безбоязненно осваивать и другие соленые озера, а не только эксплуатировать Ямышевское месторождение по причине его близости Иртышу. Так, П.С. Паллас приводит сведения об использовании других месторождений. В частности, до 1768 г. Исетская провинция довольствовалась солью хорошего качества из расположенного в Среднем Притоболье месторождения озера Ебелей. Однако впоследствии соль в этом озере перестала садиться в достаточном количестве, что снова привело к доставке соли из находящихся за тысячу верст иртышских озер. По мнению П.С. Палласа, «изрядную поваренную соль» за меньшими расходами можно было бы доставлять в Исетскую провинцию из челябинских соленых озер либо Илецкую каменную соль прямо из Оренбурга или Уфы [30]. Также П.С. Паллас дал описание годных и часто используемых для промысла соленых озер, лежащих к востоку от Иртыша в Барабинской степи [31]. Еще одним обстоятельством, которое привело к существенным изменениям в соляных промыслах не только в Сибири, но и во всей России, стали преобразования Петровской эпохи. Как известно, еще в 1705 г. в России была учреждена государственная монополия на продажу соли, что привело к ее удорожанию, поскольку цена, по которой подрядчик сдавал соль государству,

при продаже «автоматически» увеличивалась вдвое. При этом запрещалась самовольная «тайная» добыча соли даже для собственных нужд. Указ недвусмысленно гласил: «А буде кто учнет про себя соль вывозить, и за то те люди казнены будут смертью» [32]. Однако вскоре последовали новые изменения. В 1722 г. вышел императорский указ о введении подрядов в соляном деле: «Ежели кто похочет подрядом ставить соль годную в продажу с озер, кому откуда будет удобнее, в казну его императорского величества для удовольствия на продажу в города и в дистрикты, и тем людям давать торг при фискале с записью» [33]. Согласно этому указу, деятельность откупщиков-подрядчиков жестко контролировалась. Следить за каждым их действием должны были фискалы и специально назначенные целовальники. Тем не менее, одним из последствий этого решения стала своеобразная «децентрализация» добычи соли, поскольку подрядчик сам определял, откуда и каким образом ему будет удобнее добывать и доставлять в сибирские города соль. Эти изменения способствовали тому, что соль отныне стали добывать из разных озер. Таким образом, специфической чертой соляного промысла в Западной Сибири было использование месторождений самосадочной соли в степных озерах, важнейшим из которых в рассматриваемый период было Ямышевское. Простота добычи должна была делать самосадочную соль значительно дешевле по сравнению с солью, вываренной из подземных рассолов. Однако дешевизна примитивной технологии «съедалась» дороговизной транспортировки такой соли. Путь на дощаниках вверх по течению Иртыша от Тобольска до озера Ямыш занимал примерно полтора месяца, обратный путь – еще пять недель. Кроме того, организация этих экспедиций требовала мобилизации значительных сил и средств. Опасность со стороны кочевников диктовала необходимость привлечения большого контингента служилых людей, набираемых почти со всех городов Западной Сибири. Обычная численность в 500–700 и более служилых людей была единственной надежной гарантией, что «немирные» степняки воздержатся от враждебных действий. Помимо самой добычи и погрузки соли в суда,

служилые занимались обустройством фортификационных укреплений, что опять-таки требовало большого количества людей. Несмотря на все принимаемые меры в районе озера иногда все же случались конфликты и вооруженные стычки как с ойрат-калмыками в XVII в., так и позже со сменявшими их в степях региона казахами. Для перевозки соли и людей в Тобольске в большом количестве за счет казны строились специальные суда, что было еще одной статьей расходов. В итоге ежегодные походы к озеру Ямыш всегда были тщательно организуемыми и дорогостоящими военными экспедициями. В этой связи трудно судить, во сколько обходились затраты на добычу соли в Сибири по сравнению с таковыми в Европейской России. Тем не менее, можно с уверенностью констатировать, что все издержки компенсировались достижением одной-единственной цели – бесперебойной доставкой в сибирские города и остроги «государевой соляной казны» и гарантированным обеспечением сибирских жителей столь значимым для них продуктом.

Библиография

1. Бахрушин С.В. Воеводы Тобольского разряда в XVII в. // Научные труды. Т. 3. Ч. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 252–296.
2. Васьков Д.А. Первые русские экспедиции к соленому озеру Ямыш (первая четверть XVII в.) // Вестник Омского университета. Серия Исторические науки. 2019. № 1 (21). С. 53–60.
3. Введенский А.А. Дом Строгановых в XVI–XVII вв. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1962. 308 с.
4. Вилков О.Н. Очерки социально-экономического развития Сибири конца XVI – начала XVIII в. Новосибирск: Наука, 1990. 368 с.
5. Гефке Н.А. История соляного дела в Западной Сибири в трудах Г.Ф. Миллера и его последователей в XVIII в. // Вестник РУДН. Серия История России. 2014. № 1. С. 5–16.
6. Крих А.А. Русское население Тарского Прииртышья: историко-генеалогические очерки (XVII – начало XX в.). Омск: Издательский дом «Наука», 2016. 263 с.
7. Миллер Г.Ф. История Сибири. 3-е изд. М.: Вост. лит., 2005. Т. 1. 630 с.
8. Миллер Г.Ф. История Сибири. 2-е изд., доп. М.: Вост. лит., 2000. Т. 2. 796 с.
9. Миллер Г.Ф. История Сибири. М.: Вост. лит., 2005. Т. 3. 560 с.
10. Никитин Н.И. Сибирская эпопея XVII века (начало освоения Сибири русскими людьми). М.: Наука, 1987. 176 с.
11. Паллас П.С. Путешествие по разным местам Российского государства по велению Санкт-Петербургской императорской Академии наук. 1770 г. СПб., 1786. Ч. 2. Кн. 1, 2.
12. Паскаль П. Протопоп Аввакум и начало Раскола / пер. с фр. С.С. Толстого; науч. ред. перевода Е.М. Юхименко. 2-е изд., испр. М.: Языки славянской культуры, 2016. 680 с.
13. Титов А. Сибирь в XVII в. Сборник старинных русских статей о Сибири и прилежащих к ней землях. М., 1890. 250 с.
14. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1842. Т. 5. С. 523.
15. Паллас П.С. Путешествие по разным местам Российского государства по велению Санкт-Петербургской императорской Академии наук. 1770 г. СПб., 1786. Ч. 2. Кн. 2. С. 163.
16. Там же. С. 158.
17. Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. СПб., 1884. Т. 8. С. 355

18. Бахрушин С.В. Воеводы Тобольского разряда в XVII в. // Научные труды. Т. 3, Ч. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 270.
19. Там же. С. 419–420.
20. Паскаль П. Протопоп Аввакум и начало Раскола / пер. с фр. С.С. Толстого; науч. ред. перевода Е.М. Юхименко. 2-е изд., испр. М.: Языки славянской культуры, 2016. С. 281
21. Миллер Г.Ф. История Сибири. М.: Вост. лит., 2005. Т. 3. С. 482.
22. Никитин Н.И. Сибирская эпопея XVII века (начало освоения Сибири русскими людьми). М.: Наука, 1987. С. 92.
23. История Сибири с древнейших времен до наших дней: в 5 т. Т. 2. Сибирь в составе феодальной России. Л.: Наука, 1968. С. 86.
24. Никитин Н.И. Сибирская эпопея XVII века (начало освоения Сибири...) . С. 148
25. Гефке Н.А. История соляного дела в Западной Сибири в трудах Г.Ф. Миллера и его последователей в XVIII в. // Вестник РУДН. Серия История России. 2014. № 1. С.11; Миллер Г.Ф. История Сибири. 2-е изд. Т. 2. С. 20 – 21.
26. Памятники сибирской истории XVIII века. Кн. 2. 1713–1724. СПб., 1885. С. 402.
27. Полное собрание русских летописей. Т. 36. Сибирские летописи. Ч. 1. Группа Есиповской летописи / отв. ред. А.П. Окладников, Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1987. С. 293, 355.
28. Памятники сибирской истории XVIII века. С. 265.
29. Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г.Ф. Миллера (История Сибири. Первоисточники. Вып. VI). Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996. С. 92.
30. Паллас П.С. Путешествие по разным местам Российского государства. Ч. 2. Кн. 1. С. 394–396, 403.
31. Там же. Кн. 2. С. 142–147. 32 Паскаль П. Протопоп Аввакум и начало Раскола. С. 404. 33 Гефке Н.А. История соляного дела в Западной Сибири... С. 6; 14; Памятники сибирской истории XVIII века. Кн. 2. С. 406–409.

ДОБЫЧА СОЛИ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, И КОНТАКТЫ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

В исторической литературе и источниках, начиная с XVI в., накопилось немало сведений об озере Ямыш (Ямышево, Ямышевское), расположенном в 45 км юго-восточнее современного Павлодара: эта территория играла немалую роль в становлении политических и хозяйственных отношений между Россией и народами Средней и Центральной Азии в Новое время. В настоящей статье сделана попытка систематизировать эти данные, проследить истоки становления и формы взаимодействия западных (русскоязычных) и восточных (тюрко- и монголоязычных) народов в Верхнем Прииртышье в XVII в., определить значение ямышевского соляного промысла и торгового для всех его участников. По данным исследователей русско-казахских отношений, русские знали дорогу на Ямыш-озеро и имели представление о соляном месторождении задолго до основания первых сибирских городов. По мнению

А.В. Панкова, уже в середине XVI в. русские торговые суда ходили вверх по Иртышу, а бухарские верблюжьи караваны направлялись через киргизские степи к Астрахани, Самаре и другим волжским городам [1, с. 95]. Первое и наиболее полное описание озера Ямыш дал Г. Миллер. В «Известии о песошном золоте Бухарии» он писал: Сие озеро продолговато-круглое, имеет в окружности с небольшим девять верст и отстоит от реки Иртыша на шесть верст с половиною. Оно не глубоко, можно везде видеть дно, на котором множество ключей, ис которых истекает вода, толь много соли, в себе содержащая, что соль и при умеренном исхождении паров без огня сама собой садится и дно якобы толстым черепом покрывает. Количество соли там столь велико, что можно было достать оттуда больше, нежели бы во всей Сибири исходило. Другое преимущество состоит в белости, чистоте и в общей доброте соли, которую она самой лучшей шпанской и французской соли не уступает. Миллер также указал на время возникновения соледобычи русскими из озера и существование там торгового обмена с народами Южной Сибири и Средней Азии. Еще в то время, когда около лежащих местах калмыки кочевали, посланы туда были суда из Тобольска для привозу соли, и временем случались за то с калмыками немалые сшибки. Но по большей части позволяли калмыки бесспорно брать соль, потому что им от того не было убытка, а напротив того, они с россиянами, которые всякими товарами запасались, торговали [2, с. 482]. Первое известие о появлении русских у озера Ямыш относится к 1594 г. В наказе основателю Тарского острога князю А. Елецкому было предписано направить стрельцов и местных татар на Ямыш за солью. По-видимому, русские уже хорошо знали об Ямышевском месторождении и посетили его, поскольку воеводе было указано «послать из нового города татар и стрельцов на озеро Ямыш и велети соли привести в стругах.» [3, с. 352]. В период Смуты поездки к озеру, очевидно, носили нерегулярный характер. В 1611 г. тобольские воеводы сообщали: «В Тобольске соли нет, а с Тары соль по два года не присылавана для того, что калмыки озера отняли» [4, с. 259]. Лишь в 1613 г. был отправлен из Тобольска «проведать» соляное озеро отряд

служилых людей во главе с литовским ротмистром Бартошом Станиславовым и его помощником Яном Кучей, которые «соляное де озеро, проведав и соли в Тобольск привезли» [4, с. 295]. Вероятно, с этого времени поездки за солью в верховье Иртыша становятся постоянными, что находит косвенное подтверждение в материалах Миллера. Вместе с тем сложная обстановка в этом регионе, частые военные столкновения калмыков с Казахской Ордой делали эти поездки небезопасными. Миллер фиксирует войны кочевых правителей в 1620, 1621, 1623, 1626, 1628, 1631, 1634-1635 и другие годы [4, с. 109, 111, 118-120, 123-124, 358]. Учитывая это обстоятельство, сибирская администрация вынуждена была направлять на соляной промысел тяжелые дощаники с большим количеством служилых людей и наемных работников. Вместе с ними на государственных и частных судах плыли и торговые люди. Так, в 1626 г. из Тобольска «по соль» было отправлено 16 дощаников и 7 ладей с 604 служилыми людьми [5, с. 194]. В том же году тарский воевода Ислентьев направил экспедицию за солью под началом головы конных казаков Назария Жадовского в составе 103 стрельцов, пеших казаков и юртовских татар, которые привезли в Тару 604 пуда с полпудом [6, с. 102-103]. В результате походов за солью у озера возник стихийный торг. На нем осуществлялся обмен русских товаров на бухарские, китайские, калмыцкие, казахские и др. Особенно большим спросом среди русских пользовались «калмыцкие» лошади и скот, недостаток которых остро ощущался в ранний период освоения Сибири. Русское правительство не препятствовало возникновению взаимовыгодной торговли, а лишь требовало, чтобы служилые и работные люди, в первую очередь, добывали и грузили соль на суда, а затем уже осуществляли «повольный торг» с калмыками и другими народами. По свидетельству Ю. Крижанича, отбывавшего ссылку в Тобольске в 1661-1676 гг., тобольские воеводы ежегодно отправляли на ямышевский промысел 40 судов и более. Он писал: Как московитяне достигают этого места, они производят залп из пушек и снова их заряжают, затем производят огонь из пищалей; отсалютовав таким образом Тайше, московитяне дают заложников

и, получив таковых же от калмыков, в тот же день воздвигают на берегу укрепление и ставят на нем пушки, чтобы иметь защиту в случае вероломства. Добыв из озера соль, они нагружают ею суда, а затем вступают в торг меновой, так как на этих ярмарках деньги не в употреблении. Московитяне привозят с собой товары всякого рода. Калмыки же в обмен предлагают рогатый и вьючный скот, свои сласти и китайский табак; продают так же рабов и рабынь-своих свойственников, собственных детей. Наконец, по погрузке судов с солью и завершению торга, производится обмен заложников с обеих сторон [7, с. 69]. Ю. Крижанич придавал особое значение торговле с калмыками. Он предлагал правительству увеличить объемы торговли у Ямышева и наладить там первичную обработку кож, купленных у калмыков, «самородной солью» и продавать их купцам западноевропейских стран до 30-40 тыс. шт. в год [8, с. 153]. В середине 1620-х гг. в правительственных кругах созрела идея централизованного снабжения ямышевской солью всех сибирских городов и острогов и установления регулярной торговли с калмыцкими людьми. 31 марта 1626 г. Москва предписала тобольским властям осуществить осмотр местности у Ямышева для строительства острога. Эта задача была возложена на тобольского казачьего голову Грозу Иванова, Дмитрия Черкасова, а также на Третьяка Юрлова и скандально известного Савву Француженина. По возвращению в Тобольск служилые люди сообщили, что «острог поставить мочно», но выразили сомнение в получении государевой прибыли от калмыцкой торговли, потому что «с калмаки не по все годы оне ходяче к Ямышу-озеру, выдаются и торгуют. Калмацкие люди приносят к ним продавать лисиченка красные польские, и бобришка, и корсаки, и овчины, и тулупы овчинные; а больше того рухляди иные никакие не видали, а больших товаров никаких нету, только-де продают много лошадей и рогатого скота; а купя, государь, лошади и рогатый скот в города привозить страшно от них же калмыцких людей». Служилые люди доложили также, что у озера нет пашни и строительного леса, а в остроге необходимо содержать большое количество людей - «500 человек с огненным боем» [9, с. 335-343, 376-378]. Исходя из

этих сведений, правительство сочло нецелесообразным строительство постоянного острога у Ямышева, но повелело и впредь присылать служилых людей за солью и разрешило вести торговлю с кочевыми народами. В начале 1630-х гг. на берегу озера и Иртыша были воздвигнуты укрепления: острог и надолбы для защиты от «воинских людей». В становлении торговых и посольских связей с русской Сибирью в значительной степени были заинтересованы ойратские, казахские, телеутские и другие правители, осуществлявшие свои кочевки в верховьях Иртыша и Оби. Налаживанию отношений между сторонами на первых порах во многом способствовал обмен посольствами и подарками. Последние, по словам Ш.Б. Чимитдорджиева, представляли собой «своеобразную архаическую форму торговли» между кочевыми правителями и российскими властями. [10, с. 156]. Особенно интенсивными были отношения русских с джунгарами в период формирования их государственности. По мнению И.Я. Златкина, период [34] правления первого правителя Джунгарского ханства Батура-хунтайджи (1634-1654) был отмечен «мирным соседством и взаимной торговлей» [11, с. 99]. В 1630-е гг. между сибирской администрацией и джунгарскими правителями были достигнуты важные договоренности, приняты взаимные обязательства по политическим, торговым и другим вопросам. Так, осенью 1634 г. в Тобольск вернулось с озера русское посольство вместе с калмыцкими посланниками. Последние заявили, что их правитель-контайша просил прислать к нему «пансырь добрый, да пищаль ручную, да свинцу, да для плоду на завод 10 свиней, да 2 вепря, да петуха, да курицу индейских, да 10 собачек постельных малых». Он также просил об отправлении ему государева жалования и русских торговых людей к Ямышу с товарами. Взамен обещал передать русским властям перебежчиков «барабинских и чойских татар» и обеспечить перевозку соли «колмацкими людьми» от озера к русским дощаникам [4, с. 531-532]. В 1638 г. руководитель соляной экспедиции казачий голова Б. Аршинский сообщил тобольским властям о перевозке соли ойратами к русским судам и присяге отдельных калмыцких тайшей на верность

русскому царю [3, с. 527-528]. Очевидно, с этого периода торговля у Ямышева приобретает характер выгодного межэтнического обмена, в который включаются народы Южной Сибири, Джунгарии, Средней Азии и Казачьей орды. Постоянными участниками ямышевского торга являлись русские служилые, торговые люди, приезжие бухарцы, калмыки (ойраты), сибирские татары и другие народы. Особенно интенсивной была торговля в пост Успения Богородицы, продолжавшаяся две — три недели. Русские торговцы привозили на ярмарку промышленные изделия, западноевропейские ткани, кожи и другие товары, а взамен получали от приезжих купцов из Джунгарии, Бухары и Китая «китайские» и «эркетские» ткани, бадьян, корицу, чай, хлопчатобумажные изделия, калмыцкий скот и пушнину, мерлушки, ясырей [12, с. 88-89]. На Ямыш-озеро нередко привозили приезжие купцы бухарские и китайские товары из Средней Азии, их приобретали юртовские бухарцы, русские и другие торговцы. Так, в 1657 г. у купца С. Бакеева было «бухарских товаров в привоз 15 пудов меду цена 30 рублей». В 1666 г. тобольский конный казак В. Кетменев «привез из калмыков китайского и бухарского товару» 50 аршин бязей, 50 китаек, 29 пестрядей, 3 пуда бумаги хлопчатой, всего на 93 руб. В 1668 г. тобольский конный казак П. Малинин привез в Тобольск 50 зенденей семенди, 70 бязей узких и 30 выбоек узких; посадский человек К. Шапошников - 75 бязей и выбоек узких, стрелец В. Притупов - 50 бязей, 50 китаек и другие товары [13, с. 45, 47]. В 1674 г. юртовские татары привезли из Тобольска ткани (среднеазиатские и бухарские) различных сортов. В 1686 г. в Тобольск «из калмыцкой земли» через Ямыш-озеро с китайскими и бухарскими товарами приехали «человек» купца Филатьева Дмитрий Константинов (Гречанин) и важенин торговый человек Андриян Крюков. На Ямышевской ярмарке бывали и сибирские татары. В 1666 г. служилый татарин А. Мамадалеев привез с Ямышевской ярмарки 70 аршин бязи узкой, 10 выбоек узких, 10 зенденей, 5 китаек, 36 мерлушек и 7 тулупов. В 1694 г. татарин Таушко из Тобольска «ходил в Бухарию с товары своими торговать дважды» [13, с. 48]. Немаловажное значение в товарообороте занимала и торговля ясырями. В

1672 г. на озере приобрели 6 чел. (колмацких людей) тюменский посадский Леонтий Данилов и служилый Семен Бабилов, которые были проданы в Тюмени. В 1678 г. тюменский бухарец продал в городе 5 ясырей, привезенных с Ямыша, на 40 руб. Ямышевское озеро использовалось не только для добычи соли и торговли с кочевыми народами, но и для обмена и выкупа русских и других людей, оказавшихся в плену у монгольских и других правителей. В наказе тобольскому воеводе князю Черкасскому от 1 сентября 1697 г. правительство предписывало «полоняников у колмыцких людей у Ямышева-озера покупать на государевы таможенные сборные деньги и на товары менять мужеский пол и сибирцем всяких чинов людям колмацких пленников велеть покупать по-прежнему и заводу им не чинить, а воеводам и всяким приказным людям таких колмацких полоняников не покупать и к Москве не высылать» [14, с. 354]. Среди сибирских городов наиболее интенсивный обмен товарами осуществлялся в Тобольске. В течение полугода с 30 сентября в 1672 г. по 7 марта 1673 г с ямышевского торгового вернулось в Тобольск 14 торговых людей, среди них 6 служилых, 3 юртовских бухарца и татарин, 3 торговцев из Устюга и Вологды, посадский. Они вывезли 17 наименований товаров на сумму 736,5 руб. Оценка китайских товаров составила 427,3 руб. (58 %), среднеазиатских - 98,8 руб. (13,4 %), калмыцких мехов - 94,5 руб. (12,8 %), ясыря - 93 руб. (12,6 %). Озеро Ямыш нередко посещали промышленники и торговцы из других городов. Привоз соли и товаров оттуда и торговля ими отмечены в таможенных книгах Тары 15 сентября 1658 г., 26 августа 1655 г., 14 сентября 1675 г. и других. В июле 1678 г. из Тары было отпущено на Ямышевский торговый вер 15 служилых и торговых людей. Нередки были поездки на озеро торговых людей из Томска, Тюмени, Кузнецка. Нередко озеро Ямыш использовалось русскими и другими торговцами как важный транзитный пункт на пути следования в другие государства с торговыми и посольскими целями. Например, 17 июля 1666 г служилый бухарец С. Аблин сообщил в Тобольской приказной избе о своей готовности плыть с государевой казной до Ямыш-озера, а затем на верблюдах идти в Китайское государство для продажи там

казенных товаров [16, с. 137-138]. В 1668 г. через Ямыш последовали в Цинскую империю «для торгового промысла» 6 торговых людей с охраной из 26 чел. Обратный путь каравана также лежал через Ямыш [15, с. 233]. С 22 сентября 1684 г. по март 1685 г. провел в Китае «с торжишком» тобольский посадский Филип Иванов с 7 спутниками, которые прибыли туда после торговли у Ямышева [15, с. 71-72]. С соленого озера часто направлялись посольства в Тобольск, Тару, Томск и другие сибирские города. Так, 26 сентября 1674 г. в Тобольск прибыли с Ямыша с казачьим головой Иваном Ушаковым посланцы калмыцких тайшей Летиф Чичек-бек «с товарищи». Они просили отпустить их к Москве с «листами» и подарками к царю и товарами на сумму 2449 руб. 7 алтын 2 деньги [15, с. 268-271]. Торговый обмен у Ямышева не всегда проходил бесконфликтно. Летом 1634 г. сыны боярские Михаил Ушаков и Иван Астраханцев с отрядом служилых людей встретили со стороны калмыков упорное противодействие. По их словам, они вынуждены были жить в осаде в острожке с 1 по 12 августа и лишь 13 августа начали грузить соль на суда [3, с. 123-124, 479480]. В 1673 г. у озера произошло вооруженное столкновение между русскими, руководимыми письменным головой Федором Поленовым, и калмыцкими людьми Гагана-тайши. Последние, по свидетельству Ф. Поленова, «с озера соли не давали, просили от того на Гага-тайшу подарков больших и у служилых де русских людей и татар с теми калмыки ученилась драка», в ходе которой было убито 7 русских. Несмотря на это столкновение, служилые люди сумели не только загрузиться солью, но и купить у калмыков 700 лошадей [15, с. 318]. Зимой 1689/90 г. на русский купеческий караван, находившийся у Ямышева, было совершено нападение казахскими кочевниками. В ответ на враждебную акцию в Тобольске были задержаны послы Казачей Орды Сара и Кильдей. Их обвинили в том, что они якобы заманили русских промысловиков и торговцев в засаду на Иртыше. По этому поводу казахский хан Тауке в послании к русскому царю сообщал: «ведома от Адама и по се время такого дела не слыхивали, чтоб за воровских людей держать посланца». Как бы оправдывая

нападавших, он писал, что «город без воров, а лес без волков не бывает» [1, с. 107-109]. В мае-июне 1696 г. было совершено новое нападение на соляную экспедицию людьми Казачьей Орды, возникла новая угроза и в 1697 г. В связи с этим тобольскому дворянину Федору Феофилову в июне 1699 г. был дан подробный наказ о соблюдении мер предосторожностей как в пути, так и при сношении с кочевыми народами. Наказ предусматривал усилить имеющиеся на Ямышеве укрепления надолбами, вести постоянную разведку, «не чинить задоров» с колмыцкими людьми, осуществлять торговлю только после погрузки соли на суда. В наказе запрещалось вести торговлю заповедными товарами, особенно оружием, черными и черно-бурыми лисицами, «собольми добрыми» с калмыками и бухарцами. Предписывалось также у приезжих торговых людей, которые «ходили в китайское государство без ведома государя ловить», товары их брать в казну и привозить в Тобольск. При этом по пути к Ямышу и от него служилым людям было указано «не воровать», татар и ясачных людей не грабить, а также, чтобы они «зернью и карты не играли и табаку, и шару не пили» [16, с. 520, 524-525, 530]. Расцвет Ямышевской ярмарки приходится на начало XVIII в. По данным О.Н. Вилкова, в 1703 г. на Ямышевской ярмарке было продано различных товаров на 58-62 тыс. руб. Русские купцы выменяли там 37 746 концов китайки тюневой и селинской, 170 китайки «однопартишной», 15 648 выбоек бухарских, 24 780 зенденей и чавдаров, 1000 бязей, 150 кушаков бумажных, 20 азамов, 20 тулупов, 240 лисиц и «недолисей плохих», 470 овчинок астраханских, 4 пуда бадьяну. Ими также было куплено прочих мелких товаров на 1060 руб. В начале XVIII в. таможенные пошлины Ямышевской ярмарки составили около 3 тыс. руб. и лишь немногим уступали Ирбитской (3317 руб. 8 алтын) [17, с. 102]. Таким образом, невзирая на сложную обстановку в окрестностях Ямыш-озера, оно быстро превратилось из пункта местной соледобычи в центр оживленной международной торговли, посольских связей и транзита товаров в другие страны. По объему осуществляемых торговых операций и ассортименту товаров Ямышевский

торг в начале XVIII в. почти сравнялся с Ирбитской ярмаркой. Расположенное на стыке фронтального пространства Южной Сибири, Средней и Центральной Азии, на пересечении древних торговых путей озеро Ямыш являлось не только крупным соляным месторождением, но и важной зоной хозяйственного, политического и культурного взаимодействия различных народов - представителей разных цивилизаций.

Литература

1. *Басин В.Я.* Россия и казахские ханства в XVI — XVIII вв. Алма-Ата, 1971.
2. *Миллер Г.Ф.* История Сибири. М., 2005. Т. 3.
3. *Миллер Г.Ф.* История Сибири. М., 1999. Т. 1.
4. *Миллер Г.Ф.* История Сибири. М., 2000. Т. 2.
5. *Вилков О.Н.* Ремесло и торговля Западной Сибири. М., 1967.
6. *Евсеев Е.Н.* Тара в свои первые два столетия // Сибирские города XVII - начала XX века. Новосибирск, 1981.
7. *Кабо Р.Г.* Города Западной Сибири (Очерки по истории экономической географии XVII — XX вв.). М., 1949.
8. *Курц Б.Г.* Сочинения Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. Киев, 1915.
9. Русская историческая библиотека. СПб., 1884. Т. 8.
10. *Чимитдоржиев Х.Б.* Из истории русско-монгольских экономических связей XVII в. // История СССР. 1964. № 2.
11. *Златкин И.Я.* История Джунгарского ханства. М., 1964.
12. *Вилков О.Н.* Ямышевская ярмарка // Краткая энциклопедия по истории коммерции и купечества Сибири. Новосибирск, 1999. Т. 4, кн. 3.
13. *Зияев Х.З.* Экономические связи Средней Азии с Сибирью в XVII в. Ташкент, 1982.
14. Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т.3: 1689-1699.
15. Русско-монгольские отношения. 1654-1685: Сб. документов. М., 1996
16. Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1842. Т. 5.
17. *Вилков О.Н.* Очерки социально-экономического развития Сибири конца XVI - начала XVIII в. Новосибирск, 1999.

ДОРОГИ НА ЮГЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

На удобство водного сообщения по Иртышу на небольших (плоскодонных) судах до озера Зайсан еще конце в XVIII века указывал И.М. Ренованц. Он также приводил сведения о торговых путях, связывавших верхнее течение реки с западными районами Средней Азии, замечая, что через место, где располагалась Усть-Каменогорская крепость, ранее проходила «наилучшая дорога в Бухарию» [Ренованц, 1792, с. 3, 6]. Неоднозначность устройства оборонительных линий и формирования линейных дорог отмечал А.Д. Колесников, подчеркивая сопряженность этого процесса с разногласиями заводской и военной администрации относительно мест прокладки транспортных коммуникаций и расположения укреплений [Колесников, 1973, с. 87]. Проблема многоплановости хозяйственного освоения Прииртышья, происходившего в обстановке взаимного наслаивания элементов военно-служилой колонизации и крестьянского заселения, была изучена Н.Г. Аполловой. Выход на торговые рынки Средней Азии через казахские степи являлся, одной из стратегических целей распространения влияния Российского государства за Уралом в XVIII столетии [Аполлова, 1976, с. 136]. Пути Среднего Прииртышья XVI – первой трети XX в. были рассмотрены А.В. Матвеевым. Омский историк и археолог отмечает, что складывание дорог на первом этапе было привязано к так называемым естественным коридорам – участкам микрорельефа, наиболее удобным для преодоления человеком природных препятствий (рек, горных хребтов, болот). Русское население использовало бывшие дорожные коммуникации Сибирского ханства, и только со второй трети XVIII в. на юге Западной Сибири стали прокладываться принципиально новые транспортные маршруты, что не просто совпало, а в значительной мере было вызвано активизацией освоенческой политики Российского государства и изменениями административно-хозяйственной структуры региона [Матвеев, 2014, с. 60, 69]. В коллективной монографии А.Н. Дунца, В.В. Исаева и др. была подчеркнута сложность продолжавшегося все XVIII столетие приспособления транспортной инфраструктуры к потребностям производственного комплекса с обширностью и ландшафтной

разнородностью территории Верхнего Обь-Иртышья, а также дефицитом людских ресурсов и финансирования [Дунец., 2017, с. 41]. По мнению историка А.Ю. Огурцова, дефицит удобных проезжих дорог вдоль берегов Иртыша в его верхнем течении, обусловленный особенностями ландшафта (вязкий песчаный грунт, выше Усть-Каменогорской крепости – каменные осыпи, скалы и труднопроходимая тайга), на несколько десятков лет задержал окончательное вхождение предгорий Алтая в состав России, и вместе с тем повлиял на отдельные внешнеполитические решения Цинской империи (в частности, спровоцировав отказ от военного конфликта с Российским государством) [Огурцов, 1999, с. 19].

Литература:

Ренованц И.М. Минералогические, географические и другие смешанные известия о Алтайских горах, принадлежащих к Российскому владению / пер. с нем. В.М. Севергина. СПб., 1792.

Колесников А.Д. Русское население Западной Сибири в XVIII – начале XIX вв. Омск, 1973.

Аполлова Н.Г. Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI – первой половине XIX в. М., 1976.

Матвеев А.В. История сухопутных путей сообщения Омского Прииртышья (Средневековье – Новое время). Омск, 2014

Дунец А.Н., Исаев В.В., Рыгалова М.В., Колокольцев М.Г. Дороги Алтайского края: от первых верст до наших дней. Барнаул, 2017.

Матвеев А.В. История сухопутных путей сообщения Омского Прииртышья (Средневековье – Новое время). Омск, 2014
Огурцов А.Ю. Иртышская пограничная линия // Кузнецкая старина. Вып. 3. Новокузнецк, 1999.

Иртышский путь

Иртышский путь, выводивший торговых людей к верховьям р. Ишим, к Туркестанской дороге, тянулся от г. Искера далеко на юг по левому берегу р. Иртыш до р. Камышлов. Затем он поворачивал на юго-запад и, пройдя по степи солидное расстояние, неожиданно появлялся в верховьях р. Ишим. Далее путь, перескочив р. Ишим восточнее Каменного брода, встречался с Ишимской и Ордынскими дорогами, образуя Туркестанскую дорогу [Вилков, 1987, с. 201]. По Туркестанской дороге, маршрут которой подробно описан О.Н. Вилковым [Вилков, 1968], можно было отправиться в различные части Средней Азии. Вместе с тем Иртышский путь использовался для

путешествия к колмыкам и в Китай. Для этого путешественникам, двигавшимся из Искера, необходимо было южнее устья р. Тара на Карташовском яру перейти с левого берега р. Иртыш на правый и двигаться далее по нему до самого Ямышевского озера. От последнего, кстати, существовало ответвление пути на запад степью до г. Туркестана. Однако основной маршрут шел на юг до озера Зайсан и далее на юго-восток. Таким образом, в XV–XVI вв. тюркотатарские государства Тоболо-Иртышского междуречья XIV–XVI вв. являлись местом пересечения трансевразийских торговых маршрутов, местных путей сообщения. По этим меридиональным и широтным маршрутам проходили торговые караваны и крупные военные отряды. В Сибирском ханстве в 1570–1580-х гг. существовала государственная система сухопутных коммуникаций. Фрагментарные сведения о ней содержат сибирские летописи. Конкретные места прохождения маршрутов XV–XVI вв. были реконструированы нами на основе письменных и изобразительных источников XVII в. Особую роль в реконструкции сыграл ряд картографических источников: «Witsen, s map of North and East Tartary» (1687 г.), «Чертеж всех с камней потоки рек имени наличия, снискательно бывалцы и уроженцы» из «Служебной чертежной книги», «Чертеж земли всей безводной и малопроездной каменной степи» (1697 г.) из «Чертежной книги Сибири», «Хорографическая чертежная книги Сибири» (1697–1711 гг.) С.У. Ремезова. Основанием для применения этих карт стал тот факт, что до начала XVIII в. Россия почти не занималась в Западной Сибири прокладкой новых путей, а старалась закрепить за собой имеющиеся маршруты, для чего строила на них остроги и слободы. Прокладку дорог в казахстанских степях Российская империя начала лишь в XIX в.

Литература:

Вилков О. Н. Бухарцы и их торговля в Западной Сибири в XVII в. // Торговля городов Сибири к XVI – нач. XX вв. Новосибирск, 1987. 217 с..

Вилков О. Н. Торговые пути из Сибири в Среднюю Азию и Китай и динамика торгового движения по ним в XVII в. // Вопросы истории социально-экономической и культурной жизни Сибири и Дальнего Востока : тез. докл. Новосибирск, 1968. Вып. 2. С. 5–6.

Соляные дороги

Соляные дороги создавались еще в глубокой древности [Каврук, Георгие, 2011]. Так, например, в Древнем Риме дорога, соединявшая Рим с Реате, по которому в Рим поступала соль, называлась *Via Salaria* [Словарь Античности 1989, с. 538], а в Трансильвании, в XVII веке была построена «соляная дорога» Прайд – Георгень, соединяющая богатые месторождения соли центральной Трансильвании с восточной частью этой провинции, где соли нет [Каврук, Георгие, 2011, с. 17].

СОЛЯНОЙ КРИЗИС XIX в. В РОССИИ И СИБИРИ

Торговля солью была важным источником доходов Российского государства издавна. Поэтому в 1705 г. была введена государственная монополия на ее продажу. Но к концу XVIII в. правительство столкнулось с проблемой убыточности соляных предприятий, так как заготовка и транспортировка не успевали за растущими потребностями в этом продукте. Так, известно, что в 1803 г. Иркутская губерния нуждалась в 152 259 пудах соли, государство же смогло поставить всего 53 259 пудов; в Тобольской губернии нужно было потребить 377 682 пуда, а в наличии было всего 281 314 пудов [1, с.180]. С идеей ввести вольную продажу соли в Российской империи выступил министр финансов Л. И. Васильев. Его поддержал специально созданный для решения данного вопроса «Комитет по соляной части». Манифестом от 5 ноября 1811 г. в России введена вольная продажа данного продукта. Разработчиком реформы был М. М. Сперанский. При новом порядке источники продолжали оставаться в руках казны. Вольная продажа предусматривала право частных лиц брать соль из них и «продавать ее во всех местах по ценам добровольным... свободно и беспрепятственно» [1, с.181]. Цена на продажу соли включала в себя себестоимость с прибавлением пошлины, которая и составляла чистый доход государства. Наряду с этим продолжала существовать и система

казенных магазинов, сохраненная правительством в целях предотвращения монополии частных лиц и резкого повышения цен. Однако в середине XIX в. в соляном деле всё же не было полного благополучия. С появлением новых источников получения соли из озер, значимость солеваренных заводов стала снижаться. Так, по сведениям генерал-губернатора Восточной Сибири, Селенгинский казенный завод стал приносить одни убытки. Было предложено упразднить данное предприятие, а снабжение жителей осуществлять из Иркутского магазина. Сибирский комитет своим решением от 4 декабря 1852 г. утвердил это предложение [2]. В середине XIX в. все дела, связанные с этой отраслью на восточных окраинах империи, находились в ведении Сибирского комитета. Именно журналы его заседаний являются важным источником для освещения данной проблемы. Рассмотрение «Расписания о продажных ценах на соль» являлось одной из прерогатив в хозяйственной деятельности Сибирского комитета, ежегодно рассматривались и утверждались новые цены на продажу соли по всем казенным магазинам Сибири на следующий год. Как правило, обсуждение этого вопроса проходило в четвертом квартале года. Утверждение цен 1853 г. произошло на заседании 22 ноября 1852 г. Согласно предложению министра финансов, Комитет постановил открыть в Енисейской губернии четыре новых места продажи. Цена на соль в трех из них была определена в 60 коп. за пуд, в четвертом - 75 коп. Все остальные цены согласно прежнему расписанию, остались без изменения [3]. В 1853 г. было признано необходимым открыть еще три новых пункта продаж. Цены в новых пунктах были утверждены в размере 75 коп. Отпускные цены в Западной Сибири претерпели некоторые изменения. В двух оптовых магазинах, а также в двух магазинах местного продовольствия цены были понижены на 11-13 коп. Это было принято в связи с тем, что соль в данных магазинах не покупалась по причине ее плохого качества [4]. Меры, предпринятые Сибирским комитетом, оказали должное воздействие. Соль в магазинах, где были понижены цены, стали покупать с большей охотой. При рассмотрении цен на 1855 г. Сибирский комитет признал нужным не менять существующие цены. Такое же решение

было принято и относительно следующего года. Только в трех соляных стойках Енисейской губернии цена была повышена на три коп. Это, по мнению членов комитета, должно несколько сократить расходы, связанные с утечкой и усушкой соли. Новый магазин для продажи был открыт в г. Пельше [5]. Однако уже в начале 1856 г., когда новое расписание на цены вступило в силу, у Комитета появились причины внести в него некоторые изменения. Согласно существующему законодательству, продажа соли непосредственно из солеваренных заводов была запрещена. Но, в виде исключения, в 1845 г. была разрешена продажа с Троицкого завода для продовольствия людей на золотых промыслах Енисейской губернии, а уже через пять лет вновь запрещена. Но уже в 1856 г. встал вопрос о ее возобновлении, тем более что доставка с завода в Яковлевский магазин, находившийся в десяти верстах от него, была сопряжена с большими сложностями в связи с необходимостью постройки плотины и мельницы в этом районе. Расходы на перевозку соли составляли три копейки с пуда. Своим журналом от 29 января 1856 г. Сибирский комитет разрешил продавать соль непосредственно с Троицкого солеваренного завода в виде исключения сроком на два года [6]. В том же году подобное исключение было применено и к Устькутскому солеваренному заводу. Одновременно в магазинах Тобольской губернии (Омском, Петропавловском, Ишимском и Курганском) цена была понижена от 9 до 27 коп. за пуд. Причина - конкуренция частных промышленников, продававших соль по более низким ценам, чем государство. Соперничество с предпринимателями приводило к потере государственного дохода. Серьезным изменениям подверглось «Расписание о продажных ценах на соль» на 1859 г. В ноябре 1858 г., когда Сибирский комитет определял ценовую политику на соль, принято решение "в видах увеличения сбыта казенной соли существующие в Енисейской губернии соляные магазины Яновский и Минусинский местного продовольствия переименовать: первый в местный с прекращением в оном оптовой продажи соли, а последний в оптовый с сохранением продажи из оного соли и мелочными количествами». Были

учреждены новые пункты сбыта с очень низкими по меркам Сибири ценами. Это объясняется тем, что основным потребителем соли здесь были сибирские казаки, находившиеся под особой опекой государства. Кроме того, решено компенсировать понижение цен в одних местах повышением в других: в Тюменском оптовом и Ялуторовском местном магазинах на шесть коп.; в местных магазинах Ишимском, Курганском, Омском и Петропавловском на три коп.; в Енисейской губернии в Рыбинской стойке на 22 коп., а в Устьянской - на 6 коп. за пуд [7]. Расписание продажных солевых цен на 1860 г., составленное и принятое Сибирским комитетом на заседании 18 сентября 1859 г., можно считать самым консервативным. Цены по всем пунктам продаж оставлены полностью без изменений. Даже во вновь открытой Тункинской стойке цены назначены такие же, как и во всей губернии - 70 коп. за пуд соли [8]. На первый взгляд может показаться, что подобная политика Сибирского комитета является следствием полного благополучия в соляном деле, что доходы государства стабильны, а население получает всю необходимую ему соль по вполне разумным ценам. Однако это не совсем так. В сибирском соляном деле зрели кризисные явления, существующая система продажи соли не была застрахована от различных неожиданностей и не отвечала современным условиям. Последнее обстоятельство отчетливо проявилось в Тобольской губернии. Вследствие увеличения населения Тобольской губернии и малой садки соли на соляных озерах, потребность в соли здесь значительно возросла. В 1857 и 1858 гг. ее продано почти столько же, сколько в предшествующие пять лет. Запасы в магазинах резко сократились. По подсчетам местных властей, готовая к продаже соль должна была полностью закончиться в августе 1860 г. В начале 1860 г. генерал-губернатор Западной Сибири Г. Х. Гасфорд предложил ввести чрезвычайные меры: оптовую продажу соли отменить, ограничившись продажей соли по 50 пудов в одни руки; уменьшить отпуск соли, предназначенной для перевозки в другие места; открыть для вольной продажи соли Коряковское озеро по цене 25 коп. за пуд; заключить контракт с надворным советником А.Ф. Поклевским-Козелл на

доставку из Корявского озера в город 150 тыс. пудов соли на пароходе с последующим увеличением доставки еще на 100 тыс. пудов, в связи с тем, что купец Беренс, на которого были возложены поставки, не успел приготовить все баржи к плаванию; повысить продажную цену во всех магазинах на 15 коп. за пуд; предоставить право Главному управлению Западной Сибири самостоятельно принимать решение об увеличении продажной цены на продукт из казенных магазинов. Министр финансов высказал полное согласие с предлагаемыми Г. Х. Гасфордом мерами. Он распорядился выделить на обеспечение доставки продукта 58 032 рубля. Рассматривая этот вопрос в марте 1860 г., Сибирский комитет нашел, что большинство мер, предлагаемых генерал-губернатором, направлены на устанавливая продажные цены, то это «могло бы быть оправдываемо единственно только в том случае, если бы подобное изменение требовалось экстренно и если бы по этому (вопросу - В. В.) не было возможности испросить своевременно необходимое разрешение». Времени на сношения с высшей властью у генерал-губернатора, по мнению Комитета, было вполне достаточно, поэтому наделять его такой привилегией, отступающей от норм закона, не было необходимости [9]. Заметим, что в разрешении данного вопроса Сибирский комитет воздержался от надления генерал губернатора Западной Сибири дополнительными полномочиями, что свидетельствовало о законоохранительной позиции комитета и желании не допустить отклонений в деятельности местных властей от общероссийских законов. На 1861 г. было принято решение о повсеместном повышении цен в Западной Сибири. Меры, предпринятые генерал-губернатором Западной Сибири, несколько выровняли ситуацию по снабжению этим необходимым продуктом население Тобольской губернии. Кризисные явления, наблюдавшиеся в соляной отрасли промышленности, вынудили правительство приступить к разработке ее реформирования. В мае 1862 г. император Александр II утвердил мнение Государственного совета о введении в России акциза на продажу соли. По всей стране торговля солью передавалась в частные руки. Акциз был установлен в размере 30 коп. за пуд. Министру

финансов было поручено разработать правила применения акцизной системы в Сибири. Исполняя это решение, М. Х. Рейтерн вступил в переговоры с генерал-губернаторами Западной и Восточной Сибири. Однако они не спешили с ответом. Вместо планов по внедрению новой системы торговли генерал-губернаторы прислали в Сибирский комитет свои соображения по изменению расписания на продажу казенной соли в 1863 г. Причем генерал-губернатор Западной Сибири предложил повысить цену на соль в Томской губернии по всем пунктам продаж. По Восточной Сибири, за некоторым исключением, цену предполагалось оставить прежнюю. Министр финансов считал, что стоит проводить более гибкую ценовую политику. По его мнению, необходимо было понизить цену там, где она превышала допустимый акциз, а там, где она была ниже акциза - повысить ее. Тем самым, считал министр, цены должны постепенно выравниваться. Предложение приняли на заседании Сибирского комитета 23 октября 1862 г. причем обоим генерал-губернаторам Сибири было рекомендовано проявить большую активность при учреждении вольной продажи соли в Сибири [10]. Ситуация с введением акциза на соль в точности повторилась в 1863 г. Несмотря на то, что оба генерал-губернатора не выступали прямо против введения вольной продажи, они не торопились с реализацией общероссийских постановлений. Практически по всем магазинам цена на соль должна была возрасти, что, по их мнению, могло способствовать развитию вольной торговли. Предполагалось, что предприниматели смогут успешно конкурировать с казной, предлагая на продажу более дешевый товар. Политика продуманного реформирования соляной отрасли в Сибири довольно быстро стала давать положительные результаты. Повышенные цены на казенную соль привели к развитию вольной реализации этого продукта. В результате, при рассмотрении продажных цен на соль на 1865 г. Сибирский комитет признал необходимым оставить в силе высокие цены. В тех же местах, где запасы казенной соли были уже распроданы, решено подвоз соли и ее продажу не возобновлять [11]. Держать под контролем всю торговлю солью в Сибири было практически невозможно. Прежде всего, обширные

пространства этого региона и недостаток чиновников не позволяли наладить достаточно эффективный контроль над торговыми оборотами. Кроме этого, многие месторождения природной соли, особенно в южных районах Сибири и в Киргизской степи, находившиеся близко к поселениям, всегда использовались жителями для своих нужд. Покупать соль им не было никакой необходимости. В результате в некоторых районах Сибири распространилось такое явление, как корчемство солью. Она добывалась и использовалась там для собственных нужд. Местные жители, следовательно, не обращались в магазины за этим продуктом. По подсчетам властей, государство теряло от корчемства сотни тысяч рублей в год. Практически даровая соль быстро превращалась в объект контрабандных сделок. Многие жители Киргизской степи занимались продажей соли во внутренние районы Сибири. Ограничить контрабанду и прекратить корчемство у местных властей не было никакой возможности, т. к. протяженность границ и недостаток чиновников не позволяли это сделать. Сибирские казаки, на которых была возложена обязанность оберегать Киргизскую границу, сами занимались выгодной контрабандой. С целью прекращения этих явлений министр финансов предложил следующие меры: во-первых, организовать выдачу промысловых билетов на добычу и продажу соли до 50 пудов на 2 месяца, до 100 пудов - на 3 месяца и до 500 пудов на 6 месяцев; на большее количество и больший срок промысловые билеты не выдавать. Во-вторых, по окончании срока действия билеты «отбирать местным полицейским начальствам и передавать по принадлежности тому начальству таможенного округа, от которого они выданы». В-третьих, запретить продажу соли, если лица, торгующие ею, не имеют билетов. В-четвертых, указанные меры применять в качестве эксперимента в течение трех лет. Своим заключением от 9 марта 1854 г. Сибирский комитет утвердил предложения министра финансов [12]. Надо сказать, что подобные меры уже применялись в Сибири в 1847-1850 гг., когда удалось несколько сократить контрабанду и корчемство. В этот раз члены Сибирского комитета также надеялись на успех. В целом можно признать, что

ограничительные меры не способствовали развитию торговли, а наоборот стесняли ее. Но правительство в данном случае, идя на консервативные шаги, стремилось только к пополнению доходов казны, что возможно было только в краткосрочной перспективе. Трехгодичный эксперимент, по мнению генерал-губернатора Западной Сибири, удался. В результате в 1858 г. он обратился с просьбой продлить комплекс мер, принятых в 1854 г., до тех пор, «пока не будут изысканы более действенные меры к прекращению незаконной торговли солью». Г. Х. Гасфорд предложил даже еще более ужесточить сроки действия билетов, а в случае нарушения правил торговли - брать штрафы с промышленников. Данные предложения были утверждены Сибирским комитетом 29 июля 1858 г. [13] Какими бы действенными не были меры по ограничению продажи, они же не решали проблему в корне. Это признавали даже сами члены правительства. Консервативные меры не способствовали прогрессу торговли, они затрагивали одну из ее главных основ - свободу. Либерализация торговли в России и утверждение императором в мае 1862 г. закона о введении акциза вынуждали сибирское руководство действовать в рамках общих правил. На заседании 12 августа 1863 г. Сибирский комитет рассмотрел предложение западносибирского генерал-губернатора об отмене ограничения на торговлю солью. Члены Комитета признали, что временные ограничения «стесняют вольную соляную промышленность» отменили все ранее принятые ограничения [13]. В данном случае, как и во многих других, Сибирский комитет выступил с либеральными идеями только после того, как подобные предложения уже были приняты во всей империи. С одной стороны, это говорит о некоторой безынициативности его членов, с другой стороны - о стремлении распространить общероссийские законы на сибирскую почву. Еще одной проблемой в соляной отрасли была казенная перевозка соли. Время показало, что она не отличалась эффективностью. В крупных городах Сибири существовали комиссариатства для решения этой проблемы. Они осуществляли доставку продукта либо казенными средствами, либо заключали контракты на доставку с частными лицами. Казенная перевозка

была несовершенна. Так, например, в 1838 г. при перевозке соли из Коряковских озер в Тобольск в недостатке числилось 4445 пудов на сумму 1651 руб. серебром. В результате длительного расследования оказалось, что «недостаток произошел от непрочности судов, на которых сплавлилась соль, а также от перегрузки и промочки ее дождем». Сибирскому комитету ничего не оставалось делать, как своим решением списать все недостатки продукта и записать утраченные суммы в расходы [14]. В 1859 г. на реке Шилке разбилась казенная баржа с солью, и потонуло 436,5 пудов ценного продукта. И эти все убытки были списаны. Подобные казенные растраты не были редкостью. Поэтому государственные комиссионеры предпочитали заключать контракты на перевозку с частными лицами, что в некотором смысле страховало возможные потери государства, поскольку в случае утраты соли частными лицами, их всегда можно было привлечь к суду и компенсировать расходы наложенными штрафами. Но в доставке соли были заинтересованы и сами частные промышленники. В случае успешного выполнения поставленных задач власти гарантировали им получение прибыли. Более того, некоторые купцы, заключая подряды на перевозку, стремились получить некоторые привилегии и монополии. В 1859 г. тюменские первой гильдии купец Решетников и третий гильдии купец Тюфин предложили свои услуги по перевозке соли. Специально для этого они намеревались использовать пароходы в верховьях Иртыша. Но так, как эти места еще не были освоены в достаточной мере (суда там не ходили) предприниматели ходатайствовали об учреждении 10-летней привилегии на перевозки. Хотя данный проект противоречил общегосударственным принципам антимонополизации промышленности и торговли, Сибирский комитет своим постановлением от 30 марта 1859 г. разрешил западносибирскому генерал-губернатору устроить торги на 10-летнюю поставку соли в Тобольск на пароходах. При этом контракт было разрешено заключить только с теми, кто предложит более выгодные для государства условия доставки соли [15]. Победителем на торгах оказался везенбергский купец Беренс. В течение 1860-1870 гг. он должен был

учредить пароходство в верховьях Иртыша и доставлять соль с Коряковских озер в Тобольск. После заключения контракта казна передала ему все государственные баржи и солевозные суда. При отсутствии возможности уплатить весь долг сразу, Беренс в 1861 г. ходатайствовал об отсрочке выплаты в течение 9 лет. Западносибирский генерал-губернатор и министр финансов не нашли препятствий к предоставлению такой отсрочки, а Сибирский комитет на заседании 4 декабря 1861 г. разрешил Беренсу выплачивать долг в течение 9 лет [16]. Прямым следствием заключенного с Беренсом контракта явилось сокращение функций тобольского комиссариатства по развозу соли. Генерал-губернатор Западной Сибири Дюгамель предложил вообще упразднить комиссариатство, так как все поставки на будущее были возложены на купца. Для наблюдения за перевозкой соли он предложил учредить должность чиновника особых поручений при Тобольской казенной палате. Министр финансов согласился с этим. Двумя годами ранее в Восточной Сибири также произошли некоторые изменения в системе управления соляным делом. По мнению генералгубернатора Н. Н. Муравьева-Амурского, должность чиновника, по особым поручениям, ответственного за техническое состояние казенных соляных заводов, являлась лишней в структуре управления краем. Должность эту можно было упразднить, «поручив наблюдение за технической частью означенных заводов и исполнение различных по оным поручений ревизору по чугунно-железному производству в Восточной Сибири генерал-майору Бароцци-де-Эльс, наименовав его инспектором железных и соляных заводов при генералгубернаторе Восточной Сибири» [17]. Сокращение количества чиновничьего аппарата, обслуживающего казенное солеварение и снабжение солью городов Сибири, было не единственным следствием расширения вольной торговли солью. Местные сибирские власти выступали с различными реформаторскими идеями, некоторые из них получали поддержку Сибирского комитета, другие - нет. В 1861 г. генерал-губернатор Восточной Сибири предложил передать Минусинское соляное озеро из ведения Енисейской

казенной палаты в ведение местной земской полиции. Садка соли на этом озере прекратилась еще в 1856 г. и оставлять его в ведении казенной палаты, по мнению Корсакова, не имело смысла. Однако, было признано неудобным передавать озеро в ведение полиции, мотивируя это тем, что готовится общая реформа соляной отрасли, и делать какие-либо изменения пока нет надобности. Большой интерес вызывали у Сибирского комитета идеи местных властей по либерализации торговли солью. Так, генерал-губернатор Западной Сибири «в видах развития в этом крае вольного соляного промысла и сокращения чрез то казенных соляных операций» предложил разрешить выдавать соль с казенных магазинов в Тобольской и Томской губерниях в кредит. Сибирский комитет признал такие предложения очень полезными для развития вольной торговли солью и своим журналом от 23 ноября 1864 г. разрешил предоставлять всем желающим право по приобретению казенной соли в кредит [18]. Как видим, в условиях кризиса соляной отрасли в Сибири правительство пыталось найти меры его преодоления. Административные рычаги были малоэффективны. Не сразу, но постепенно появлялось убеждение, что только развитие частной инициативы может способствовать разрешению возникших проблем

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Введенский Р.М.* Соляная реглация и утверждение вольной продажи соли в России // История СССР. – 1986. - №1.
2. РГИА.Ф. 1265. Оп. 13. Д.11. Л. 252-253
3. РГИА.Ф. 1265. Оп. 13. Д.11. Л. 150-156
4. РГИА.Ф. 1265. Оп. 13. Д.11. Л. 333-335
5. РГИА.Ф. 1265. Оп. 13. Д. 14. Л. 372-375
6. РГИА.Ф. 1265. Оп. 13. Д. 15. Л. 24-27.
7. РГИА.Ф. 1265. Оп. 13. Д. 17. Л. 598-599; 600-603.
8. РГИА.Ф. 1265. Оп. 13. Д. 18. Л. 847-849.
9. РГИА.Ф. 1265. Оп. 13. Д. 19. Л. 40-59.
10. РГИА.Ф. 1265. Оп. 13. Д. 19. Д.21.
11. РГИА.Ф. 1265. Оп. 13. Д. 23. Л. 544-550.
12. РГИА.Ф. 1265. Оп. 13. Д. 13. Л. 200-215.
13. РГИА.Ф. 1265. Оп. 13. Д. 22. Л. 522-524.

14. РГИА.Ф. 1265. Оп. 13. Д. 12 Л. 366-367.
15. РГИА.Ф. 1265. Оп. 13. Д. 18. Л. 495-502.
16. РГИА.Ф. 1265. Оп. 13. Д. 20. Л. 418-420.
17. РГИА.Ф. 1265. Оп. 13. Д. 19. Л. 37-38.
18. РГИА.Ф. 1265. Оп. 13. Д. 23. Л. 371-372.

СОЛЯНАЯ МОНОПОЛИЯ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В начале XX века вблизи судоходной реки Иртыш были известны и разрабатывались соляные источники (озера) Коряковское (18 в. от Павлодара), Калкаман (30 в. от Павлодара), Карабас (40 в. от п. Белокаменское), Темиртуз (45 в. от п. Подпускной), Бестуз (70 в. от п. Качирский), Карасукское (70 в. от п. Качирский), Тайконгр (90 в. от п. Пресный) и Теке (110 в. от Омска). Все указанные тут города и поселки находились на реке Иртыш.

В этих озерах добывалось разное количество соли. В озере Коряковское добывалось 3119000 пуда, Темиртуз давал 500000 пудов, Бестуз – 350000 пудов, Калкаман – 401000 пудов, Карасукское – 300000 пудов; Теке – 50000 пудов, а Карабасское – 660000 пудов.

Самое близкое к реке Иртыш, озеро Коряковское обращало на себя наибольшее внимание солепромышленников. Это объяснялось тем, что здесь соленое дело приносило сказочную прибыль капиталисту. По данным памятной книжки Семипалатинской области за 1906 год. Для добычи соли на арендованных участках механических двигателей не было. Вся вывочка из соли озера производилась рабочими при помощи лошадей и верблюдов. Для перевозки на берег употреблялись деревянные ящики, помещавшиеся на обыкновенных дрогах. Выработка и вывозка на пристань сдавалась сдельно

казахам с 1000 пудов за 38 рублей, т.е. 1 пуд соли обходился на пристани 3,8 копейки. Однако, если к этой затрате капиталиста прибавить арендную плату приблизительно 1 копейка с пуда, то получим весь расход солепромышленника в 4,8 копейки на 1 пуд соли. 1 пуд соли с озера Карабас обходился арендаторам в городе Семипалатинск в 9 копеек, а продавался по 18,5 копейки, т.е. капитал приносил 103,3% чистой прибыли. Соль Коряковского озера шла вниз по реке Иртыш и на первой пристани Черноярка, в 26 верстах от места добычи, давала солепромышленникам 110,5% чистой прибыли. На аренду Коряковского озера 14 декабря 1907 года должны были пройти торги на 25 лет. Аренда озера сопровождалась целым рядом условий, утвержденные министром торговли и промышленности: 1) срок аренды 25 лет; 2) залог 20 тысяч рублей; 3) аренда с 15 тысяч за миллион пудов; 4) построить ж. д. до пристани Черноярки; 5) землю арендовать под железную дорогу и склады на 30 лет; 6) построить склады для соли (ныне же соль в кучах под открытым небом пылится песком); 7) построить бараки для рабочих; 8) иметь врача; 9) соль вырабатывать более совершенными способами (ныне соль засоряется нечистотами рабочих лошадей и верблюдов); 10) соль не продавать дороже 7 копеек за пуд. Однако, по ходатайству старого арендатора, павлодарского купца Осипова, которого поддержал омский биржевой комитет, торги были отменены, а десять потенциальных арендаторов уехали ни с чем. Дело о торгах на Коряковском соленом озере было резонансным. По мнению одних, отдача озера с торгов одному предпринимателю могло создать монополию, другие считали, что монополия была уже много лет и продолжала существовать в скрытом виде. После того, как по ходатайству тобольского отдела Общества рыбоводства и рыбопромышленности и омского биржевого комитета, торги были отменены, вопрос о регулировании цен на соль и способах улучшения производства этого важного в Сибири продукта остался открытым. Раньше Коряковское озеро отдавалось с торгов небольшими участками, а каждый из 14 участков отдавался сроком на три года. В 1903 году на озере работало пять фирм. Рабочие (по памятной книге Семипалатинской

области за 1906 год, на Коряковском озере трудилось 2400 человек) получали 38 рублей за выработку и свозку на пристань 1000 пудов соли (3,8 копейки за пуд), а казна за аренду получала 45 тысяч ежегодно. Пуд соли на пристани Чернойрка продавался по 6 копеек. Считая арендную плату с 1 пуда в 1 копейку, а также затраты на выработку и свозку на пристань (3,8 копейки за пуд), то получим, что солепромышленник получал с 1 пуда на преддверии к большому рынку на указанной пристани 1,2 копейки чистой прибыли, или 25% со стоимости аренды и заработной платы вместе взятых. Но эта прибыль на оборотный капитал при полном отсутствии основного показалась недостаточной солепромышленникам. Вскоре они составили товарищество. Конкуренция исчезла.

С 1905 до 1908 гг. арендаторы Коряковского озера платили казне за аренду вместо прежних 45 тысяч – 75, а рабочим за выработку и свозку на указанную выше пристань 1 000 пудов – 28 рублей, или 2,8 копейки с 1 пуда, против прежних 3,8 копеек. Товарищество прибавило к продажной цене 1 пуда две копейки (теперь цена 1 пуда составляла 8 копеек), т.е. товарищество на заработную плату 2,8 и аренду 1 копейки (итого 3,8 копейки) получают 4,2 копейки, или 110,5% чистой прибыли. Отмена торгов на неопределенное время оставила в этом выгодном положении товарищество Осипова.

При трехмиллионной ежегодной добыче соли Коряковское озеро давало товариществу 126 тысяч рублей чистого дохода. При этом, в сравнении с недавним прошлым, казна потеряла $\frac{2}{3}$ арендной платы, или 30 тысяч, а рабочие также, по 1 копейке с пуда, - 30 тысяч. В итоге, обе заинтересованные стороны, казна и рабочие, приплачивали капиталисту 60 тысяч рублей в год. Эти цифры разъясняли, какие общественные интересы и «беспристрастие в общественных делах» заставили телеграммой просить Петербург, главу товарищества Осипова и поддерживающий его омский биржевой комитет об отмене торгов на Коряковское озеро.

На другом большом соленом озере, Карабас, где ежегодно добывается ежегодно 660 тыс. пуд. соли, с 660 рабочими, они получают с 1 пуда добытой и сложенной на берегу соли 0,8 коп. На месте соль продается по 5 коп. за 1 пуд, т.е. с чистым доходом с 1 п. 0,9 коп., 15000 пуд. или 2,3%, остальная часть 97,7% добычи вывозится на Алтай и Семиречье, при чем в Семипалатинске, в 75 верстах от места добычи, 1 пуд продавался по 17-20 к., т.е. аренда 3,3 коп., добыча 0,8 и перевозка до Семипалатинска 5 коп., итого, 9 коп., приносит 9,4 коп. или 103,3% чистой прибыли!

Способ добычи в Карабасе, как и на всех соленых озерах Степного края, в т. ч. на указанном Коряковском озере, был примитивным. Казахи добывали соль непосредственно руками, без всяких приспособлений, а арендаторы получали огромную прибавочную стоимость: 212,5% для озера Карабас и 250% для озера Коряковского.

В целом, ничто так красноречиво не характеризовало переживаемый Западной Сибирью период первоначального накопления, как состояние здесь соленого промысла. Связанный в нем капитал, не улучшая производства, не расширяя его, не удешевляя товар, эксплуатирует труд и население. Соляной промысел, подобно многим другим в Сибири, вероятно, ждет своего варяга – иностранного капитала, который и станет «княжить и владеть» им...

СОЛЬ В ТОПОНИМИКЕ

Соль, будущая важнейшим элементом человеческой жизни в качестве сырья и пищевого продукта, является в топонимике разных языков (названия местностей, рек, озер, гор и т.д.) значимым частотным топоэлементом. Разноязычные слова «соль», „Salz“, „salt“, „sel“, „salis“, „sül“, „sal“, „сіль“, „тоз“ и другие самостоятельно или в сочетании с деривационными элементами участвуют в образовании многочисленных топонимов. Основным толчком для

их употребления в качестве топонима или производящей основы является то, что в протяжении всей истории фундаментом экономики многих австрийских, голландских, итальянских, немецких, русских, швейцарских и других городов и населенных пунктов была добыча, очистка и продажа соли. Этот факт нашел свое непосредственное отражение в семантической структуре многих топонимов: разноязычная и разноструктурная «соль» была составной частью их значения; к топонимам, в которых читаются «соляные» следы, можно отнести значительное количество названий населенных пунктов. Назовем некоторые из них: Halle, Reichenhall, Schwäbisch Hall, (Германия) Hallstatt (Австрия), Сель-де-Бретань (Франция). В список топонимов можно добавить множество названий городков и деревень, в бюджете которых торговля солью была важной статьей дохода. Один из значительных итальянских «соляных» городов Велейя, который сейчас называется Большой Солью – Сальсомаджоре, был расположен непосредственно над подземными солеными источниками. Концентрация соли, которую добывали для пищевых целей в предримские и кельтские времена, в воде этих источников многократно превышала обычные концентрации солей воды Средиземного и Мертвого морей. С 1839 г., с момента открытия целебных свойств воды – это Бальнеогрязевой курорт Сальсомаджоре Терме/ Salsomaggiore terme. Название Сальсо впервые появляется в письменных документах в 877 г. [1]. В России владельцами солеварен были многие крупные монастыри (Новгородский, Соловецкий, Муромский, Кирилло-Белозерский) и соборы (например: Софийский). Главными центрами солеварения были север европейской части сегодняшней России (берега Белого моря и Онежского озера, Вятки, Камы, Печоры), а также Заволжская степь, где из Эльтоского озера и озера Баскунчак добывали соль кочевые племена. На богатство солью, этим жизненно необходимым продуктом Пермской области и Прикамья указывают многочисленные топонимы: Усолка, Усолье, Усолье-Сибирское, Сольцы, Солигалич, Новоусольск, Уктý с (Уктуска, Уктý сска), от названия реки Уктус (тат. тоз,

тус – соль) [2. Т. 3], Соликамск (иСольвычегодск (Соль Вычегодская), Соль Тотемская. С другой стороны, «соленой каторгой» России называли в старину Леденгские, Тотемские, Соликамские промыслы. «Соль варим, а сами в нужде сидим» – это выражение, характеризующее тяжелейший из промыслов, можно было услышать в прошлом и в верховьях Волги и на Каме, на Печоре и на Тотьме [4, с. 25]. Любопытным является прикамское название деревни Несоли в Косинском районе Комипермяцкого округа. Вероятнее всего, оно отражает бедность жителей деревни, неспособность их покупать соль. Топонимы БаняКотовская, Стара-Баня, Баня-Свирская и т.п., встречающиеся в разных районах западных областей Украины, также являются признаком бывших солеварных промыслов, поскольку в семантической структуре слова «баня» в украинском языке отмечается значение «солеварный завод». Кроме того, встречаются многочисленные гидронимы (названия водных ресурсов) и оронимы (названия гор) с компонентом «соль», «туз», «тоз», «тоз»: Солянка (Оренбург обл.), Ащи-Бляк – (ащи – соленый, горький, кислый и бляк булак – родник), Ашисай (горько-соленая), Тузлук – (рассольная) Тоззогул (тозлукуль), тозйылга, тозлуба, тозһозкүл, Гора «Мертвые Соли» (Соль-Илецкий район); Жаксытуз «хорошая соль», Жамантуз «плохая соль» (Казахстан). Некоторые из них характеризуются наличием оценочных значений с позиций хорошо – плохо, соленый – несоленый (также в метафорическом значении). Семантическая структура топонимов способствует экспликации, заложенной в них не только этнолингвистической и этнокультурной, но и коннотативной информации, особенно в тех случаях, когда отдельные компоненты обладают символическими значениями. Этнолингвистическая информация, заложенная в топонимах, может быть выявлена через учет семантических связей в системе топонимов, через репрезентацию национальнокультурной специфики и фоново-коннотативных значений в структуре географического имени собственного [5, с. 173–177]. Заметим, что исторически на добыче соли было основано также процветание кельтских племен, оставивших заметные следы в европейской культуре и в европейских языках. Кельты – группа племен, не

создавшая единой организации и государственных объединений. Эти племена, известные греко-римскому миру в V в. до н.э. (греческое – Keltoi, латинское – Galli), были близки по материальной культуре и по языку. Областью их проживания были территории северо-западнее Альп, Рейна, верховья Дуная, а также территории Испании, Британских островов, Северной Италии, Германии, Чехии, частично Венгрии и Румынии. Отдельные поселения кельтов были в иллирийских и фракийских областях. Кельты не только добывали соль на своей территории, не только «заведовали» солью в Европе, они еще и устраивали соляные экспедиции в поисках солончаков [6]. Несмотря на то, что кельты распадались на множество племен, можно говорить о некоем целостном явлении, выраженном в единстве религиозных традиций, материальной культуры и, отчасти, языка. В некоторых странах местное население было быстро кельтизировано, в других областях кельты смешались с местным населением и создали новую смешанную культуру (такова, например, культура кельто-иберов в Испании). В III в. до н.э. часть кельтов проникла в Малую Азию и поселилась там. Большинство исследователей согласны с тем, что именно кельты создали культуру, которую условно называют Гальштатской (Hallstattkultur), по названию города Гальштат (Хальштатт, Hallstatt), расположенного в труднодоступной альпийской местности Юго-Западной Австрии. Вероятно, процветание города, оставившего Гальштатский могильник, было связано с солью; город этот расположен у больших залежей соли, которые разрабатывались уже в начале железного века. Несомненно, возникновение населенного пункта Hallstatt, давшего обозначение целой эпохе культурного развития, связано с разработкой соляных источников; соляные копи Халльштатта – древнейшие в Европе. Само название Hallstatt, по результатам исследований, содержит значение «соль»: «соляное место» или «соляной город». Сведения о населенном пункте появляются в письменных источниках с 1311 г. С 1595 г. растворенная соль по старейшему в мире трубопроводу доставляется в Эбензе, расположенному на расстоянии 40 км от Халльштатта. В местах добычи соли,

как и в древности, начинали расти торговые города, зачастую они и назывались в честь соли, например, немецкие Галле, Зальцбург, французский Марсель, индийский Лаванпутра, американский Солтвилл, русские Усолье, Соликамск и др. По мере развития добычи, появлялись новые торговые пути, в том числе самой известной «соленой» столицей является австрийский Зальцбург (нем. Salzburg, бав. Soizburg – соляная крепость: Salz – соль, Burg – крепость) – столица одноименной федеральной земли – расположенный на берегах реки Зальцах; был известен не только своей солью, но и горнодобычей и металлургией [12, с. 153–169; 13, с. 202–208]. В окрестных горах были заложены золотые и серебряные шахты, также были найдены месторождения цинка и меди [14, с. 101]. К «соленным» топонимам Австрии, кроме Зальцбурга, можно отнести Salzkammergut – Зальцкаммергут, Salzuferbach – Зальцуфербах (река с солеными берегами), а также название горы Hallstatt. Соль, соляные источники стали основанием для названия крупного немецкого города Halle на реке Заале. Город Галле (Halle), имеющий богатую более 1200-летнюю историю, является одним из крупных городов Германии. Город ведет свою историю с IX в., когда Карл Великий (Karl der Große) основал здесь крепость – одну из цепи защитных сооружений на восточных рубежах Империи франков. Городской статус был пожалован новому поселению в 981 г. императором Оттоном II. [15, с. 17; 16–18]. Само название города Halle впервые упоминается в 806 г. в «Хронике Муассака» (лат. Chronicon Moissiacense) – в раннесредневековых анналах, описывающих историю франков и их государства IV в. по 818 г. как „Halla“ [15, с. 17]. Результаты раскопок в центре города Галле (сегодняшний Hallmarkt – Халлмаркт) свидетельствуют о том, что первые поселения возникли здесь еще до введения нового летоисчисления благодаря удачному расположению солевых месторождений. Соляные источники использовались кельтскими, германскими и славянскими племенами, народностями Hermunduren, Angeln, Warnen, Wenden, которые это место называли Dobreboга, задолго до основания города [17]. По свидетельству письменных памятников, уже в XIII в. в городе

Галле существовали 4 колодца, из которых при помощи насосов откачивали насыщенную солью воду (Solewasser). В действующем музее Залине (Saline-Museum) города Галле один раз в месяц можно наблюдать весь процесс добычи соли. Соль определила судьбу города Галле: огромные доходы от продажи соли отчасти обеспечили экономический рост города. С одной стороны, городу всегда удавалось оставаться благополучным и богатым благодаря этой жизненно необходимой специи; с другой стороны, развитие солеварной промышленности со временем получило логическое продолжение – здесь сосредоточены химические заводы. Добыча и продажа соли определяли экономическую и социальную структуру Галле до XVIII в. То, что город Галле своим экономическим развитием был обязан соли, и что Halle означает „соль“, никаких сомнений и вопросов не вызывало. В лингвистических исследованиях по топонимике было принято считать, что компонент Hal (Hall, Halla, Holl) в названиях населенных пунктов означает «соль». По мнению Фридриха Клуге, Эрнста Шварца, Вальтера Штейнхаузера hal(l), halla, halle германского (или кельтского) происхождения и означает «место, богатое солью»: «Salzhalle, Salzlagerstätte, Stätte der Salzbereitung [19, с. 147–151]. Исследователи нередко связывают ahd. *hal- с греческим hals (соль) и с названием реки Halys (соленая река). Иногда указывают на значение «высохший»: Hallwang (Salzburgerland), Hallein (Salzburgerland), Reichenhall (Oberbayern), Hallstadt (Salzkammergut, Oberösterreich), Hall (in Tirol), Halltal (bei Admont, Steiermark), Hallmoos (St. Johann im Pongau, Salzburgerland). Однако некоторые исследования, появляющиеся в последнее время, пытаются подвергать сомнению происхождение данного значения. К тому же отсутствуют письменные памятники, указывающие именно на значение „соль“. Так, авторы книги “Landschaften in Deutschland” подчеркивают, что интерпретация значения названия города Галле (Halle) (с 806 г. Halle, 1121 г. – Halla, 1308 г. – Hal) дискуссионная с точки зрения развития значения „соль“. По предположению авторов, первоначально старосаксонское (altsächsisch) и двн. (ahd) слово halla означало „von Säulen getragener Vorbau“ как „дом,

сооружение“ для разработки соляных источников, ср. также: ahd halhūs „Salina“, mhd halle „Salzquelle“ (соляной источник), germ. *hal zu indger *sal „Salz (соль)“; нижненемецкий nd. hal „ausgetrocknet, trocken“ (сухой). Кроме того, Hal или Naal в многочисленных немецких диалектах выражают цепь с крючками, при помощи которых на огонь вешали котел. По мнению исследователей, Hal могло означать „крючки (цепь)“ для прикрепления котла с жидким соляным раствором [20, с. 91–92]. В последнее время объектом дискуссии становится не продукт производства (соль), а географическое местоположение самого объекта (die Lage des Ortes an einer steilen Stelle). В качестве доказательства исследователи приводят предполагаемые формы Halle: ing. *kel- /*kol- > ger. *hel-/ *hal „abschüssig, schräg“ (покатый, наклонный) [20, с. 92]. Некоторая часть исследователей склоняется к мнению, что слово Hal(l) имеет германское происхождение и обозначает «склон», «скат», «спуск», «откос», «покатость», «косогор». Это значение Hal(l) присутствует в немецком слове “Halde”: 1) «отлогость», «покатость холма», «откос»; 2) отвал, отсыпь; 3) отвал пустой породы. По мнению ярого сторонника данного подхода Юргена Удольфа, слово “hal(l)” однозначно старогерманского (altgermanisch), а не кельтского происхождения, как это часто утверждается [21, с. 9–10]. А к объяснению факта через кельтский язык, по его «язвительному» выражению, исследователь прибегает в случае, когда у него иссекают научные доводы. Попытки объяснить значение Halle при помощи кельтского, греческого, иллирийского и других языков являются, по его мнению, безуспешными [21, с. 9–11]. Ссылаясь на безрезультатные дискуссии о том, что названия населенных пунктов с компонентом “Халле (Halle, Hall, Hal)” указывают на соль (добыча соли, торговля с солью), а Юрген Удольф выдвигает предположение, что Халле (Halle, Hall, Hal) указывает на особенности поверхностной структуры местности определенной части населенного пункта. Удольф утверждает, что топоним Halle означает не соль, а именно „склон“, „скат“ и т.д. Он полностью отрицает прямую связь между названием города и солью, ее добычей и ее переработкой. По его мнению,

населенный пункт уже назывался Халле задолго до начала добычи соли на данной местности. Поэтому название города с солью ничего общего не имеет [21]. Однако трудно предположить, что обозначения “Abhang“, „Abfälle“, «склон», «отлогость», «покатость холма», «откос»; 2) отвал, отсыпь; 3) отвал пустой породы и др. могли стать без сочетания с другими словами или определенного деривационного процесса названиями населенных пунктов.

Возвращаясь к дискуссии о семантике слова Halle (Hall, Hall), следует подчеркнуть, что, несомненно, слова, отражающие специфические черты рельефа, являются составляющими топонимами огромного количества топонимов. Среди них известные названия горных хребтов, массивов и вершин (Гималаи, Монблан, Килиманджаро, Мтискалта, Мтисдзири, Шуамта, Окроскеди, Клдистави, Клдисубани и др.); грузинские мта- «гора», кеди – «хребет», клде – «скала», тюркские даш, таш – «камень», даг, дау, тау – «гора», дере – «ущелье», ял – «гребень горы» сохранились в названиях, ср.: Алатау («пестрые горы») и Каратау («черные горы») хребты на Тянь-Шане, в Казахстане. Термином алатау обозначали горы, на склонах которых чередовались белые пятна снегов, а каратау – это низкие горные хребты с пустынной, полупустынной и степной растительностью; ср. также Бакыртау гора (тат., баш. мед-тау=медная гора), Кибэнтау, гора (тат. кибэн «стог» Стог-гора), Бахчатау название города, горы (тат, баш. бакча, бакса – тау: Садовая гора), г. Елантау, гора (баш. йылан, тат. елан – тау Змеиная гора), Кэбэн-таш («Стогкамень»). Кизяккувак, «Кизяковый куст». Кызылбулак, (красный родник). Билертуш, поле («Склон подъема»), Карамантуш, Сюмалыташ, (баш. сүмэлэ, тат. чүмэлэ: «Копна- камень). В казахском языке встречаются топонимы Коктобе «зеленый холм», Сарыадыр «желтый бугор». Наиболее часто сочетаются с такими нарицательными именами цветообозначения: «кара», имеющее в казахском языке значения: черный, темный, густой: Караоткель «черный брод», Караунгур «темная пещера», Караагаш «густой лес»; ак «белый»: Шошакпгау «островерхая гора», Колдененсай «поперечный овраг», Сырткыадыр «внешний, потусторонний холм»; Тахиршаксай

«солончаковый овраг». Среди славянских названий можно обнаружить белок, вал, венец, голец, горб, грива, камень, холм, хребет, балка, впадина, долина, лощина, провал, яма, веретье, верх, кряж, обрыв, яр, берег, равнина и др. В Восточной Сибири в ограниченных ареалах сохранились голец («безлесная вершина»), белок («белая от снега вершина»): Широкий Голец, Катунские Белки. Словообразовательные конструкции с приведенными компонентами в качестве названий населенных пунктов встречаются в других языках, ср.: г. Виндхук (столица Намибии, название — значит «ветренный перевал»), г. Нуакшот (столица Мавритании, «ветренное место»), степь Боро-Дала (Монголия, «ветренная долина»), белорусские деревни Затишек и Буявище и др. Как свидетельствуют примеры, слова «склон», «скат», «спуск», «откос», соответствующие названному Удольфом значению Halle, характеризующие поверхностную структуру земли, в качестве самостоятельного названия населенного пункта в наших примерах не встречаются (во всяком случае, в нами анализированных языках). Поэтому очень трудно предположить, даже гипотетически, наличие названий населенных пунктов как «склон», «скат», «спуск», «откос», «покатость», «косогор». На этом месте следует заметить, что некоторые исследователи топонимики Башкортостана без какой-либо ссылки на письменные источники (их, видимо, нет) считают, что топоним Уфа, предположительно, восходит к древнетюркскому «уба» (холм, курган, гористая местность). Что касается топонима Halle, на наш взгляд, можно предположить существование омонимов, восходящих в одном случае к кельтскому слову со значением «соль», а в другом – общегерманскому с двумя значениями: Abhang, Schräge, “Halde” („склон“, «откос») hall-hart-au = Hang-Wald-Au. Hallwang hall (Abhang), wang (Wiesenang) у Зальцбурга, 2) Saline «солевые источники», «соль»: Reichenhall (696 г.), Schwäbisch Hall (11. Jh.), Hall bei Admont, Bad Hall in Oberösterreich, (1140 г.), Hallein (1190 г.), Hall in Tirol (1232 г.), Hallstatt (1311 г.). Кроме того, существует нарицательное существительное die Halle со значениями 1) зал, 2) павильон, пассаж, крытый рынок; 3) гараж; 4) крытый перрон; 5) ангар, элинг; 6) цех. Также слово Hall

существует в нескольких омонимических вариантах 1) der Hall (звук, отзвук); 2) das Hall (Халль, Галль – названия в Австрии); 3) das Hall (англ. холл, приемный зал, зал заседаний). У слов Hal, Naal очень активно и частотно реализуются значения „eine vom Rauchfang herunter hängende Kette oder Stange mit Haken, an welchem der Kochkessel über dem Feuer hängt“; „drehbarer Balkenarm, an dem Kessel hängen“. Естественно, эти приспособления могли применяться при испарении солевых растворов. Кроме того, нарицательное существительное Halle, Hall в любом значении потенциально могло перейти в разряд собственных имен. Не исключена и семантическая деривация „Hall“, „Abhang“ «склон», «откос», „Hall“ „Saline“, «солеварня», так как горная добыча в средние века по техническим причинам была возможна только на склонах горы [21]. Книга Лейпцигского исследователя Удольфа (Udolph), лишившая Галле кусочка истории, взволновала, взбудоражила общественность. Жители Галле в различных публикациях СМИ выражают свое сомнение, что название города Галле не имеет никакого отношения к добыче соли, вообще к соли. В крупнейшем городе федеральной земли Саксонии-Ангальт до сих пор были уверены в том, что индогерманское слово Hall означает „соль“. Спорным является, по мнению Удольфа, что история и название города связаны с добычей, переработкой соли. Соленые источники (залины) находились не в центре города, а вокруг Гибихенштейн (Giebichenstein als civitas mit Salzquelle). Об этом свидетельствует грамота от 29.07.961 короля Отто I – Отто Великого (Otto des Großen): „Gibikonstein cum salina sua.“ По мнению многих специалистов, эта теория не нова: она, по сути, не меняет историю солевого города Галле. В историю города можно добавить и новую версию, хотя и сомнение в утверждении Удольфа никуда не исчезает. Как пишет Локке Штефан в газетной статье «Halle (Saale) Kein Salz im Namen» (Frankfurter Allgemeine Zeitung, 10.10.2014), наука должна работать или над доказательством, или опровержением [22]. Богатую «солевую» историю имеют южнонемецкие населенные пункты Reichenhall (год основания 696 г.), Schwäbisch Hall (11 век), Hall у Admont (около 1100 г.), Bad Hall в Верхней

Австрии (1140 г.), Hallein (1190 г.), Hall в Тироле (1232 г.), Hallstatt (1311 г.) и некоторые другие, связанные со значением «соль» Hall (Saline), с местом производства соли (Saline, Salzerzeugungsstätte). Благодаря баварскому этногенезу Эльбскими германцами значение «соль» могло попасть на юг Германии. Reichenhall является старейшей солеварней на территории южной Германии, а Hall в названии населенного пункта старейшим упоминанием, а все другие употребления появились после Reichenhall. Сегодняшний город «Bad Reichenhall» римляне называли “ad salinas”, также “hala”, “hall”; позже появились названия “Großhalle”, “Bayerhalle” [23]. Город Reichenhall на реке Saalach в латенское время (450–15 гг. до нашей эры) был кельтским культовым центром. Кельты обладали развитым методом добычи соли, а римляне форсировали производство соли и превратили ad salinas в высокопроизводительный центр добычи соли в районе Альп (графство Hallgrafschaft und город Hal). За пределами Баварии в 12 веке имело хождение название bayerisches Hall (“Paierhalle”). С 14 века Hall начал употребляться с компонентом “reich”, который указывал на то, что и баварский Халл богат солью: (“das reiche Hall” – Reichenhall; “da, wo es reich an Salz ist”). Об этом свидетельствует и надпись в виде сердца, установленная на насосе старой солеварни имени Карла Теодора “Reich an Salz” [24–26; 27, с. 145, 159]. Hallein (Халлайн) – австрийский город, расположенный в федеральной земле Зальцбург, в Тенненгау, примерно в 15 км к югу от Зальцбурга. Солевые источники в районе современного Халлайна, вероятно, начали разрабатываться примерно в начале VII-го в. до н.э. К 600 г. до н.э. торговать солью начали кельты, заселявшие эти земли. В XI в. добыча соли в Халлайне стала решающим фактором экономического благосостояния Зальцбурга. Заметим, что и название города и одноименной земли Зальцбург (Salzburg) содержит в своем значении «соль» (Salz), а его синонимичные названия «Hallinum, Hällein, Hallein», который до 1210 г. назывался Мюльбах (Mühlbach), обладают уменьшительным значением и означают «маленький Хал», ср. “kleines Hall” в противоположность Reichenhall «большой» (“maior”

groß), ср.: “salina minor [Hallein], salina maior que Halle dicitur (Reichenhall). Возможно, это название обладало и ласкательным значением, ср.: “nostra salina” – “unsere Saline” [28, с. 67–69]. Hall in Tirol – город в десяти километрах от Инсбрука, связан с соляными источниками, соледобычей, переработкой солевых растворов (Saline, das Salzbergwerk im Halltal). Транспортировка соли осуществлялась по так называемому соленому пути (die Salzstraße). Название города связано также с «местом добычи соли» (“Ort der Salzsieder”). Герб города указывает также на традиции «города на соли» (Salzstadt): «Das Stadtwappen zeigt zwei goldene Löwen auf rotem Grund mit einem Salzfass in der Mitte» [29, с. 56]. Кроме того, недалеко от города находятся горы, богатые солевыми месторождениями (das Salinar der Salzlagerstätte): Halltalbach, Das Halltal – название небольшой северной части Альп. Hallau (до 1934 г. Unterhallau) (Schweiz), Oberhallau (Schweiz), название общины Швейцарии, впервые упоминается в 1064 г., состоит из слов Hal «Salzquelle» (солевые источники) и «-au» ouwa «Land am Wasser». Сегодня местность Hallau относится к известным виноградным регионам Швейцарии. Halle (Weserbergland) около Боденвердера (Bodenwerder) – деревня между реками Ith и Vogler, в исторических грамотах упомянута в 997 г. Название местности восходит к германскому Hall (соль= Salz) связано с солевыми источниками. Австрийский топоним «Solbad Hall» является тавтологическим, поскольку Sol и Hall имеют значение „соль“. «Соляные следы» обнаруживаются в топонимах с основой Salz (Salz, Saltz, Salcio, Salzaa) – соль: Salzburg, Salzach, Salzkammergut, Salzderhelden, Salzkotten, Salzgitter, Salzbergen, Salzwedel, Salzdetfurth, Salzingen, Salzelmen, Salzhemmendorf. Имеются и диалектные варианты как Sulz, Sulza, Sulzberg, Sulzbach. Кроме того, с учетом результатов передвижений согласных можно констатировать синонимичные отношения между Saale и Saar. Слово Sulz (староверхненемецкое – althochdeutsch) sulza (sulze) в значении «соленая вода» участвует в образовании наименований многочисленных населенных пунктов; только в небольшой части Австрии и Баварии было обнаружено более 15 топонимов Sulzbach: Sulzbach-Rosenberg

(Oberpfalz), Sulzbach на Инне (Niederbayern), Sulzbach на Дунае (Oberpfalz), Sulzbach (Oberbayern), Sulzemoos (Oberbayern), Sulzbach (Niederösterreich), Sulzbach (Gemeinde Lunze, Niederösterreich). Sulzbach (Ortsteil von Oberndorf), Sulzbach (Bad Ischl). Sulzbach (Gemeinde Münzbach, Oberösterreich), Sulzbach (Gemeinde Maria Neustift, Oberösterreich). Sulzbach (Ortschaft von Pichl, Oberösterreich), Sulzbach (Gemeinde Reichraming, Oberösterreich), Sulzbach (Ortsteil von Fusch an der Glocknerstraße, Land Salzburg), Sulzbach (Gemeinde Gams, Steiermark), Sulzbach (Gemeinde Stainz, Steiermark). Многие «залины» служили одновременно и лечебницами, поэтому слова Bad, Heil, Heilbäder косвенно указывают на наличие и добычу соли, ср.: Heilbronn, Bad Salzhausen, Bad Salzuflen, Bad Salzungen, Bad Sulza, Bad Dürrenberg, Bad Dürnklein, Bad Kreuznach, Bad Dobern, Bad Reichenhall, Bad Kissingen, Bad Fridrichshall, Bad Dürnheim и другие [30]. К новейшему «соленому» топониму относится название необычной искусственной горы близ маленького городка Heringer на востоке федеральной земли Гессен «Монте Кали» (Monte Kali). На самом деле это не гора, а отвал хлорида натрия, или обыкновенной поваренной соли – побочного продукта от добычи поташа – окиси калия, накопленный в течение последних ста лет. Местные жители в шутку называют эту гору «Калиманджаро». Попутно заметим, что в немецком языке имеется значительное количество, широко распространенных в Германии, Австрии и Швейцарии имен, фамилий с компонентом Salz: Salzen, Salz, Sältzer, Selzer, Seltzer, Salzer, Salzmann, Saltzman, Sulzmann, Karl Salz, Werner Karl Friedrich Salz; Mary Elizabeth Burke-Salz, Fieda Salz, Salzov`A, Salzen, Hall, Häll, Höller; эпонимическое сочетание “Saltzmanns Reagenz” [31]. Сравни также имена и фамилии в русском языке: Солянов, Соляной, Солонинин, Солоницын, Солонцов, Солеваров, Солобоев, Солеварцев и т.д. Многие дискуссии по поводу значения слова Halle часто завершаются тем, что в Бельгии, Австрии, Голландии, Германии, в Северной Франции и других странах Европы можно обнаружить значительное количество названий населенных пунктов Halle или с компонентом Hal(l), не имеющих никакого отношения к соли; самая

многочисленная группа находится около Вестфалии, в северной части Германии и в области восточных Альп. Назовем некоторые из них: Halle в Вестфалии (Westfalen), в Зауерланде (Sauerland), в Эмсланде (Emsland), у Антверпена (Antwerpen), у Брюсселя (Brüssel), у Штейнмюленбринка (Steinmühlenbrink) (более 15 названий Halle) и т.д. С помощью таких примеров исследователи утверждают, что hal восходит к более древнему индогерманскому корню со значением Abhang, Böschung, Gefälle, Halde Schräge или neigen [ср. August Friedrich Pott]. Так, в интерпретации названия города Halle (Westfalen) исследователи видят тесную связь между географическим положением (mit dem Gefälle des Stadtgebietes vom Kamm des Teutoburger Walds) [32–34]. Так, австрийский топоним с компонентом Hall Hallwang (Австрия) в 1000 г. известен как Locus Haldinwanc, состоит из компонентов Halde (Hang) и Wang (Flur). Халлвиль Hallwill (Schweiz), первое упоминание 1167 г. Hallinwilari со значением “Hofsiedlung des Hallo”. Die Hallertau „Hollédau“ (Бавария), композит из двн. слов „Hardt“ (=Wald) und „hall“, „helan“ (=verbergen, hehlen), „Hal hart“, also einem Wald, der sein Inneres verbirgt, ein wilder Urwald, «древний лес»; ср. также: Haller (название небольшой деревни) и Hollerthaw [35]. Hallertau в Баварии является самой большой закрытой областью возделывания сильно ароматного сорта немецкого хмеля (хмеля Халлертау) в мире [36–38]. С другой стороны, есть названия населенных пунктов, расположенных на залежах соли, в структуре которых отсутствуют компоненты «соль», “Hal”. Большие залежи (каменной) соли находятся в Австрии и в Германии в горах Бертесгадена (Berchtesgadens Bergen), а также около городов Меркерс (Merkers/ Thüringерайона, населенного пункта. Издано огромное количество книг по топонимам, имеется издательство по региональной истории (Verlag für Regionalgeschichte). В качестве примера назовем исследования по некоторым населенным пунктам Нижней Саксонии [42–46]. В заключение отметим, что общим для этих топонимов является то, что добыча (наличие) соли является мотивировочным признаком данного ряда топонимов, который доминирует, определяет мотив

выбора названия и объясняет причину возникновения топонима. Но эти признаки повторяются в различных странах: в Германии, в Австрии, в Швейцарии, в России и т.д. Несмотря на широкое распространение «соль» не относится к универсальным топонимам, отражающим понятия духовной культуры. Но при этом следует подчеркнуть, что процессы, протекающие в семантической структуре слова, носят, по-видимому, универсальный характер, хотя и обладают определенной спецификой. Специфика процессов, протекающих в семантической структуре топонима, обусловлена специфическим набором сем (начальная часть сложных слов, вносящая значение слов) в сравнении со структурой значения имени нарицательного или другого *онима* (слово, словосочетание или предложение, которое служит для выделения именуемого им объекта среди других объектов, его индивидуализации и идентификации), ср.: Уктус (Уктуска, Уктусска) – река в Екатеринбурге, в прошлом, Уктус – поселок (тат. тоз, тус – соль), холм Тузтюбя («соленая» вершина), холм Актюба «белая вершина».

Литература

1. Соль земли. – История соли. Из Венеции в Геную с ветчиной на полпути // URL: www.salz.ru/gl6.html (дата обращения: 22.12.2017).
2. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. I–IV / пер. с нем. О. Н. Трубачева, с доп / под ред. и предис. проф. Б. А. Ларина. 1-е изд. (русская яз.). М., 1964–1973; 2-е изд.: М., 1986–1987 // URL: <https://vasmer.lexicography.online> (дата обращения 12.10.2017).
3. Гатауллин Р. Г. Новые существительные с суффиксом – от личных имен в современном немецком языке // Вестник Башкирского университета. 2015. Т. 20, №2. С. 520–527.
4. Подюков И. А. Лексика прикамского солеварения как объект лексикографии // Вестник Пермского университета, 2010. Вып. 2(8), С. 25–30.
5. Федорова В. Н., Тархова А. Б. Структурные, семантические и мотивационные особенности цветообозначений на базе этнонимов и топонимов в английском языке // Известия Самарского научного центра Российской АН, Т. 17. №1. 2015. С. 173–177.
6. Spindler K. Die frühen Kelten. Reclam, Stuttgart, Ditzingen 1996. 448 s.
7. Meineke E., Stöllner Th., Udolph Jü. Hallstatt // Reallexikon der Germanischen Altertumskunde (RGA). Band 13, Walter de Gruyter, Berlin / New York, 1999. С. 432–446.
8. Stöllner Th. Hallstattkultur und Hallstattzeit // Reallexikon der Germanischen Altertumskunde (RGA). Band 13, Walter de Gruyter, Berlin / New York, 1999. С. 446–453.
9. Konstam A. Die Kelten: Von der Hallstatt-Kultur bis zur Gegenwart. Verlag Tosa, 2005. 192 Seiten.
10. Мурадова А. Р. Кельты анфас и в профиль. М.: изд-во Ломоносов, М.: 2010. 256 с. URL: http://historylib.org/historybooks/Anna-Muradova_Kelty-anfas-i-v-profil/ (дата обращения 11.08.2017).
11. Müller Rosemarie: Latènekultur und Latènezeit // Reallexikon der Germanischen Altertumskunde (RGA). Band 18, Walter de Gruyter, Berlin / New York, 2001. С. 118–124.
12. Seefeldner Erich: Die Entstehung der Salzachöfen / MGSLK 91, 1951. С. 153–169.
13. Seefeldner Erich: Entstehung und Alter der Salzburger Ebene, in: MGSLK 94, 1954. S. 202–208.
14. Seefeldner Erich, Salzburg und seine Landschaften, eine geographische Landeskunde. MGSL Mitteilungen der Gesellschaft für Salzburger Landeskunde, 1961. 101 с.

15. Mrusek Hans-Joachim: Halle/Saale. Seemann, Leipzig 2., verb. Aufl., 1964. 17 s.
16. Zöller Silvia (Red.): Unser Stadtjubiläum – 1200 Jahre Halle an der Saale. Buch und DVD, Halle, 2007.
17. Zaunstück Holger: Halle zwischen 806 und 2006. Forschungen zur hallischen Stadtgeschichte. Mitteldeutscher Verlag, Halle 2001. 250 c.
18. Freitag Werner / Tullner, Mathias: Halle 806 bis 1806. Salz, Residenz und Universität/Halle 1806 bis 2008. Industriezentrum, Regierungssitz, Bezirksstadt. Mitteldeutscher Verlag, Halle, 2006.
19. Steinhauser Walter: Was war das „Hall“?, in: Mitteilungen der Gesellschaft für Salzburgische Landeskunde, 92. 1952. S. 147–151.
20. Villwock Gerd / Porada, Haik Thomas (Hrsg.): Landschaften in Deutschland. Werte der deutschen Heimat. Das untere Saaletal. Eine landeskundliche Bestandsaufnahme zwischen Halle und Bernburg. Böhlau Verlag Köln Weimar Wien 2016. 394 Seiten.
21. Udolph Jürgen: Die Ortsnamen Hall, Halle, Hallein, Hallstatt und das Salz, Bielefeld 2014. 144 c.
22. Locke Stephan: Halle (Saale) Kein Salz im Namen // Frankfurter Allgemeine Zeitung, 10.10.2014.
23. Reitzenstein: Altbayern = Reitzenstein, Wolf-Armin Freiherr von: Lexikon bayerischer Ortsnamen. Herkunft und Bedeutung. Oberbayern, Niederbayern, Oberpfalz. München, 2006. 350 c.
24. Hirsch Andreas: Der Mythos von „Reich an Salz“, Reichenhaller Tagblatt, 2. Mai 2015 und Textgestaltung des Artikels.
25. Ortsnamen mit Hal. // URL: [www.salzburg.com/wiki/...](http://www.salzburg.com/wiki/) (дата обращения 14.03.2017).
26. URL: www.heimatkundeverein-reichenhall.de/ (дата обращения 23.11.2017).
27. Lang Johannes: Geschichte von Bad Reichenhall, 2009. 145, 159 s..
28. Koller Fritz: Hallein im frühen und hohen Mittelalter // Mitteilungen der Gesellschaft für die Salzburger Landeskunde, MGSL H.116. Salzburg 1976. S. 67–69.
29. Günter W.: Die Saline Hall i. Tirol – 700 Jahre Tiroler Salz 1272–1967. In: Leobener Grüne Hefte 132, 1972.
30. Blume W. Bildungsserver: Alles um das Kochsalz / URL: www.chemieunterricht.de/dc2/nacl/salz-salzorte.htm (дата обращения 14.03.2016).
31. Ziller Leopold: Die Salzburger Familiennamen: ihre Entstehung, Herkunft und Bedeutung / MGSLK, Ergänzungsband 11, 1986. 263 c.
32. Pott August Friedrich: Die Personennamen. Taschenbuch. Nabu Press, 2010. 908 c.
33. Pott August Friedrich: Die Personennamen: insbesondere die Familiennamen und ihre Entstehungsarten; auch unter Berücksichtigung der Ortsnamen. Brockhaus Leipzig 1967. 221 c.
34. Schleiden Matthias Jacob: Salz: seine Geschichte, seine Symbolik und seine Bedeutung im Menschenleben. Eine monographische Skizze. SERVUS Verlag 2012. 296 Seiten.
35. Peter M. Busler: Die Hallertau: Porträt einer urbayerischen Landschaft. Pfaffenhofen, 1990.
36. Vogel Dieter (Hrsg.): Die Hallertau. Heimatbuch. Verlag Kiebitz-Buch, Vilsbiburg, 1998.
37. Graf Anton: Die Hallertau und ihr Hopfenbau: eine volkskundliche und wirtschaftliche Untersuchung. München, 1975.
38. Kettner Lorenz: Hallertauer Hopfenbau. Pinsker-Verlag, Mainburg, 1976
39. Liste der Salinen // URL: wikipedia.org/wiki/ (дата обращения 07.07.2016).
40. Emons Hans-Heinz / Walter, Hans-Henning: „Alte Salinen in Mitteleuropa: zur Geschichte der Siedesalzerzeugung vom Mittelalter bis zur Gegenwart“. Leipzig: Deutscher Verlag für Grundstoffindustrie, 1988. 200 s.
41. Города Германии – Люнебург. Туристический портал. URL: [warps.ru/Германия/Город/ Люнебург](http://warps.ru/Германия/Город/Люнебург) (дата обращения: 23.04.2017).
42. Die Ortsnamen des Landkreises Göttingen. Niedersächsisches Ortsnamenbuch Teil 4, 2003.
43. Die Ortsnamen des Landkreises Osterode. Niedersächsisches Ortsnamenbuch Teil 2, 2000.
44. Die Ortsnamen des Landkreises Osterode. Niedersächsisches Ortsnamenbuch Teil 3, 2001.
45. Die Ortsnamen des Landkreises und der Stadt Hannover. Niedersächsisches Ortsnamenbuch Teil 1, 1998. 46. Dopsch, Heinz: Das Zeugnis der Ortsnamen, in: Heimat mit Geschichte und Zukunft, EuRegio Salzburg-Berchtesgadener Land – Traunstein 2004. S.-23–30.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

ВОПРОСЫ К УЧЕБНОМУ ПОСОБИЮ

Вопросы нейтрального характера.

Дайте определение понятий «соляной промысел, соляное дело, соледобыча».

Перечислите виды (типы, приемы добычи соли).

Опишите методы изучения добычи соли.

Дайте характеристику особенностей добычи соли на юге Западной Сибири.

Как называется исключительное право государства на доход от добывания или продажи соли?

Каково назначение соляной монополии?

Вопросы активизирующего характера:

Обоснуйте необходимость (актуальность, роль, место, значение) изучения добычи соли по историческим, этнографическим и археологическим источникам.

В чем заключается сущность способа добычи «самосадочной» соли на юге Западной Сибири?

Чем вызвана необходимость развития промысла соли в Западной Сибири в XVI-XVIII вв.?

От чего зависит появление «самосадочной» соли-бузы в озерах юга Западной Сибири и Казахстана?

Оцените надежность и безопасность водного и сухопутного способов доставки «самосадочной» соли на юге Западной Сибири в XVI-XVIII вв.?

В чем заключается значение «соляных» дорог ?

Вопросы, характеризующие состав, структуру, отличительные особенности:

Укажите общий состав инструментов для добычи соли?

Укажите состав инструментов для добычи каменной соли?

Укажите общий состав инструментов для добычи соли из рассолов?

Укажите общий состав инструментов для добычи «саомсадочной» соли?

Выделите составные элементы «соляной» топонимики?

Объясните, в чем разница между добычей каменной соли, соли из рассолов и «самосадочной» соли?

Каковы существенные особенности добычи «самосадочной» соли на юге Западной Сибири?

Чем отличается «соляная» дорога от других путей сообщения?

Вопросы практического характера.

Приведите пример соляной топонимики в Новосибирской, Томской, Омской, Кемеровской и Тюменской областях.

Составьте перечень гидронимов юга Западной Сибири.

Сравните особенности соляного промысла Западной Сибири и Прикарпатья.

В чем причины соляных кризисов в Западной Сибири?

Приведите примеры «соляных» дорог в Евразии.

Контрольные вопросы

Что было исходным материалом (каменная соль, солёная вода, иные источники), из которого получали соль на юге Западной Сибири?

Какого типа была добыча соли и насколько развитым был её технический уровень на юге Западной Сибири (в древности, в XVIII, XIX, XX столетиях)?

Подвергалась ли добытая соль на юге Западной Сибири дополнительной обработке?

Какие артефакты могут быть связаны с производством соли?

Как выглядел конечный продукт соледобычи?

Какие артефакты связаны с транспортировкой соли?

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Пословицы, поговорки и загадки о соли

На Востоке существует понятие "соглашение соли". При его заключении стороны вместе принимали пищу в знак того, что будут свято соблюдать условия соглашения. Так же чтобы узнать человека, должно пройти некоторое время. В таких случаях говорят, что с ним «нужно съесть пуд соли». Это считается залогом крепкой дружбы. В приложении к хрестоматии приведены некоторые пословицы о соли. Сгруппируйте приведенные пословицы о соли (по их номерам) в соответствии со следующими тематиками: (а) «соль в общении», (б) «соль в гостеприимстве», (в) «о человеке и его жизни», (г) «соль в экономических и производственных отношениях», (д) «соль и кухня».

1. Без соли, что без воли: жизнь не проживешь
2. В людях форсит, а дома без соли сидит

3. В людях чванится, а дома соли нет
4. В людях чванится, а дома соли нет.
5. Всем угодишь — себе насолишь
6. Если ты горек – будь как соль, если ты сладок – будь как мед.
7. Женщина без стыдливости, что пища без соли
8. Жизнь, что соленая вода: чем больше пьешь, тем больше жажда
9. За хлебом-солью каждая шутка хороша
10. За хлеб-соль не платят, кроме спасибо
11. Изведен друг, коль соли вместе съевши
12. Камзолы зеленые, а щи не солены.
13. Ленъ добра не делает, без соли обедает
14. Ленъ и щи без соли хлебает
15. Лишняя соль портит пищу, лишнее слово – речь
16. На хлебе, на соли, да на добром слове
17. Надо пуд соли вместе съесть, чтобы друга узнать
18. Не солоно хлебавши
19. Недосол на столе, пересол на голове
20. От хлеба-соли и царь не отказывается.
21. Пища вкусна солью, человек приятен речью
22. После хлеба-соли обед сном золотят
23. Пуд соли вместе съесть
24. Разговоры большие, а хлеб-соль маленькие.
25. Русский человек хлеб-соль водит
26. Сердись, бранись, дерись, а за хлебом-солью сходишь.
27. Сколько ни думай, а лучше хлеба-соли не придумаешь.
28. Соли нет, так и слова нет
29. Солью сыт не будешь; дуемою горя не размыкаешь.
30. Спасибо тому, кто поит и кормит, и вдвое тому, кто хлеб-соль помнит
31. Старая хлеб-соль не забывается

32. Хлеб да соль – всему голова.
33. Хлеб за солью не ходит
34. Хлеб соль есть, да не про вашу честь.
35. Хлеб соль ешь, а правду режь.
36. Хлеб-соль — заемное дело
37. Хлеб-соль — отплатное дело
38. Хлеб-соль дружбу водит, а ссору выводит
39. От хлеба-соли не отказываются
40. На хлебе, на соли, да на добром слове

Образец ответа:

а. (№.№, ...); б. (№.№, ...); в. (№.№, ...); г. (№.№, ...); д. (№.№, ...).

Загадки про соль

Кроме многочисленных пословиц известно несколько загадок о соли. Проанализируйте какие образы используются при характеристике соли, (с кем и чем она сравнивается), как в загадках отражены основные (ценностные и потребительские) особенности этого минерала.

В воде родится, а воды боится.

(ответ: *соль*)

В земле родится,

На солнце вырастает,

В воде умирает.

(ответ: *соль*)

Родился в воде, растёт на огне,
мать увядает, опять умирает.

(ответ: *соль*)

Белый камень из горы
Всегда стоит на столе.
Кто его не ест,
Тот вкуса не знает.

(ответ: *соль*)

В воде родилась,
В огне крестилась.
На воду пала и пропала.

(ответ: *соль*)

Что в избе за белая Марья?

(ответ: *соль*)

Меня одну не едят,
а без меня мало едят.

(ответ: *соль*)

Отдельно - я не так вкусна,

Но в пище - каждому нужна.

(ответ: *соль*)

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Библиография о соли и соляном производстве

Букейханов А. Соляная монополия в Западной Сибири // Сибирские вопросы – 1908 - № 26 – С. 35-38.

Васильев В.Н. По спорной земле // Природа и люди – 1912 - № 27 – С. 401-405; № 28 – С.432-435.

Васьков Д.А. Первые русские экспедиции к соленому озеру Ямыш (первая четверть XVII в.) // Вестник Омского университета. Серия Исторические науки. 2019. № 1 (21). С. 53–60.

Васьков Д.А. Соледобыча в Западной Сибири в XVII–XVIII вв. // Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Екатеринбург: 2020, Изд-во УМЦ УПИ, С. 77-85.

Введенский А.А. Дом Строгановых в XVI–XVII вв. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1962. 308 с.

Введенский Р.М. Соляная регалия и утверждение вольной продажи соли в России // История СССР. – 1986. - №1 – С. 171-181.

Вилков О.Н. Очерки социально-экономического развития Сибири конца XVI – начала XVIII в. Новосибирск: Наука, 1990. 368 с.

Гатауллин Р. Г., Фатыхова Л. А. «Соленые топонимы» и их особенности // Вестник Башкирского университета. 2018. Т. 23. №2 -С. 543-550.

Гефке Н.А. История соляного дела в Западной Сибири в трудах Г.Ф. Миллера и его последователей в XVIII в. // Вестник РУДН. Серия История России. 2014. № 1. С. 5–16.

Каврук В., Георгие С. Олово и соль в Карпатском бассейне в эпоху бронзы (часть первая) // REVISTA ARHEOLOGICĂ, 2011 № 1-2 – р. 5-46.

Каврук В., Георгие С. Олово и соль в Карпатском бассейне в эпоху бронзы (часть вторая) // REVISTA ARHEOLOGICĂ, 2012 – р. 16 -38.

Каменецкий И. П., Резун Д. Я. Озеро Ямыш как зона политического и хозяйственного взаимодействия народов в XVII в. // Гуманитарные науки в Сибири. – 2010. – № 2. – С. 32–35.

Л.К. Очерки сибирской жизни // Сибирские вопросы. – 1909. - № 44 С. 18-15.

Мур-ский П. Зачем мы ищем // Сибирские вопросы. – 1909 - № 45. – С. 35-37.

Паллас П.С. Путешествие по разным местам Российского государства по велению Санкт-Петербургской императорской Академии наук. 1770 г. СПб., 1786. Ч. 2. Кн. 1, 2.

Паскаль П. Протопоп Аввакум и начало Раскола / пер. с фр. С.С. Толстого; науч. ред. перевода Е.М. Юхименко. 2-е изд., испр. М.: Языки славянской культуры, 2016. 680 с.

З. К вопросу о соляной монополии // Сибирские вопросы – 1908 -№ 31/32. – С. 76-78.

Burchard H. Z badan nad poczatkami ek sploatacji w Polsce // Sprawozdania archeologiczne T. IV, Wroclaw, 1957 – s.179-186.

Burchard H. Z Eksploatacji soli w Polsce do XIII wieku // Slawia Antoiqua T/ VI (1957-1959), Warszaw-Poznan, 1959 – s.396-412.

Jodłowski A., Problem eksploatacji soli w okolicach Krakowa w starożytności i we wczesnym średniowieczu, „Archeologia Polski”, t. XIV, Wrocław–Warszawa–Kraków, 1969, s. 137–165.

Jodłowski A., Z metodyki badań archeologicznych nad produkcją soli na ziemiach polskich do połowy XII wieku (w:) Kwartalnik Historii Kultury Materialnej, T. 20, N. 4, 1972, s. 611-621.

Jodłowski A., Technika produkcji soli na terenie Europy w pradziejach i we wczesnym średniowieczu, „Studia i Materiały do Dziejów Żup Solnych w Polsce”, t. V, Wieliczka, 1976, s. 1–257.

Интернет-ресурсы

Города Германии – Люнебург. Туристический портал. URL: [warps.ru/Германия/город/ Люнебург](http://warps.ru/Германия/город/Люнебург) (дата обращения: 23.04.2017).

Ortsnamen mit Hal. // URL: [www.salzburg.com/wiki/...](http://www.salzburg.com/wiki/) (дата обращения 14.03.2017).

URL: www.heimatkundeverein-reichenhall.de/ (дата обращения 23.11.2017).

Соль земли. – История соли. Из Венеции в Геную с ветчиной на полпути // URL: www.salz.ru/gl6.html (дата обращения: 22.12.2017).

Kettner Lorenz: Hallertauer Hopfenbau. Pinsker-Verlag, Mainburg, 197639. Liste der Salinen // URL: wikipedia.org/wiki/ (дата обращения 07.07.2016).

http://www.ermak.su/pogovorki/_pos_i_pog.htm

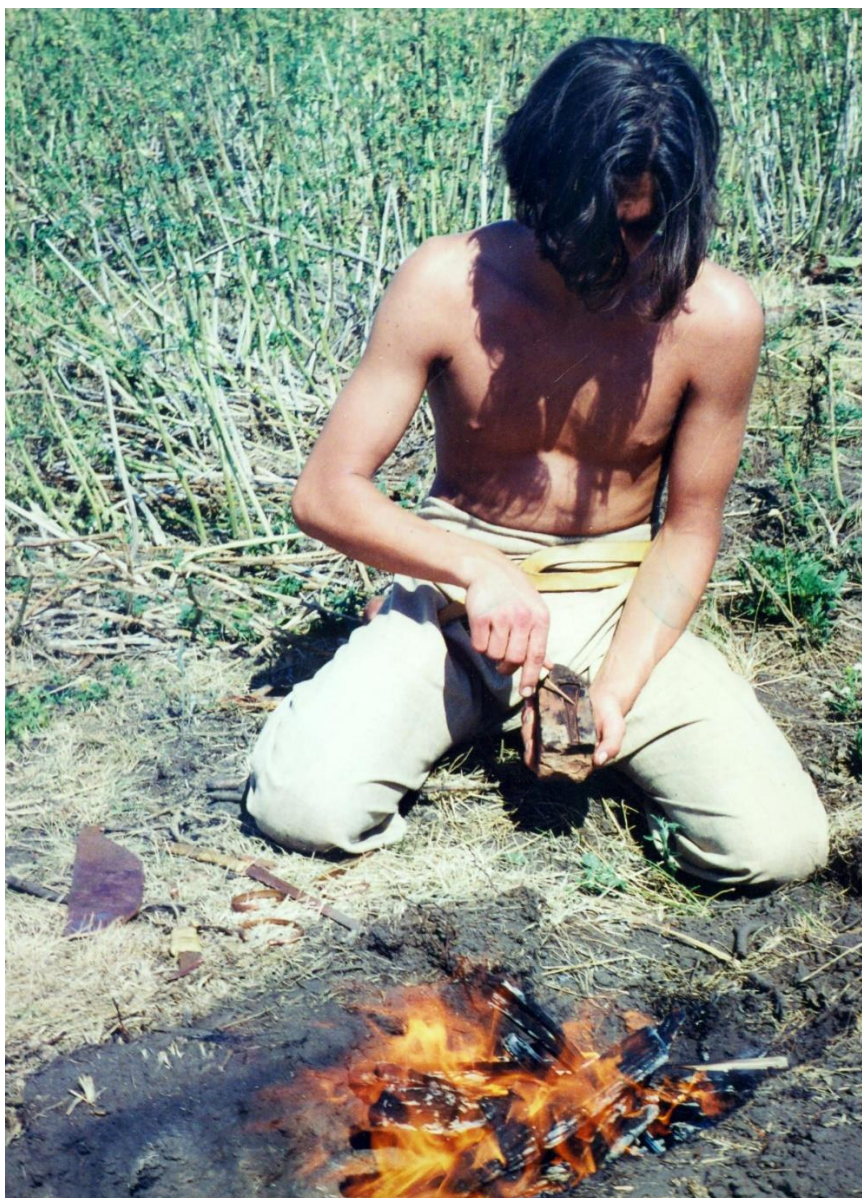
<https://fb.ru/article/286369/luchshie-poslovitsyi-pro-sol>

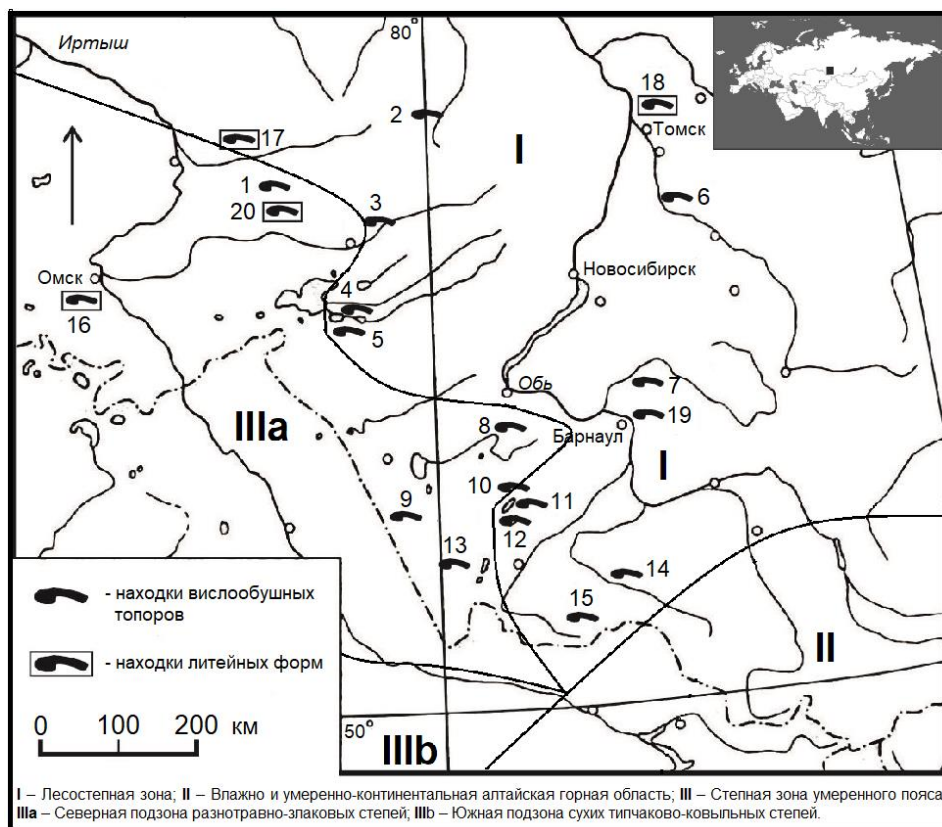
Илл. 1 Самосадочная соль на озерах

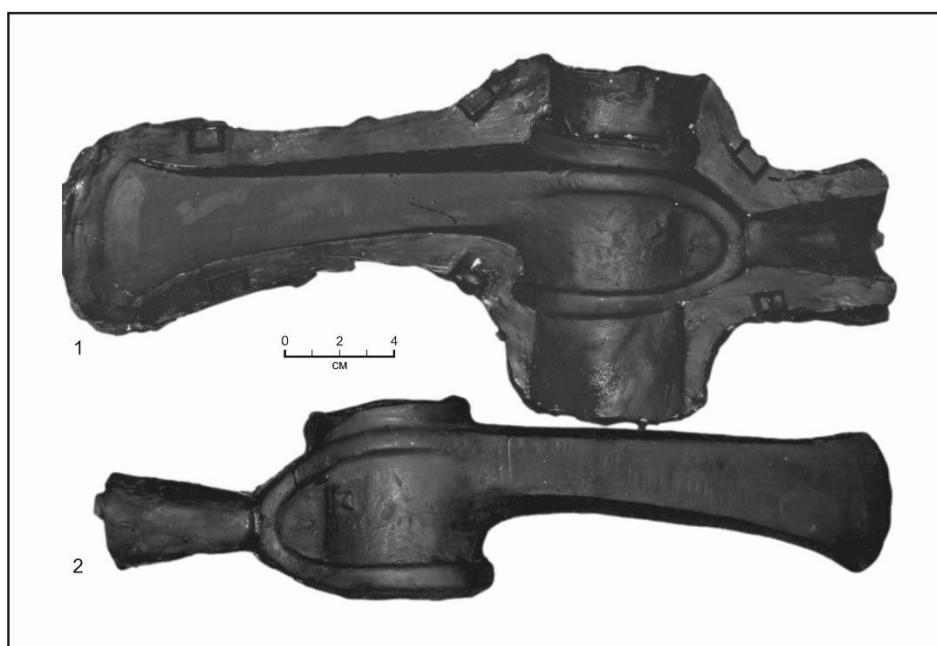
Илл. 2 Соль важный и ценный продукт в рационе

Илл. 3 Натурная реконструкция работы древнего литейщика

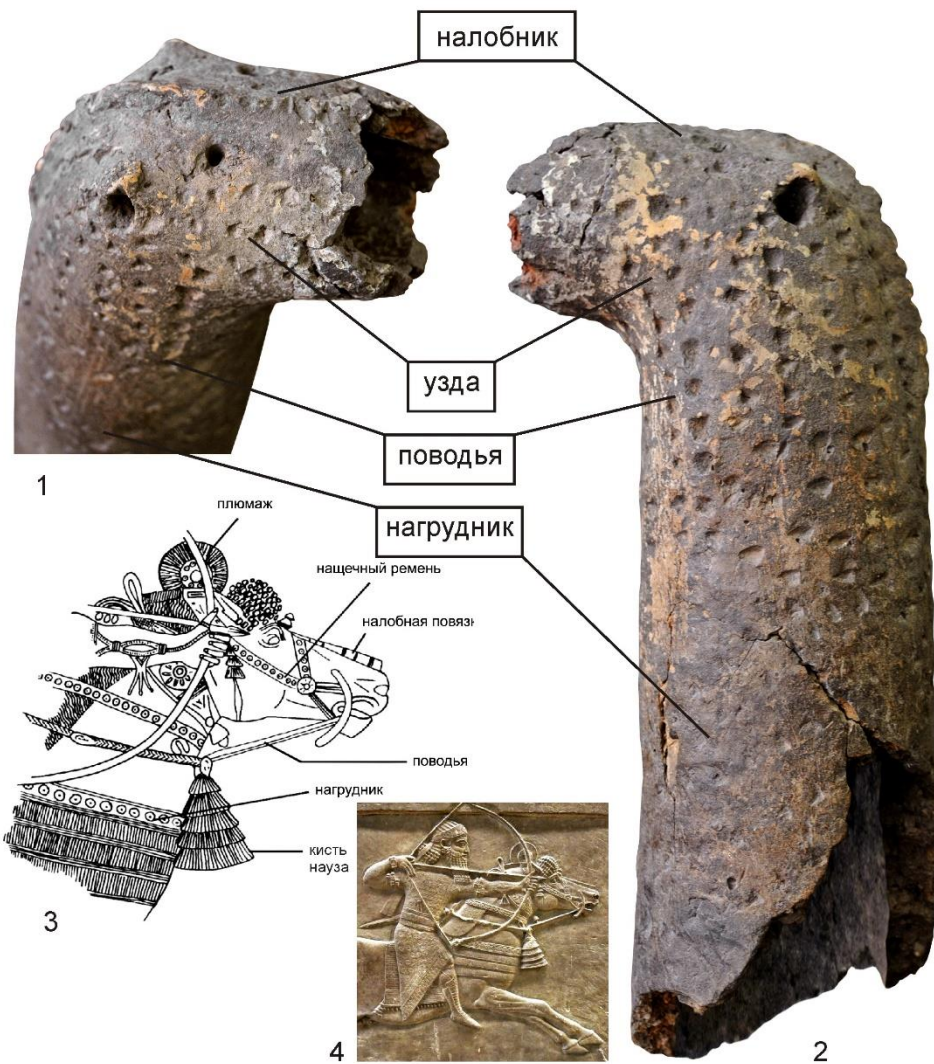

Илл. 4 Распространение вислобушых топоров и их форм на юге Западной Сибири

Илл. 5 Бронзовый вислобушной топор

Илл. 6 Изображение узды ассирийского типа на ритуальной керамической протоме из Среднего Прииртышья (Новотроицкое-1)

и

Илл. 7 Натурная реконструкция кочевника эпохи раннего железа Среднего Прииртышья

Илл. 8 Графическая реконструкция пешего война скифского времени

Илл. 9 Кулайское культовое литье (Новообинцевский клад, Алтайский край)

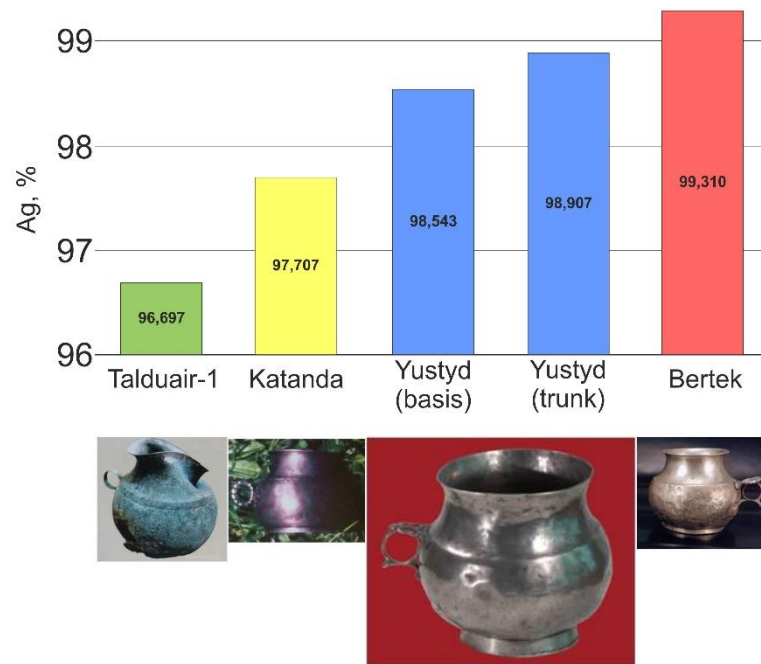

Илл. 10 Фрагмент керамического сосуда кулайской культуры из Прииртышья

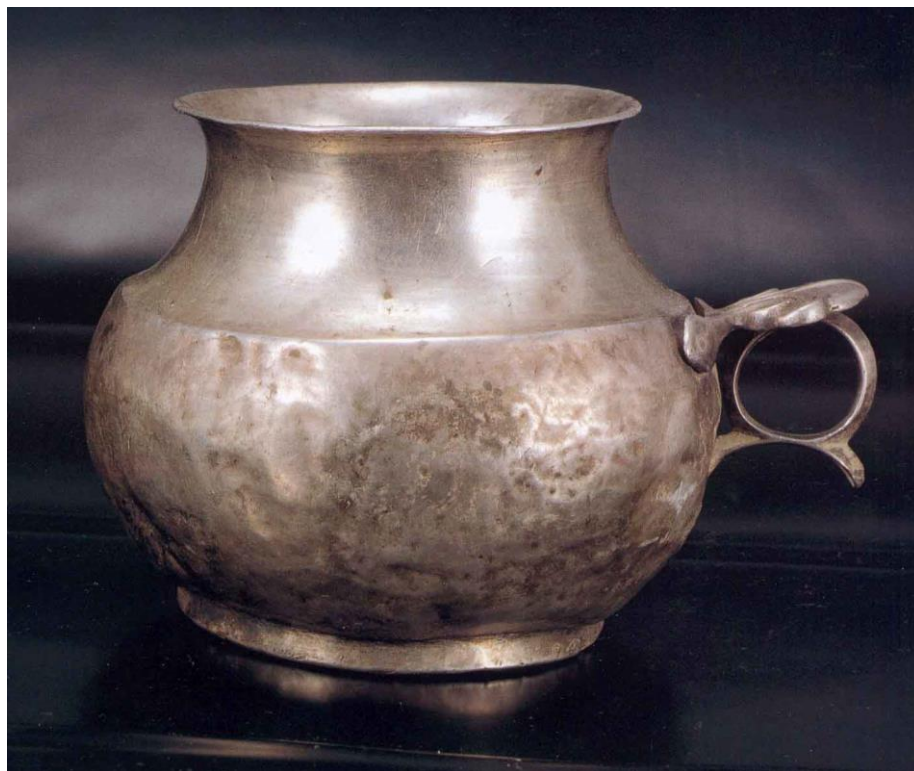

Илл. 11 Китайские импортные зеркала с юга Западной Сибири

Илл. 12 Серебряные престижные древнетюркские сосуды

Илл. 13 Натурная реконструкция кимакских всадников в Среднем Прииртышье

Илл. 14 Современная реконструкция судна русских первопроходцев в Сибири 17-начала 18 вв.

Илл. 15 Натурная реконструкция казака 18 столетия на Среднем Иртыше

Илл. 16 Промысловая деятельность народов Западной Сибири

Илл. 17 «Могильное» золото из коллекции Петра Великого (Эрмитаж, Санкт-Петербург)

Илл. 18 Элитарные курганы юга Западной Сибири

Илл. 19 «Огненный бой» казаков, стрельцов и служилых людей в Сибири

Илл. 20 Служилые люди «Литовского списка» в Сибири

Илл. 21 Петровская эпоха в Западной Сибири (1700- 1730 гг.)

Илл. 22 Сибирская артиллерия острогов, форпостов, редутов 18 столетия

Илл. 22 Река Иртыш одна из основных соляных транспортных артерий Сибири

Илл. 24 Остроги, форпосты, редуты и сибирские дороги

Илл. 25 Соляные дороги юга Западной Сибири